

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4

Том 4. История

Санкт-Петербург
2010

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 4 (Том 4) 2010
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. А. Бочков, доктор исторических наук, профессор;
В. А. Веремеенко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
А. М. Судариков, доктор исторических наук, доцент;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2010

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В. Н. Скворцов, В. О. Левашко

Духовный потенциал советского общества
в конце 1930-х годов 7

П. А. Васильев

Наркотизм в Петрограде – Ленинграде в 1917–1929 гг.
Пути решения социальной проблемы 16

Е. Д. Твердюкова

Persona non grata: частник в советской торговле
на рубеже 1920–1930-х гг. 24

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

А. М. Сударинов, М. И. Фролов

Роль советской науки в создании ракетно-ядерного щита
страны в послевоенное десятилетие 36

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М. Б. Аллакулыев

Причины конституционного кризиса 1993 г.
в исторической литературе 53

ЭТНОЛОГИЯ

Д. Д. Нимаев

Объединительные процессы в Бурятии:
предпосылки, движущие силы и тенденции развития 64

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

А. В. Товпека

Практика использования голубиной связи в военном деле
и охране границ Российской империи 75

Д. Н. Тихонов

Моряки-пограничники в боях за Ленинград 85

Г. Я. Мурадова

Женщины-военнослужащие в подразделениях
МПВО Ленинграда 93

А. В. Гусев

Местная противовоздушная оборона прифронтовых городов
в годы войны, и ее роль в защите населения
и объектов от воздушного нападения 100

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А. Н. Кардаш

Реакция народа на Церковную реформу Петра I 108

И. А. Старичкова

Проблема финансирования школьного образования
в Тихвинском провинциальном уезде Новгородской губернии
(середина XIX – начало XX вв.) 117

И. А. Тропов

РКП(б) в системе сельских и волостных органов власти
в России (первая половина 1920-х гг.) 124

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А. В. Гостенков

Триполитанская война 133

Сведения об авторах 141

Contents

SOCIAL HISTORY

V. N. Scvortzov, V. O. Levashko

Spiritual potential of the Soviet society in the late 1930s..... 7

P. A. Vasilyev

Drug Addiction in Petrograd-Leningrad, 1917–1929.

The Ways of Solving a Social Problem 16

E. D. Tverdyukova

Persona non grata: private trader in the Soviet trade

on boundary of 1920–1930-s years..... 24

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNICS

A. M. Sudarikov, M. I. Frolov

Role of the Soviet science in creation of a rocket-nuclear board

of the country in post-war decade 35

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

M. B. Allakulyev

The reasons of the constitutional crisis of 1993

in the historical literature..... 52

ETHNOLOGY

D. D. Nimaev

Unifying processes in Buryatiya: preconditions, motive forces

and development tendencies 63

MILITARY HISTORY

A. V. Tovpeka

Use of pigeon communication in military science

and protection of borders of the Russian empire 74

D. N. Tikhonov

Seamen-frontier guards in fights for Leningrad..... 84

G. Ya. Muradova

Women soldiers in units of local air defense of Leningrad..... 92

A. V. Gusev

Local antiaircraft defence of front cities in days

of the war and its role in protection of the population

and objects against an air attack..... 99

RUSSIAN HISTORY PAGES

A. N. Kardash

The reaction of society on the Peter the Great's reform
of the Russian church 107

I. A. Starichkova

Problem of financing of school education in the Tikhvin
provincial district of the Novgorod province
(middle XIX – beginning XX centuries) 116

I. A. Tropov

RCP (B) in the system of rural and volost authorities
in Russia (first half of 1920s) 123

WORLD HISTORY PROBLEMS

A.V. Gostenkov

Tripoli War 132

About authors 140

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.6

В. Н. Скворцов^{}, В. О. Левашко^{**}*

Духовный потенциал советского общества в конце 1930-х годов

В статье проанализирован духовный потенциал советского общества в преддверии Великой Отечественной войны. Большое внимание уделено различным факторам формирования духовного потенциала.

Article is devoted to the analysis of spiritual potential of the Soviet society on the threshold of the Great Patriotic War. The great attention is paid to various factors of formation of spiritual potential.

Ключевые слова: духовный потенциал, моральное состояние, духовные силы, советское общество, менталитет, Родина, ВКП (б), материальная жизнь.

Key words: spiritual potential, a morale, spiritual forces, the Soviet society, mentality, the Native land, the All-Union Communist Party of Bolsheviks, a material life.

Одним из актуальных в отечественной исторической науке является вопрос о состоянии духовных сил советского общества накануне Великой Отечественной войны. В последнее время под влиянием определённых тенденций принято характеризовать это состояние исключительно негативно. Но придя к таким выводам, исследователи неизбежно попадают в тупик, так как становится невозможным понять тот грандиозный подъём духовных сил населения СССР, который стал одним из важнейших факторов Победы. Авторами этой статьи предпринята попытка кратко и непредвзято охарактеризовать моральный потенциал советского общества в конце 1930-х годов. Именно он станет тем фоном, на котором советское правительство и военно-политическое руководство будет проводить свои действия, и именно от состояния духовных сил об-

^{*} **Скворцов Вячеслав Николаевич**, доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

^{**} **Левашко Вадим Олегович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

щества будет зависеть успешность или неуспешность этих действий.

В середине 1930-х годов советское общество испытало значительную трансформацию. Начало пересмотру и переоценке основополагающих духовных ценностей общества положило принятие Сталинской конституции. Возвращение таких понятий, как «патриотизм», «Родина», полностью соответствовали менталитету советского человека, укрепляли в нем веру в свое государство. Важнейшей тенденцией, которую можно вывести из анализа Конституции 1936 г., является тенденция к определенной демократизации общества. Основным Законом предусматривалась демократизация органов государственной власти. Новый закон провозглашал абсолютно равные выборы, ликвидировал институт «лишенцев», исключал привилегии одних классов перед другими. Были введены прямые выборы. Конституция 1936 г. гарантировала решение многих межнациональных проблем. Она декларировала гражданам СССР в полном объеме экономические, политические и социальные права. При этом впервые в советском законодательстве права и свободы граждан были закреплены не в республиканских, а в союзной Конституции. Принятие Основного Закона 1936 г., несомненно, самым благотворным образом повлияло на моральное состояние советского общества.

Оценивая Конституцию, американская коммунистка Элла Блур, посетившая СССР в момент выборов Верховного Совета СССР по новому избирательному закону, отмечала: «Выборы явились кульминацией непрерывного демократического процесса, посредством которого весь народ, день за днём, непосредственно участвует в решении любых задач, которые затрагивают его жизнь» [1, с. 223]. Можно возразить, что «мама Блур» была давним другом и сторонником СССР, и ждать от неё иных оценок вряд ли придется. Это так! Но правильно и то, что это был взгляд человека постороннего, не подвергавшегося массивной обработке советского пропагандистского аппарата! И если это так, то очень важно, что люди, подобные Блур и Бернарду Шоу, весьма и весьма знакомые с демократическим законодательством и традициями, разглядели в советской Конституции тенденции этой самой демократии. Но при этом нельзя не отметить и негативную сторону конституционного процесса. Причина кроется в явной декларативности перечисленных положений Основного Закона на фоне набирающего обороты маховика репрессий, зажима и уничтожения любого, даже кажущегося, инакомыслия. Современник писал: «Да, это был невообразимо чудесный восход "солнца Сталинской Конституции", торжества симулирующей демократии. Демократии единства населения на выборах без выбо-

ра» [10, с. 161]. Подобное противоречие оказывало на духовный потенциал общества самое негативное влияние, укрепляло в нем семена недоверия к власти и как следствие приводило к становлению в обществе двойной морали.

Представлениям рядового члена общества об идеальной власти соответствовало наличие сверхсильного государственного аппарата и харизматического лидера. В сознании советских людей того времени это было синонимом могущества и гарантией успеха. Стержнем и основной направляющей этой работы была Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). За годы единовластного правления страной партия охватила все сферы жизни советского общества, обладала широкими возможностями по управлению и манипулированию всеми видами ресурсов, включая и духовный потенциал. Исследователи отмечают: «Принимая на себя хозяйственные, экономические, военные и иные обязанности, ВКП (б) окончательно трансформировалась в государственную партию. По сути, в конце 1930-х годов в СССР возникла своеобразная форма общественного устройства, которую можно определить как советское партийное государство» [8, с. 5]. При этом влияние правящей партии на советское общество было далеко не однозначным. Процессы репрессий, засилье аппарата, чрезмерная централизация нанесли ее авторитету большой урон. Однако большинство населения, особенно городское, продолжало связывать свои надежды и стремления именно с ВКП (б).

Образ сильной, единой партии, смело прогоняющей из своих рядов врагов, но кажущейся способной признавать собственные ошибки, импонировал большинству советского народа. Одна из причин этого явления кроется в традиционном российском менталитете, стремлении персонифицировать власть, в принятии «сильной руки» власти.

Характеризуя отрицательные явления в ВКП (б), особенно следует отметить завершение формирования культа личности И.В. Сталина. Именно к 1939 г. это явление достигает своего расцвета. В сознании населения абсолютно все хорошее должно было быть связано со Сталиным. Ярким примером этого может служить отмечавшееся всей страной 21 декабря 1939 г. 60-летие Вождя. За неделю до и месяц после этого события центральные газеты отводили ему целые столбцы. В номере от 19 декабря 1939 г. газеты «Правда» была опубликована «Краткая биография товарища Сталина». Этот материал занял шесть газетных листов, а номер от 21 декабря вообще превзошел все ожидания – на 12 листах было опубликовано 29 статей, на все лады восхваляющих Сталина [8,

с. 1–12]. С одной стороны, в сознании большинства советских людей личность Сталина неразрывно связан с государством, гарантировавшим стране стабильность и новые успехи. Это, конечно, усиливало моральный дух советского общества и, что очень важно, полностью соответствовало национальному менталитету. Но, с другой стороны, наличие лидера, отвечающего за всех и за все, порождало безынициативность и апатию, поощряемую во многом государственным и партийным аппаратом.

Важнейшим фактором формирования морального потенциала являлась материальная сторона жизни советских людей. Грандиозный скачок, совершенный советским государством в годы первых лет пятилеток, вполне реально и благотворно повлиял на моральный потенциал населения. Он породил у советских людей удивительное для стороннего наблюдателя чувство гордости за свою страну, сформировал определенный «комплекс превосходства».

Но государство не смогло использовать в своих интересах материальный фактор. Сделать это можно было, лишь неуклонно повышая материальное положение граждан. Этот процесс наметился лишь в годы второй пятилетки. Последовавшее вслед за этим обострение положения в 1936–1937 годах вновь вызвало негативные настроения, что свидетельствовало о снижении морального духа общества. Этот печальный процесс проходил и в городе, и в деревне, но в разной степени. Для горожан во второй половине 1930-х годов особенно остро стояла проблема оплаты труда, где наметилась тенденция значительной дифференциации зарплаты у инженерно-технического персонала, «ударников» и основной массы работающих. Это видно из следующих цифр по Ленинграду за 1940 г.: 1500 руб. – 0,8 % рабочих; от 341 до 800 руб. – 63 %; от 221 до 340 руб. – 31 %; 220 руб. – 9 % рабочих. При этом сама заработная плата в соотношении со стоимостью жизни была отнюдь не высока, значительная часть уходила на питание. Это также можно проследить на примере Ленинграда: в течение третьей пятилетки картина расходов рабочей семьи представлялась таковой: питание – 60 %, одежда – 12,4 %, мебель и обстановка – 2,2 %, оплата жилья – 2,84 %, оплата коммунальных услуг и керосина – 6 %, на медицинское обслуживание – 1,3 %, культурно-просветительные мероприятия – 4,3 %, проезд – 1,6 % [2, с. 50–55]. Серьёзно понижали уровень фактической заработной платы государственные займы, составлявшие, по официальным данным, до 4,15 % семейного бюджета. На самом деле, как показывают современные исследования, государственные займы отбирали как минимум одну месячную зарплату, что можно подтвердить следующим примером. В июле 1939 г.

в займе 3-й пятилетки приняли участие лётчики Краснознамённого Балтийского флота. По итогам работы политическими органами был представлен следующий отчёт по 9-й авиационной бригаде ВВС КБФ от 7 августа 1939 г. [9. Л. 73]:

Категории военнослужащих	Общее месячное содержание за июль, руб.	Общая сумма по подписке, руб.	Проценты от месячного содержания	Охват по наличному составу, %
Начстсостав	550 825	512 470	94,07	99,6
Сверхсрочники	90 090	79 010	90,34	100
Срочники	16 937	42 565	213,91	99,63
Вольнонаемные	67 183	50 965	80,33	100
Итого	725 035	706 315 (21 305) собрано с членов семей военно-служащих		

Трудно назвать это иначе как прямым государственным грабежом. Особенно хотелось бы обратить внимание на цифры в графе «военнослужащие срочной службы». Чтобы добиться подобных результатов, краснофлотцы, несомненно, вынуждены были запрашивать деньги из дома так же, как сейчас для того, чтобы расплатиться с пресловутыми «дедами». При этом прессинг политработников был весьма жестким. Так, когда командующий ВВС КБФ, имея денежное довольствие 2 750 руб., подписался на 2 500 руб., это вызвало недовольство политических органов.

Еще одной проблемой было обеспечение жильем. С этим в большинстве регионов ситуация была близка к катастрофической: в 1936 г. 960 рабочих Новокузнецкого металлического завода ютились в землянках, имея на каждого по 3,14 м² земляного пола. Даже в Иваново (Подмосковье) на 1 сентября 1937 года около 8 тыс. жителей, в том числе 3 тыс. детей, продолжали жить в землянках и т. д. [4, с. 40].

Хроническими стали проблемы со снабжением города продуктами и предметами первой необходимости. Соответствующие службы фиксировали множество негативных высказываний, связанных и с этой проблемой, причем чем дальше от центра, тем ситуация была тревожней: «Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение Москвы!»; «Стало жить весело – целый день стоишь в очереди за хлебом. Дохозяйничались. Вот и выполняй план. Тут не о плане надо думать, а как быстрее занять место в очереди»; «Колхозники

стали зажиточными и толпами стали ездить в город за хлебом»; «Только удовлетворяют одну Красную армию!»; «Вот так построили социализм. Хлеб и тот стали в драку получать, ...нам говорят, что в других государствах, в частности в Германии, голод, а что у нас делается!». «Разве наши дети не такие как в Москве и в Ленинграде, – говорили летом 1940 г. в Казани. – Почему они не имеют сладкого и жиров совершенно, почему они обречены на гибель? В магазинах у нас буквально ничего нет. Вот уже больше года дети не имеют самого необходимого, они истощены до крайности. Какие они строители коммунизма? Где забота об их здоровье?» [6, с. 204–209].

Гораздо хуже ситуация обстояла в деревне. После пиковой негативной ситуации 1931–1933 г., голода по всем черноземным районам страны до 1935 г. реального улучшения жизни колхозников не наступило. Постановлениями ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. «Об обязательной прописке паспортов», от 17 марта 1933 г. «О порядке отходничества из колхозов» и от 1 сентября 1933 г. «Об исключении самовольно ушедших из колхозов» в советской деревне, по сути, было восстановлено крепостное право [5, с. 29]. Даже во второй половине 1930-х годов трудодень – основное средство измерения трудовых затрат колхозников – оплачивался далеко не всегда. Время от времени проводились различные кампании, подобные переносу хуторов, который летом 1939 г. прошёл в Ленинградской области. Фактически произвольно проводилось изъятие денежных средств у колхозников. Так, краснофлотцу Костылеву (Краснознаменный Балтийский флот) родители писали, что налоги вместо 60 руб. берут 90 руб., это притом, что урожая в колхозе нет. Политуправление флота в 1939–1940 гг. зафиксировало не менее 10 подобных писем [9. Л. 20]. Ситуация на селе обострилась до крайности, реальной была опасность вооруженного сопротивления власти, и это заставило союзное руководство сделать целый ряд шагов, улучшающих положение в колхозах. В феврале 1935 г. в Москве на Втором Всесоюзном съезде ударников колхозного движения принимается новый и достаточно либеральный Устав сельскохозяйственной артели, в апреле 1938 г. вышло постановление о пересмотре распределения доходов колхозов, и на трудодни было предписано направлять не менее 60 % дохода колхоза. Оправдали ожидание сельчан урожая 1935–1936 гг., что позволило деревне относительно легко пережить провал 1937 г. Но все равно настроение в советской деревне было в большей степени негативным, что видно из высказываний колхозников: «Рабочим и служащим есть защита, а колхозников зажали!»; «Гитлер заберет не только Советский Союз, но и весь мир будет под его властью, тогда и будет настоя-

щая жизнь. А сейчас только голодовка!»; «Рано или поздно, а Сталина все равно не жить. Против него много людей! Сталин много людей уморил голодом!»; «Советская власть и Сталин действуют методами крепостного права. Как раньше крестьяне работали на барина, так и теперь работают неизвестно на кого, а хлеба не получаешь!» [6, с. 197].

В Ленинградской области с началом советско-финляндской войны можно было услышать такие высказывания: «Финны нам помогут, и тогда колхозов не будет, а все будем жить единолично, как при царизме. Тогда и мужа моего выпустят».

Неустановленная колхозница Островского района заявила: «В колхозе можно не работать, всё равно им скоро будет конец. Скорее бы началась война и провалилась бы эта советская власть сквозь землю. Вот если бы старую власть, я была бы рада. Неужели моё желание не исполнится?»

Жакова, единоличница Островского района, дер. Вашкова сказала соседкам: «Скоро настанет время, когда мы будем бить колхозников, которые ломали хутора» [11. Л. 107–109].

Следует отметить, что высказывания крестьян в этот период носят, несомненно, более жесткий характер, нежели высказывания городского населения. Это объясняется несравненно более тяжелым положением деревни. Уже не в первый раз за свою многовековую историю она оказывалась под ударом. Понятно, что закалка российского крестьянина, его менталитет предполагали постоянную борьбу за выживание, но столь масштабные потрясения не могли пройти бесследно.

Говоря о негативных факторах, снижающих уровень духовных сил советского народа, мы не можем не упомянуть о массовых репрессиях. Массовый и необъяснимый террор нагонял страх на людей. Никто не чувствовал себя в безопасности. Каждого, несмотря на заслуги, положение в партии и государстве, могли обвинить в чем угодно и арестовать. Это заставляло людей молчать, единодушно поддерживать, слепо и бездумно выполнять любое распоряжение сверху. Одно человек думал про себя, другое говорил вслух и делал. Нормой стала двойная мораль, страшная беда нашего общества, неизжитая до сих пор. Всеобъемлющий страх породил пьянство, и тут не помогали никакие антиалкогольные кампании. Самое негативное влияние на моральное состояние общества оказывали доносы, призывы к которым открыто раздавались сверху. В этих условиях гражданин, стремясь избежать страшного давления страха, старался сделать вид, что ничего не происходит. Люди всей душой хотели верить спасительной мысли, что для них пока все

идет нормально, и официальная пропаганда и культура всячески способствовали этому.

Но абсолютизировать снижение духовных сил общества под влиянием указанных факторов тоже не стоит. Исследователи не раз отмечали подобный парадокс: «На наш взгляд, действительные трудности, которые выпали на долю народа,... удалось вынести не только за счет отложенных на будущее радостей ..., но и за счет сплошной социально-психологической осмысленности жизни, которая вывела в историю не индивидуальные единицы, а довольно широкие слои народа» [3, с. 198]. К тому же массовая и умелая пропагандистская обработка, помноженная на весомые глобальные успехи, обещала процветание в самом недалеком будущем. Нельзя забывать и неистребимый максимализм советских людей, которые к тому же воспринимали страх и давление как неизбежные свидетельства «сильной руки» мощного государства.

В ходе первого этапа культурной революции к искусству во всех его проявлениях были привлечены огромные массы людей. Культура стала важнейшим средством формирования массового сознания. Огромное значение имело наметившееся после принятия Конституции 1936 г. смещение акцентов от интернационального к патриотическому воспитанию трудящихся, что полностью соответствовало традиционному менталитету народа. В рамках культурной революции значительную роль играла советская школа, в развитии которой в этот период так же заметно возвращение традиционных русских форм и методов обучения.

Моральный потенциал советского общества не являлся одноуровневым. Различные слои общества в разной степени подвергались воздействию вышеперечисленных факторов. Так, материальное положение деревенского жителя в 1936–1937 гг. ухудшилось больше, чем у горожанина, ниже был уровень идеолого-пропагандистской и культурно-просветительной работы. В силу этих причин моральный потенциал деревни представляется менее устойчивым, чем в городе, хотя такое положение не вполне типично для отечественной истории. В вооруженных силах серьезно сказывалось влияние репрессий. Однако в целом моральный потенциал общества и как его части вооруженных сил представляется достаточно устойчивым, что позволяло руководству СССР проводить активные внутри- и внешнеполитические действия, и как уже было сказано выше, обеспечил советскому народу победу в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Блур Э. На двадцатой годовщине первого мире социалистического государства. Писатели США о Стране Советов. – Л.: Лениздат, 1983. – 261 с.
2. Дзенискевич А.Р. Рабочие Ленинграда накануне Великой Отечественной войны 1938 – июль 1941. – Л.: Лениздат, 1983 – 221 с.
3. Козлов В.А., Хлевнюк О. В. Начинается с человека. – М. – изд-во: Полит. лит-ры, 1988. – 253 с.
4. Коровин Н.Г. Рабочий класс России в 30-е годы XX в.: автореф. дис ... д-ра ист. наук. – М., 1996. – 52 с.
5. Лельчук В. С., Азимов Ю. М. Итоги советской индустриализации. – М., 1985.
6. Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – М.: РосПэн, 1998. – 271 с.
7. Петров В.Л. Страна готовится к отражению агрессии // Военно-истор. журн., 1995. – № 6.
8. Правда. 1939 г. 21 дек. – С. 1–12.
9. Российский Государственный архив Военно-морского флота. Ф. р. 62. Оп. 5.
10. Стадлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа. – Магадан, 1991. – 557 с.
11. Центральный Государственный архив историко-политических документов. Ф. 24. Оп. 5.

Наркотизм в Петрограде – Ленинграде в 1917–1929 гг. Пути решения социальной проблемы

Данная работа раскрывает специфику наркотизма в Петрограде – Ленинграде в 1917–1929 гг. и оценивает степень эффективности различных средств, с помощью которых властные структуры пытались справиться с этой социальной проблемой в региональном масштабе. Особое внимание при этом уделяется медицинскому аспекту наркотизма.

This paper shows distinguishing features of drug addiction in Petrograd-Leningrad in 1917–1929 and evaluates the degree of effectiveness of various measures that were employed by regional authorities to solve this social problem. Special attention is devoted to the medical aspect of drug addiction.

Ключевые слова: наркотизм, Петроград, Ленинград, раннесоветский период, здравоохранение, социальная проблема, морфий, кокаин.

Key words: drug addiction, Petrograd, Leningrad, early Soviet Russia, public health, social problem, morphine, cocaine.

В настоящее время исследователи – медики, социологи и девиантологи – могут с полной уверенностью констатировать, что за последние 20 лет рост потребления наркотиков в России привел к обострению серьезной социальной проблемы. Государство оказалось не в состоянии найти успешные меры противодействия увеличению числа потребителей наркотических средств. Между тем, по меткому выражению Я.И. Гилинского, социальные девиации представляют собой своеобразное «зеркало социальной действительности» [4, с. 7], и властные структуры ни в коем случае не должны избегать смотреться в него.

Потребление наркотиков переросло в грандиозную социальную проблему, одностороннее решение которой явно неприемлемо. Неудачными оказываются попытки, предлагающие трактовать этот вопрос только в узких рамках каких-либо социологических или медицинских теорий, равно как и методы исключительно юридического, административного воздействия. Термины «наркотик», «наркоман», «наркомания», «наркотизм» употребляются в несколько упрощенном смысле, как однозначное «социальное зло», что за-

* **Васильев Павел Андреевич**, аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

трудняет объяснение самого феномена. Также недостаточное внимание уделяется социальным, психологическим, экономическим и иным мотивам, побуждающим индивида к потреблению наркотиков.

Таким образом, очевидно, что необходим некий обобщающий, комплексный подход, и в поисках его необходимо обращаться и в прошлое, к исследованию потребления наркотиков в России в исторической перспективе. При решении социальной проблемы невозможно не учитывать тот опыт, который был накоплен к настоящему времени.

Научная актуальность темы также очевидна, поскольку советская историография практически полностью игнорировала теневые стороны жизни России в XX в.¹ [9, с. 7]. История после октября 1917 г. представлялась в упрощенном виде – «успешно развивающимся поступательным процессом», который сопровождался быстрым искоренением «пережитков прошлого» [8, с. 19]. В то же время вне внимания историков находился культурно-антропологический и повседневно-поведенческий пласт жизни советского общества [8, с. 14; 13, с. 5]. Лишь в 1990-е гг. появились исследования и публикации документов, освещающие ранее «непопулярные» сюжеты [3, с. 11–12]. Слабое внедрение в советской исторической и социологической науке получила быстро развивавшаяся на Западе теория девиантного поведения [8, с. 19].

В фокусе нашего исследования проблема наркотизма в России в годы «военного коммунизма» и НЭПа. Именно в этот период, по словам врачей, наблюдалось «ужасающее распространение» кокаинизма, эфиромании и морфинизма [21, с. 49]. Своеобразным промежуточным хронологическим рубежом, в значительной степени определяющим формальную структуру нашего исследования, выбран конец 1924 г., когда были изданы два декрета советской власти, окончательно завершившие юридическую квалификацию торговли наркотиками.

Работа основывается на региональном материале (Петроград-Ленинград). Блестящее обоснование предпочтительности такой территориальной локализации исследования дала Н.Б. Лебина в своей работе, посвященной явлениям повседневности в Советской России 1920–1930-х гг. Так, Петербург всегда был не обычным российским городом, а считался своеобразным «отклоняющимся явлением», «девиантом». Исследователи отмечают «амбивалентность, двойственность социокультурной природы» города на Неве. Здесь

¹ Здесь проявились такие характерные черты марксистской историографии, как «мифологизация прошлого, замалчивание событий и явлений, несоответствующих заданной идеологической концепции».

особо рельефно смотрятся различные дихотомии, в том числе и ключевая для нашей работы пара «норма – аномалия». Кроме того, при работе с региональным материалом возможно достаточное «фундирование выводов» [8, с. 16–17]. Помимо всего указанного выше, город, по словам В.Б. Жиромской, «представляет интерес как объект для изучения и потому, что здесь полнее, чем в деревне, были отражены все элементы социальной структуры переходного периода. Противоречивость социальных отношений в городе выступала ярче, социальные процессы протекали динамичнее» [6, с. 4].

Прежде всего, следует особо отметить предпосылки столь широкого распространения наркотических средств, которые еще в начале 1910-х гг. были популярны лишь в узких кругах художественной и салонной элиты. Немалую роль сыграл тот факт, что многие солдаты Первой мировой войны пристрастились к морфию, который врачи впрыскивали им после тяжелых ранений. Не в меньшей степени подверженные военным неврозам, эти врачи, фельдшера, медсестры злоупотребляли наркотиками и сами становились зависимыми от морфия.

Не забудем и об экономических предпосылках: общий хозяйственный кризис в стране, в Петрограде обострялся особенно высоким уровнем безработицы, а в 1919 г. дезертирством и беженством по причине близости фронта [13, с. 201]. Заболевания, переутомления, хроническое недоедание [1, с. 684] были постоянными спутниками населения во времена Гражданской войны и в первые годы НЭПа (в этой связи на первый план выдвигается свойство кокаина создавать иллюзию сытости).

Наконец, в условиях сухого закона такие наркотики, как кокаин, морфий и опий, оказались намного более доступнее алкоголя: значительная часть населения нашла в кокаине с его эйфорическим воздействием на организм достойную замену привычной водке.

Именно в таких условиях необычайную популярность в Петрограде приобрел кокаин. Способствовали распространению кокаина и такие его свойства, как незначительные явления абстиненции [17, с. 1; 5, с. 74; 12, с. 24], относительная простота употребления [12, с. 24; 15, с. 131], возможность на время вырабатывать у наркомана «нечувствительность к холоду, голоду и другим житейским невзгодам» [5, с. 69; 12, с. 24].

Часто именно к этому наркотику прибегали проститутки, мелкие воришки, рабочая молодежь [8, с. 31–32]. Не избежали искушения попробовать конфискованного кокаина многие работники комендатур, красноармейцы и революционные матросы [1, с. 679]. Распространился кокаинизм и среди интеллигенции и бывшего офицерства. С 1920 г. кокаин набирает популярность среди

беспризорников; уже вскоре он «стал угрожать работе детских учреждений» [20, с. 472]. Вообще в возрастном плане кокаинизм являлся болезнью детей, подростков и молодежи: до 60 % кокаиноманов были моложе 25 лет [8, с. 30]. Немалую роль, видимо, сыграло и то обстоятельство, что наркотики были своеобразным атрибутом преступного мира, всегда привлекательного для подростков.

Что касается морфия, то он распространялся, прежде всего, в различных медицинских учреждениях и в аптеках, чем зачастую пользовались наркоманы, подделывавшие рецепты [2, с. 29]. По мнению известного врача Э. Иоэля, в условиях войны «назначение опиатов ... происходило менее сдержанно, чем в нормальное время... Медико-полицейский надзор, особенно в первые годы после войны, проводился недостаточно строго, и доверенные лица не всегда соблюдали всю осторожность, необходимую при выдаче этих медикаментов» [22, с. 26–27]. Практически во всех без исключения медицинских учреждениях во время войны появились морфинисты [15, с. 130]. Морфинизм был распространен не только в медицинской среде, но и у проституток и посетителей увеселительных заведений. С другой стороны, уже вскоре после окончания гражданской войны число морфинистов в Петрограде уменьшилось и окончательно пошло на спад после введения дешевой водки в 1925 г. [7, с. 40; 16, с. 93].

Из других наркотиков, распространенных в Петрограде–Ленинграде в 1917–1924 гг. (хотя и значительно меньше, чем кокаин и морфий), следует выделить опий. В районах компактного проживания китайцев существовали подпольные опиумокурильни, из которых наркотик проникал также и в другие социальные группы [16, с. 82, 93]. Однако в целом опий, как и некоторые другие наркотики (эфир, героин, анаша), в период 1917–1924 гг. употреблялся сравнительно редко.

Меры борьбы с наркотизмом в первый период существования советской власти отличались известной хаотичностью. В.И. Мусаев пишет об отсутствии четких юридических норм и отмечает, что на практике «государственные органы основывались на собственном понимании того, что может и что не может быть терпимо в новом обществе» [13, с. 169]. В годы Гражданской войны борьба с наркотизмом в Петрограде велась преимущественно с использованием жестких репрессивных мер, что согласовывалось с общим курсом на ликвидацию свободной торговли. В ведомостях арестов и задержаний по Петрограду в 1918 г. присутствует устойчивое определение: «торговля неразрешенными вещами (карты, наркотические вещества)» [19. Ф. 142. Оп. 3. Д. 18. Л. 4, 5,

12, 13, 18, 19, 24, 25, 30, 31, 36, 37, 43, 45]. Несколько позднее мы наблюдаем такие формулировки: «за продажу кокаина», «за торговлю кокаином» и даже «за употребление кокаина» [19. Ф. 33. Оп. 1. Д. 32. Л. 417; Д. 33. Л. 108; Д. 34. Л. 196 и др.]. Судя по имеющимся у нас данным, практика репрессивных мер по отношению к продавцам кокаина и кокаинистам принесла некоторые плоды.

После окончания Гражданской войны гонения на продавцов наркотиков несколько ослабли. В 1922–1923 гг. был реализован комплекс мер, направленных на искоренение проституции и безработицы, что косвенно поспособствовало снижению числа наркоманов.

Абсолютно необходимо упомянуть о Первой научной конференции по вопросам наркотизма, состоявшейся в декабре 1923 г. в Москве. По ее итогам была принята набатная резолюция врачей (где заявлялось о том, что употребление наркотических средств в советской России приняло характер эпидемии). Самое главное, что врачи оценили разрозненные меры борьбы с наркоманией как низкокэффективные и наметили свою программу действий, которая во многих своих пунктах и была реализована властными структурами в 1925–1929 гг. Так, звучали призывы к борьбе с беспризорностью, закрытию притонов наркоманов. Декларировалась необходимость пропаганды здорового образа жизни, учреждения диспансеров, организации лабораторий и библиотек, проведения бесплатных консультаций. Врачи видели необходимость жесткого контроля над ввозом и продажей наркотиков. Имелись также требования экономического плана.

Вместе с тем в юридической сфере продолжал царить хаос. Уголовный кодекс РСФСР, изданный в июне 1922 г., не содержал статей, предусматривающих наказание за продажу наркотиков. Впрочем, деятельность лиц, занимавшихся продажей кокаина, морфия, опия и других сильнодействующих веществ, подпадала под ст. 136, 139 и 141 УК, регулировавших правила о торговле и предписывавших наказание в виде тюремного заключения на срок до года. Лишь в конце 1924 г. (6 ноября и 22 декабря) были изданы декреты «О мерах регулирования торговли наркотическими средствами» и «О пополнении Уголовного кодекса статьей 140-д». Таким образом, «изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения» стало официально караться лишением свободы на срок до трех лет, а то же преступление, «совершаемое в виде промысла, а равно содержание притонов, в коих производится сбыт или потребление – лишением свободы на срок не ниже трех

лет» [14, с. 58–59]. Советское правительство очевидным образом пошло по пути нового ужесточения репрессивных мер с постепенной их систематизацией: курс на искоренение наркотизма как социальной болезни становился последовательным.

Итак, с начала 1925 г. советская власть усиливает репрессивные меры по отношению к продавцам наркотических средств. Однако меры эти, по свидетельству современников, были недостаточно энергичны и систематичны [18, с. 62].

Как представляется, помимо положительного результата общая систематизация и упорядочивание уголовного права принесло и свои неожиданные результаты. Подтверждение этому мы можем найти в достаточно необычном месте. В истории болезни одного из своих пациентов врач-нарколог Р.Я. Голант допускает такую фразу: «Любовь, революция и наркотические средства вызывают подъем и дают более острое ощущение жизни» [2, с. 24]. После того как хаотическая романтика революции постепенно уступила место более тихому и размеренному функционированию налаженного государственного механизма, у многих людей могло возникнуть «желание уйти от действительности, сделать жизнь ярче, интересней» [2, с. 21]. И здесь в этом аспекте наркотические средства действительно заменили революцию.

Социальный состав морфинистов, как отмечают врачи [2, с. 40], начинает постепенно изменяться в сторону преобладания деклассированных элементов и рабочей молодежи над врачами и медперсоналом. По-прежнему в среде потребителей наркотиков доминируют проститутки [11, с. 90; 20, с. 476–477] и бандиты.

Среди других черт наркотизма в 1925–1929 гг. можно выделить усиление героинизма и распространение анаши («собачки») [20, с. 476]. Весной 1929 г. в Ленинградском трудпрофилактории 6,4 % содержащихся в нем проституток нюхали кокаин или курили гашиш (анашу), причем происходило постепенное замещение первого наркотика вторым (что, на наш взгляд, вызвано было все же скорее репрессивными, нежели медико-профилактическими мерами).

Однако в целом во второй половине 20-х годов происходит постепенный спад наркотизма в советской России в целом и в Ленинграде в частности. Причинами этого послужили как принимаемые советской властью меры против контрабанды, так и медицинская пропаганда, издание популярных книжек о вреде употребления наркотиков. В Ленинграде были организованы специальные диспансеры, с марта 1927 г. постоянно функционировало совещание по борьбе с алкоголизмом и наркотизмом [20, с. 475].

Немалую роль сыграло и введение дешевой водки (т. н. «рыковки») с 1925 г. и ужесточение таможенных барьеров в связи со свертыванием НЭПа [10, с. 117].

Подводя итоги, можно сделать выводы относительно слабой степени разработанности мер медицинского, санитарного и пропагандистского воздействия (особенно в период 1917–1924 гг.). Во второй половине 1920-х гг. все же постепенно применялись медицинские меры борьбы с наркотизмом.

Оценивая социально-экономическую сторону вопроса, автор хотел бы отметить, что общее оздоровление жизни Петрограда после окончания Гражданской войны и нормализующая регламентация социальной жизни сопровождались уменьшением административно-репрессивного контроля над наркоманами и распространителями наркотиков.

Что касается полицейских мер уголовного преследования продавцов наркотических средств (а в ряде случаев и их потребителей – см. выше), то они, хотя и имели некоторый успех в годы «военного коммунизма», все-таки скорее загнали социальную болезнь внутрь, нежели излечили ее. Современные российские девиантологи отмечают «бесперспективность силовых методов борьбы с отклоняющимся поведением» и считают, что «принципиально невозможно искоренить, ликвидировать, преодолеть негативное девиантное поведение и отдельные его виды. Речь может идти лишь об адекватных способах и методах регулирования, управления ими (в целях оптимизации, гармонизации...)» [4, с. 54, 122, 131].

Данные теоретические построения подтверждаются на конкретном историческом материале: попытки исключительно репрессивного воздействия советской власти не смогли *ликвидировать само желание* принимать наркотики у людей, хотя медики в отдельных случаях и подошли близко к пониманию сути наркотического влечения и необходимости кардинального переустройства социально-экономической жизни общества для нейтрализации проблемы наркотизма [21, с. 45].

Употребление наркотиков в Ленинграде, разумеется, не исчезло с началом 1930-х гг. Вплоть до 1934 г. не действовали специальные запрещения касательно анаши, и этот наркотик получил активное распространение. И позднее мы можем наблюдать случаи потребления наркотиков (например: кража наркотиков из аптеки Ленметаллстроя в 1935 г.) [19. Ф. 7384. Оп. 2-с. Д. 60. Л. 250], хотя они и скрыты от нас за перечислением успехов по искоренению пережитков прошлого. По ряду причин представить исторический размах употребления наркотических веществ в стране (и в частности, в Ленинграде) в последующий период очень сложно [20, с. 477].

Список литературы

1. Аронович Г.Д. Наблюдения и впечатления среди кокаиноманов // Науч. медицина: сб. – 1920. – № 6. – С. 676–685.
2. Голант Р.Я. Проблемы морфинизма (Клинические и диспансерные наблюдения, экспериментальные исследования) // Тр. гос. ин-та мед. знаний (ГИМЗ) / под ред. Н. К. Розенберга. – Вып. V. – Л., 1929. – С. 17–32.
3. «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: док. и материалы / сост. М. В. Ходяков. – СПб., 2000.
4. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / под ред. Я. И. Гилинского. – СПб., 2000.
5. Дубрович Г. Клиническая картина кокаинизма в детском возрасте // Вопр. наркологии: сб. № 2 / под ред. А.С. Шоломовича. – М., 1928. – С. 66–75.
6. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. – М., 1988.
7. Кутанин М.П. Вопросы теории и практики морфинизма // Тр. первого всес. съезда невропатологов и психиатров / под ред. В. А. Беляева и др. – М.; Л., 1929. – С. 40.
8. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии: 1920–1930 годы. – СПб., 1999.
9. Лебина Н. Б. О пользе игры в бисер (Микроистория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов) // Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. – СПб., 2000. – С. 7–26.
10. Лебина Н. Б., Чистиков А. Н. Обыватель и реформы: Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003.
11. Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге: (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М., 1994.
12. Лисовский В. Т., Колесникова Э. А. Наркотизм как социальная проблема. – СПб., 2001.
13. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 г. и борьба с ней. – СПб., 2001.
14. О дополнении Уголовного кодекса статьей 140-д // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. – 1925. – № 4. – С. 58–59.
15. Панин С.Е. Потребление наркотиков в Советской России (1917–1920-е годы) // Вопр. истории. – 2003. – № 8. – С. 129–134.
16. Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. В. А. Шишкина. – СПб., 2000.
17. Семашко Н. А. О кокаинизме и борьбе с ним // Изв. ЦИК СССР. – 1925. – 4 янв.
18. Футер Д. О детях-наркоманах // Моск. мед. журн. – 1925. – № 10. – С. 59–63.
19. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).
20. Шкаровский М.В. Семь имен «кошки»: расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив: Историко-краеведческий сб. – Т. III. – СПб., 1997. – С. 467–477.

21. Шоломович А.С. Наркотизм как социально-патологическое явление и меры борьбы с ним среди рабочих // *Вопр. наркологии*: Сб. № 1 / под ред. А.С. Шоломовича. – М., 1926. – С. 45–50.

22. Joël E. Лечение наркоманий: Алкоголизм. Морфинизм. Кокаинизм. – Харьков, 1930.

УДК 94(47).084.5/084.6

*Е. Д. Твердюкова**

Persona non grata: частник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг.

В статье рассмотрен вопрос ликвидации частной торговли в СССР. Показывается, что даже в 1934 г. в городах действовали зарегистрированные в финансовых органах торговцы, уплачивавшие налоги. Автор предлагает датировать время окончательного вытеснения частника из легального товарооборота изданием Правил регистрации кустарных и ремесленных промыслов (март 1936 г.).

Article is devoted a question of liquidation of private trade in the USSR. It is shown, what even in 1934 there were the dealers registered in financial bodies paying taxes. The author suggests to date time of definitive replacement of a private trader from legal goods turnover by the edition of Rules of registration of handicraft and craft crafts (March, 1936).

Ключевые слова: СССР, частный торговец, вытеснение, легальный товарооборот.

Key words: USSR, private trader, replacement, legal goods turnover.

В советской историографии с 1930-х гг. господствовало мнение, что в СССР к концу 1920-х гг. государственный уклад полностью заменил частный во всех сферах и отраслях народного хозяйства, в результате чего частная торговля оказалась ненужной. Например, авторы учебно-методического пособия «Экономика и планирование советской торговли» утверждали, что уже к 1931 г. легальный оборот частников, составлявший годом ранее 5,6 % розничного товарооборота страны, был сведен к нулю [11, с. 24]. По их мнению, факт ликвидации частной торговли в законодательном порядке был закреплен постановлением ЦИК и СНК СССР 20 мая 1932 г., запрещавшим иметь в собственности магазины и лавки.

* **Твердюкова Елена Дмитриевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет.

Один из авторитетных советских исследователей этой проблемы В.А. Архипов также полагал, что к 1931 г. легальная частная торговля в СССР в профессиональной форме перестала существовать. Она сохранялась только в виде торговли крестьян сельскохозяйственными продуктами, кустарей – изделиями собственного изготовления, а также «случайных лиц» – предметами личного потребления [1, с. 78]. Со ссылкой на юбилейный статистический сборник «Народное хозяйство СССР» он констатировал полное отсутствие в 1931 г. частной торговли в форме предпринимательства.

Схожие взгляды высказывали и современные исследователи. Е.В. Демчик, автор ряда статей и монографии по этой проблеме, датирует период ликвидации частной торговли 1927–1930 гг., когда ряд административных мер был дополнен кампанией по борьбе с сокрытием доходов в форме обысков, арестов частных предпринимателей и их семей, конфискации имущества, достигшей апогея в 1930 г. [5, с. 206–207].

Е.А. Осокина в своей обстоятельной монографии о сфере потребления в годы первых пятилеток фактически обходит стороной вопрос о вытеснении частника с рынка, кратко констатируя, что уже в начале 1930-х гг. с легальным частным производством и патентованной торговлей в основном покончили, в результате чего «остались осколки легального рынка и империя черного» [7, с. 63–64].

По мнению уральского исследователя А.П. Килина, последний (репрессивный) период в отношении к частному капиталу пришелся на 1927–1931 гг. Он полагает, что уже к 1930-м гг. в стране был установлен необходимый с точки зрения партийной номенклатуры «Порядок», а общество стало более управляемо, лишившись такого неудобного и стихийного элемента, как частный торговец. Он делает оговорку, впрочем, что к концу 1931 г. на Урале оставалось 184 частных торговых заведения, которые не играли уже никакой роли в товарообороте [6, с. 29, 31].

Представляется, однако, что политика в отношении частника на рубеже 1920-х-1930-х гг. не может оцениваться столь однозначно. В 1927 г. коллегия Наркомторга СССР разработала мероприятия по регулированию частной торговли. В них предусматривались, в частности, запрет операций частных хлебозаготовителей, снижение отпуска товаров оптовикам, направление продукции кустарей в советскую торговую систему, а не на частный рынок. Между тем в 1928/29 г. только в Москве в порядке оптовой продажи частнику было отпущено товаров на сумму свыше 40 млн руб. В этом участвовали почти все действовавшие в столице синдикаты, тресты, торги, издательства, экспортно-импортные общества. Так, Моссельпром

продал товаров на 4 млн руб., Мосторг – свыше 5 млн, Госиздат – 4 млн и т. д. [2. Оп. 14. Д. 869. Л. 18].

В качестве примера репрессивной политики в отношении частных часто приводится кампания против кожевников, в ходе которой в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР с октября 1927 по апрель 1928 г. было закрыто 6 911 кожевенных и 1 133 овчинных предприятий. По 13 губерниям, четырем краевым объединениям и одной автономной области были подвергнуты взысканиям 863 чел., из них 286 торговцев и перекупщиков. Однако СНК СССР предложил ОГПУ пересмотреть в сторону максимального смягчения меры социальной защиты вплоть до полной их отмены, все дела лиц, осужденных в административном порядке за спекуляцию кожевенным сырьем и кожевенными товарами, за исключением дел в отношении лиц, изобличенных в злостной спекуляции. По сообщению прокурора Верховного суда СССР, все дела о кожевниках, высланных по постановлениям Особого совещания при коллегии ОГПУ (1167 чел.), были пересмотрены. В результате 691 чел. был освобожден. Для 290 чел. был сокращен срок ссылки на Урал и в Сибирь с трех лет до одного года, для 105 чел. – с трех до полутора лет, для 25 чел. – с трех до двух лет. Концлагерь заменен на оставшийся срок ссылкой в Сибирь – для 14 чел., сибирская и уральская ссылка заменена высылкой – для 34 чел. Прежнее постановление было оставлено в силе в отношении всего лишь восьми кожевников [4. Оп. 9а. Д. 4. Л. 4, 32].

Закрытие частных предприятий влекло за собой рост недоимок, преимущественно по подоходному налогу. По данным Наркомата финансов СССР, на 1 января 1928 г. они превышали сумму недоимок, числившихся на 1 октября 1927 г. на 12 %. В частности, в 1926/27 г. с частного надлежало взыскать подоходного налога 68 792 тыс. руб., поступило и зачтено было только 30 503 тыс. руб. Вместо 9962 тыс. руб. по налогу на сверхприбыль поступило лишь 3383 тыс. руб. [2. Оп. 7. Д. 797. Л. 3]. В кампанию по взысканию недоимок вовлекались периодическая печать и общественность. По сообщению москвича И.И. Шитца, в апреле 1928 г. в газетах был напечатан список из нескольких сотен фамилий (торговцев, кустарей, владельцев мелких мастерских), состоявших «в долгу» у инспектора. Отдельным лицам и учреждениям предлагалось обнаруживать утаиваемое от обложения имущество за вознаграждение в 2 % от суммы, которая будет взыскана [10, с. 21]. Наркомат юстиции РСФСР в 1930 г. констатировал наличие большого числа жалоб с периферии на порядок проведения подобных кампаний, которые к тому же далеко не всегда оказывались эффективными. Так,

по Дальневосточному краю за частниками числилась общая сумма недоимок в 15 245 тыс. руб., а собрали всего 185 тыс., т. е. 1,2 % [3. Оп. 25. Д. 96. Л. 36]. Поэтому практика проведения массовых рейдов с широким привлечением общественности постепенно сошла на нет.

К концу первой пятилетки охват розничного оборота обобщественными формами торговли должен был составить 91 %. Однако по информации Наркомата финансов темп вытеснения частника обогнал наметки пятилетки. Наименьший удельный вес частник занимал в торговле Северного края (4,5 %), Ивановской области (4,6 %), Московской области (5,7 %), в Сибири (6,6 %), на Урале (6 %). Наиболее ощутимой роль частного сектора оставалась в торговле национальных окраин: в Татарии (16,6 %), Киргизии (37,8 %), Дальневосточном крае (25 %) [4. Оп. 55. Д. 1941. Л. 4]. Все более частный капитал сосредоточивался в тех отраслях торговли, которые не требовали вложения значительных средств (продукты, бакалея, мелкая галантерея). В торговле промтоварами, по оценкам финансовых работников, его деятельность начиналась со злоупотребления и преступления и результатом своим имела понижение реальной заработной платы рабочих, поскольку он «вздувал» цены на дефицит. Поэтому 4 февраля 1930 г. НКФ РСФСР предложил СНК деятельность частника по торговле промтоварами запретить законодательным путем. Помимо этого руководители наркомата предлагали необходимым срочно изменить законодательство в сторону усиления репрессий в отношении неплательщиков налогов и расширения практики конфискации их имущества. По мнению работника НКФ РСФСР Яковлевой, законы (и уголовный кодекс, в первую очередь) следовало пересмотреть с точки зрения скорейшего вытеснения частного капитала, а не ограничения его роста [4. Оп. 55. Д. 1941. Л. 3 об.]. Однако конкретных мер со стороны правительства не последовало. Оно сочло достаточным принятие в сентябре 1929 г. дополнения к ст. 129 УК РСФСР, предусматривавшего уголовное наказание за учреждение лжекооперативов, руководство ими и участие в их работе.

По аргументированному мнению Е.В. Демчик, одним из последствий форсированного вытеснения частного капитала из экономики стало образование так называемых торговых пустынь [5, с. 207]. На одном из заседаний пленума Ленсовета рабочий хлебозавода Югансон сетовал: «Говорится, что мы частника вытесняем с рынка. Закружили лавки и кончено. Понятно, это очень просто закрыть лавки, а в воскресенье стой в очереди в кооперативе и все тут» [9. Оп. 11. Д. 11. Л. 28]. В Воронеже, например, с июля 1929 г. прекратили дея-

тельность 369 частных фирм, но с октября 1929 по январь 1930 г. открылись только восемь кооперативных магазинов. В то же время в 10 крупнейших промышленных центрах страны на 1 июля 1932 г. было зарегистрировано свыше полутора тысяч частных торговцев товарами широкого потребления, в том числе 151 – в Москве. Финансовые органы располагали следующими сведениями о средних размерах оборотов, доходов и платежей торговцев в столице в 1932 г.: сумма годового оборота при торговле из палаток и лавок – 37 600 руб.; сумма годового дохода с рук, с земли – 5 400 руб., из палаток и лавок 9 400 руб.; суммы налогов при этом составляли соответственно 906 и 17 417 руб. [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 55, 59].

Чрезвычайно интересно в связи с вопросом о дате окончательного вытеснения частника из торговли донесение от 25 декабря 1932 г. председателю СНК СССР В.М. Молотову. Данные Наркомата финансов показывали, что темпы резкого сокращения легальной частной торговли, имевшие место в предшествовавшие годы, с начала второго полугодия 1932 г. приостановились. Данные за 10 месяцев по 22 городам (в том числе по Москве, Ленинграду, Киеву, Ростову-на-Дону, Одессе, Минску) и более полные данные за 11 месяцев, но уже только по 10 городам, давали следующую картину.

На 1 февраля 1932 г. по 22 городам было зарегистрировано 2 398 частных торговцев, по 10 городам – 1590. На 1 июля это соотношение составляло 3 148 : 2 184; на 1 ноября – 3 258 : 1 727. На 1 декабря в 10 городах имелось 1585 легально действовавших предпринимателей. Таким образом, к концу 1932 г. численность частных торговцев (легальных и облагавшихся промысловым, подоходным и прочими налогами) по сути осталась на уровне начала года.

По данным обследования 843 частных торговцев десяти городов на 1 июля 1932 г. 52 из них занимались продажей одежды, обуви, мануфактуры, 257 – галантереи и трикотажа, 30 – игрушек, книг, писчебумажных товаров, 45 – железоскобяных и москательных товаров [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 63].

Безусловно, на рубеже 1920–1930-х гг. деятельность частных торговцев все более смещалась в сферу нелегальных сделок. В значительной степени это обуславливалось незаконным происхождением реализуемых ими товаров. Так, в 1928/29 г. в Свердловске легально действовали 983, нелегально 325 торговцев. В дальнейшем это соотношение изменилось в пользу подпольных предпринимателей: к концу 1931 г. оно составило 57 : 3925, в конце четвертого квартала 1932 г. – 46 : 2041. В Перми в 1928/29 г. легально торговали 512 чел., нелегально – 279, в 1931 г. – соответственно 85 и

1289 чел., в конце четвертого квартала 1932 г. – 11 и 293 чел. [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 117–117 об.].

В первом полугодии 1932 г. по девяти городам СССР (без Москвы и Ленинграда) было составлено 12 394 протокола на нелегальных торговцев, из них 8705 утверждено. Из этого количества 3 198 протоколов касались торговли продуктами (утверждено было 2 159 из них); 5 311 – промтоварами (утверждено было 3 310) [8. Оп. 10. Д. 322. Л. 64].

Таким образом, за полгода было выявлено в шесть раз больше нелегальных торговцев, чем существовало легальных; в отдельных городах (Ростов-на-Дону, Смоленск, Оренбург) – в 20 и даже в 25 раз. По имевшимся в НКФ данным, в связи с ограничениями (именно этот термин употреблялся в официальных документах наркомата), введенными 20 мая, объем нелегальной торговли во втором полугодии еще более расширился. Борьбу с этим явлением нарком Г.Ф. Гринько считал необходимым возложить на милицию и уголовный розыск. По его мнению, финорганам не следовало продолжать работу по старинке: выявляя перекупщиков и спекулянтов, налагая на них штрафы, облагая налогами, иными словами, подменяя уголовное преследование и фактически покрывая уголовные элементы. После выхода в свет постановления ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. о борьбе со спекуляцией финорганы, по мысли наркома, должны были играть в этом деле подсобную роль, оказывая ОГПУ и милиции содействие в их работе и систематически информируя их об обнаруживаемых в процессе налоговой работы фактах перекупки. Он возражал против обложения налогами оборотов и доходов перекупщиков и спекулянтов, так как это означало бы легализацию их деятельности.

Соответствующий циркуляр НКФ СССР от 2 апреля 1933 г. предписывал финансовым органам перестроить работу. Спекулятивная торговля объявлялась уголовно-наказуемой и не являющейся объектом обложения. Однако отказ от участия в борьбе со спекуляцией провозглашался политической ошибкой. Выявляя в процессе проверки промыслов, обследования рынков тайных и явных перекупщиков и подозрительных дельцов, налоговые инспекторы обязывались немедленно сообщать о них органам милиции. Особые части финорганов по борьбе с «нелегальщиной», а равно осведомительная сеть подлежали немедленной ликвидации. Работникам финорганов категорически запрещалось производить личные обыски граждан, обыски в квартирах и других помещениях, производить личные задержания (аресты).

При обнаружении фактов спекуляции и нелегальной торговли инспектор был обязан потребовать у нарушителя удостоверявшие личность документы и немедленно передать их вместе с обнаруженными товарами органам милиции. Нелегальной торговлей в широком смысле этого слова объявлялась всякая торговля, производимая без выборки установленного регистрационного удостоверения. Причинами невыборки обычно было стремление уклониться от уплаты налогов, а также незаконное происхождение товаров либо торговля товарами, запрещенными к продаже. Методом налогового воздействия (штраф, изъятие товаров в счет исчисленных налогов) могли подвергаться лишь нелегальные торговые операции первого типа.

Борьба с нелегальной торговлей в начале 1930-х гг. чаще всего велась налоговой инспекцией, прибегавшей к содействию милиции и уголовного розыска лишь в случаях выявления торговли товарами незаконного происхождения либо запрещенными к продаже. В некоторых городах (Москва, Ленинград, Казань и ряде других) наряду с обычными налоговыми участками в составе налогового аппарата были организованы специальные участки по борьбе с нелегальной торговлей в пределах всего города, частично пользовавшиеся правами органов дознания.

Организация их, по мнению НКФ, на практике себя не оправдала. Эти участки, не располагая сетью и агентурой уголовного розыска, не в состоянии были иметь регулярное наблюдение за нелегальными торговцами по всему городу или хотя бы району. Предоставление прав органов дознания при отсутствии повседневного оперативного контроля за работой приводило к злоупотреблениям со стороны их сотрудников.

Ввиду этого некоторые финорганы (в частности, Московский городской финотдел) добились организации особых налоговых групп в составе уголовного розыска с особыми уполномоченными в районах. На них возлагались следующие функции: выявление лиц, ведущих нелегальную торговлю, и принятие мер, обеспечивающих уплату налогов, розыск лиц, скрывшихся от уплаты налога, и их имущества, выявление и изучение источников снабжения частных торговцев товарами, установление надзора за работой государственных и кооперативных торговых организаций. Такие группы, имея в своем распоряжении всю сеть уголовного розыска, в то же время находились в повседневной деловой связи с налоговыми органами. Поэтому Наркомфин предлагал повсеместно организовать подобные группы в составе уголовного розыска, пока будет допускаться частная торговля хотя бы в ограниченном размере.

Из многочисленных поступавших в Наркомат финансов запросов можно видеть большой разницей в практике борьбы с частником и недостаточно четкое понимание того, какие виды и объемы торгога являлись после издания постановления ЦИК и СНК от 20 мая легальными, а какие подлежали безусловной ликвидации. В некоторых населенных пунктах запрещалась всякая торговля и изымались все регистрационные удостоверения, даже у кустарей. В других местностях, наоборот, под флагом развертывания рынков борьба с перекупщиками замерла. Были случаи, когда местный прокурорский надзор прямо запрещал финансовому аппарату задерживать торговцев или вмешивался в деятельность налоговых инспекторов, предлагая немедленно возратить изъятое у недоимщиков-торговцев имущество или сложить начисленные платежи [8. Оп. 10. Д. 320. Л. 1 об.].

Вследствие отсутствия четких указаний НКФ по вопросу прямого запрещения производства и торговли печеным хлебом (хотя бы с лотков и с рук) на местах до декабря 1932 г. вполне легально существовали кустарные промыслы по выпечке хлебных изделий (булочки, вафельщики и пр.) и торговля ими по регистрационным удостоверениям. Например, в Сталинграде действовали промышленные предприятия с громадными оборотами, выпекавшие и продававшие до 1 тыс. булок ежедневно.

По закону о промысловом налоге любая торговля, производимая частными лицами (кроме продуктов личного приусадебного хозяйства и подержанных вещей), подлежала налогообложению, и каждый год эти лица должны были получать регистрационные удостоверения в финансовых органах. В новых условиях для Наркомата финансов СССР особую остроту приобрел вопрос, следует ли оформлять разрешения на торговлю перекупными товарами. Поскольку четкое законодательное запрещение на их выдачу отсутствовало, некоторые местные Советы обвиняли финорганы в недостаточно жестком отношении к торговцам и невыполнении указаний ЦИК и СНК об искоренении частников и спекулянтов. В ряде районов выдача регистрационных удостоверений воспрещалась распоряжениями региональных органов власти (например, в Московской области – полностью на всякую торговлю, в Днепропетровской области – частично на торговлю сельхозпродуктами и др.).

В конце декабря 1932 г. Наркомат финансов СССР внес в Комитет товарных фондов и регулирования торговли при СТО проект постановления о выдаче разрешений на мелкую частную торговлю на 1933 г., предусматривавший запрещение частной торговли перекупными предметами ширпотреба и сельского хозяйства. Предполага-

лось лишь разрешение на мелкую торговлю ограниченным кругом продуктов и товаров (мелкая галантерея, железоскобяные товары, игрушки) с правом местных исполкомов расширять этот перечень. Но в окончательном виде Комитет проект не утвердил. В связи с приближением нового 1934 г. НКФ вновь обратился в Комитет, но вопрос даже не ставился на обсуждение. Поэтому Г.Ф. Гринько был вынужден дать местным финорганам соответствующее указание в порядке ведомственного распоряжения.

8 января 1934 г. нарком обратился к В.М. Молотову с просьбой о скорейшем рассмотрении подготовленного годом ранее проекта, принимая во внимание «политическое значение» вопроса о существовании в СССР частной торговли, хотя бы и самой мелкой [8. Оп. 12. Д. 516. Л. 48]. По данным налоговой отчетности, на 1 октября 1933 г. по 69 крупнейшим городам СССР было зарегистрировано 1400 частных торговцев, из них 9 – в Москве, 39 – в Ленинграде, 16 – в Баку, 72 – в Одессе, 198 – в Тифлисе, 54 – в Днепропетровске, 46 – в Киеве, 12 – в Минске, 43 – в Ташкенте. В бюджете на 1933 г. поступления с промыслового налога были запланированы в сумме 100 млн руб., удалось собрать примерно 60 млн (главным образом, за счет платежей торговцев, привлеченных к налогообложению и штрафам) [8. Оп. 12. Д. 516. Л. 67, 111].

Принятое вскоре постановление Комитета товарных фондов и регулирования торговли предписывало принять предложение НКФ о запрещении финансовым органам выдавать частным лицам разрешения на торговлю перекупными сельхозпродуктами и товарами массового потребления, допустив ее только в рамках предложений наркомата.

10 июня 1934 г. НКФ СССР издал не подлежащую опубликованию инструкцию «О выдаче частным лицам разрешений на мелкую торговлю и занятие пищевыми промыслами». Всем финансовым органам предлагалось выдавать частным лицам разрешения только на следующие виды торговли с рук и лотков: мелкая галантерея (пояса, подтяжки, застёжки, пряжки, пуговицы, шнурки, стельки, булавы, наперстки, бусы, расчески и др.); замазка, сода, синька, вакса и гуталин; мелкие железоскобяные изделия для хозяйственно-бытовых нужд (вешалки для платья, винты, замки, ключи, ножи, вилки, ложки); мелкие щепные изделия (лопаты, метлы, ложки); кустарная глиняная и деревянная посуда; игрушки; фрукты и ягоды, орехи и семечки; прохладительные напитки и сладости; изделия из молочных продуктов (сырки, варенец, простокваша), а также старая одежда и обувь.

Повсеместно запрещалась выдача частным лицам разрешений на занятие промыслами по переработке скупленного сырья, зерна, льна и конопли, шерсти, масличных семян, табака и махорки, хлопка-сырца и хлопка-волокна, коконов шелка, кожевенного и овчинно-шубного сырья.

Выдача частным лицам разрешений на производство пищевых продуктов (булочных, кондитерских, колбасных и пр.) из перекупного сырья и на торговлю пищевыми продуктами из него запрещалась. Исключение делалось для отдаленных районов, в которых производство и торговля могли быть разрешены постановлениями СНК местных республик, краевых и областных исполкомов. Как показала практика, права расширения перечня места почти не использовали. В 13 республиканских, краевых и областных центрах, по данным на февраль 1934 г., было выдано всего 364 разрешения на торговлю. Большая часть из них – на продажу мелкой галантереи (105 разрешений). Кроме того, на торговлю замазкой, содой, гуталином было выдано 50 разрешений, мелкими железоскобяными изделиями – 56, игрушками – 5, прочими промтоварами – 23, фруктами, ягодами, семечками – 115, прохладительными напитками – 1, сладостями – 45, подержанными вещами – 29.

При обнаружении лиц, торгующих с рук и лотков разрешенными товарами без выданного финорганом удостоверения, инспектор массовых платежей был обязан: выяснить личность нарушителя, составить протокол, предъявить требование об уплате установленного законом о промысловом налоге штрафа и оклада налога. В случае неуплаты их на месте инспектор должен был задержать товар у нарушителя и в тот же день сдать его на хранение государственным или кооперативным торговым организациям. Товары подлежали реализации, если налог и штраф не уплачивались в течение трех дней, а вырученные суммы обращались в их погашение.

Если торговля производилась из палаток (лавок) или изделиями запрещенных промыслов, инспектор прежде всего выяснял личность торговавшего. Если он оказывался кустарем, на него налагался штраф и начислялся промысловый налог. О прочих лицах сообщалось органам милиции для расследования и привлечения к уголовной ответственности, задержанные товары реализовывались, вырученные суммы обращались в доход местного бюджета. Начислить налог за торговлю при наличии только косвенных улик (например, показаний свидетелей) было нельзя.

В докладной записке Г.Ф. Гринько указывалось, что за январь – март 1935 г. финорганы Москвы выявили 289 торговцев, 33 лжекустара, 459 спекулянтов, по одному Ярославскому рынку ими было составлено 1787 протоколов. Кустари, работавшие без применения наемного труда, были вправе продавать продукцию на рынках без

обложения налогом. Выбирая регистрационное удостоверение на разрешенный промысел, предприниматель использовал труд кустарей с раздачей им сырья и получением готовой продукции для реализации на рынке как своей собственной. Путем легального наблюдения могли быть установлены лишь косвенные признаки лжекустарничества, например, несоответствие размеров продаваемой ежедневно продукции плановой выработке. Но доказать это было сложно, требовалось наличие нелегальной агентуры (ликвидированной в 1933 г.). Поэтому Гринько предлагал изменить систему реализации некооперированными кустарями своей продукции, разрешив ее через специальные комиссионные магазины с правом определения продажной цены и уплатой определенного процента за услуги по реализации. Основные предложения Наркомата финансов легли в основу опубликованных в 1936 г. Правилах регистрации кустарных и ремесленных промыслов.

Таким образом, политика в отношении частных торговцев на рубеже 1920–1930-х гг. не была лишена противоречий. Государство, взявшее на себя заботу о снабжении трудящихся, вынужденно терпело проявления частной инициативы в сфере торговли. Политические кампании по борьбе с частником буксовали в условиях недостаточного развертывания государственной и кооперативной торговой сети. Поскольку промысловый налог утратил значение самостоятельного платежа, стремившийся избежать двусмысленности положения своих местных органов в условиях провозглашения войны перекупщикам Наркомат финансов СССР инициировал законодательное оформление запрещения частной торговли. Легальная торговля существовала и облагалась налогами по крайней мере до 1934 г. Лишь согласно Правилам регистрации кустарных и ремесленных промыслов от 26 марта 1936 г. запрещались любая частная торговля и торговое посредничество (кроме продажи чистильщиками обуви мелких обувных принадлежностей). Именно изданием этого нормативно-правового акта целесообразнее датировать время окончательного вытеснения частника из легального товарооборота.

Список литературы

1. Архипов В.А. Политика советского государства по отношению к частной торговле и промышленности в период нэпа, 1921–1930 гг. – М., 1982.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-374.
3. ГА РФ. Ф. А-406.
4. ГА РФ. Ф. Р-5446.
5. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998.
6. Килин А.П. Частное торговое предпринимательство на Урале в годы НЭПа. – Екатеринбург, 1994.

7. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. 2-е изд. – М., 2008.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733.
9. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000.
10. Шитц И.И. Дневник «Великого перелома». – Париж, 1991.
11. Экономика и планирование советской торговли / отв. ред. И.Я. Данильченко. – М., 1939.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94(47).084.8:001

*А. М. Судариков**, *М. И. Фролов***

Роль советской науки в создании ракетно-ядерного щита страны в послевоенное десятилетие

В статье показаны основные направления работы ученых и конструкторов оружия и военной техники в послевоенное десятилетие: организация научной деятельности, конструирование и создание атомного оружия и его носителей, мобилизация природных и людских ресурсов. Прослеживается роль фундаментальной науки в укреплении обороноспособности страны, реформировании государственной системы организации науки. Особое внимание обращено на роль фундаментальной науки Ленинграда в становлении и укреплении безопасности СССР в 1945–1955 гг.

The basic directions of work of scientists and designers of the weapon and military technology in post-war decade are shown in this article: the organization of scientific activity, designing and creation of atomic weapons and its carriers, mobilization natural and manpower resources. The fundamental science role in strengthening of defensibility of the country, reforming of the state system of the organization of a science is traced. The special attention is turned for a role of fundamental science of Leningrad in formation and strengthening of safety of the USSR in 1945-1955.

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, фундаментальные и прикладные научные исследования, атомное оружие, стратегические бомбардировщики, ракетное оружие, атомные подводные ракетоносцы.

Key words: The military-industrial complex, fundamental and applied scientific researches, atomic weapons, strategic bombers, the rocket weapon, nuclear underwater rocket carriers.

Вторая мировая война породила глубокие революционные преобразования в мире. Неизмеримо возросла геополитическая роль Советского Союза, укрепился его моральный авторитет, усилились позиции в сфере межгосударственных отношений. Другой послево-

* **Судариков Андрей Михайлович**, доктор исторических наук, доцент, декан факультета фундаментальных основ современных технологий, заведующий кафедрой химии и технологии неорганических веществ, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

** **Фролов Михаил Иванович**, доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

енной реальностью стало превращение США в главного претендента на роль мирового лидера. Препятствием для их притязаний мог стать только Советский Союз. Таким образом, на международной арене появились две сверхдержавы с принципиально различными интересами и представлениями о мировом устройстве. В этом противостоянии неоспоримое преимущество принадлежало Соединенным Штатам, поскольку их огромная экономическая мощь дополнялась монополией на атомное оружие. Это придавало превосходству США над СССР угрожающий характер, так как в случае прямого военного столкновения для Советского Союза могли наступить катастрофические последствия.

Советское руководство нашло адекватный ответ на сложившуюся ситуацию: экономическое превосходство Соединенных Штатов можно компенсировать только достижением паритета в военной сфере, используя все имеющиеся ресурсы. Это был единственный возможный шанс, так как на создание экономики, сопоставимой по масштабам и эффективности с экономикой вероятного противника, требовалось продолжительное время. Таким образом, с учетом тенденций развития новейшего вооружения середины XX в. только обладание ядерным оружием и средствами его доставки в какой-то мере гарантировало Советскому Союзу равенство с Соединенными Штатами. Одновременно нужно было максимально обезопасить главные экономические центры страны от возможного ядерного нападения. Так у СССР появились три крупнейших научно-технических программы оборонного комплекса.

Реализация этих программ требовала определенного пересмотра экономической и научно-технической политики. В кратчайшие сроки практически с нуля предстояло развернуть совершенно новые производства: атомную индустрию, производство стратегических бомбардировщиков, ракетостроение, радиоэлектронную промышленность. По своим масштабам и организационной сложности эти задачи не имели прецедентов. Для вновь создаваемых производств требовались огромные ресурсы, и не существовало иных источников, кроме их перераспределения за счет других отраслей, ущемления потребительского сектора и замедления темпов развития сельского хозяйства. Для решения поставленных задач необходимо было активизировать собственные научно-технические усилия.

Атомная индустрия, авиастроение, радиоэлектронная промышленность, ракетостроение – весьма наукоемкие отрасли. Их становление и успешное развитие зависят от постоянной подпитки результатами фундаментальных исследований. Рассчитывать на

зарубежные разработки в качестве основного источника инноваций в данном случае не приходилось, поскольку возможности научно-технической разведки ограничены. Кроме того, ставка на заимствование заграничных научных достижений неизбежно приводит к запаздыванию в их использовании. Поэтому при развертывании новейших видов вооружения был взят курс на создание научно-производственных комплексов, основанных на собственных фундаментальных и прикладных научных исследованиях и конструкторских разработках [1].

Движение по этому пути было сопряжено с огромными трудностями. Даже США, обладавшие гораздо большими техническими возможностями и сосредоточившие у себя цвет европейской научной и инженерной мысли, оказались вынужденными напрячь все свои силы [10]. Тем не менее наша страна обладала реальными предпосылками для претворения в жизнь крупнейших программ ВПК. Прежде всего, СССР имел современную индустриальную базу и большой положительный опыт реализации крупных производственно-технических программ и проектов. Как свидетельствовал этот опыт, в условиях жесткого дефицита ресурсов и времени многое зависело от мобилизации всех сил для достижения поставленных целей. Система хозяйствования, действовавшая тогда, как раз и была приспособлена для решения такого рода задач. Успех во многом определялся наличием научного задела и эффективностью его использования. Впервые пришлось создавать единый научно-технический и производственный цикл, который начинался с проведения фундаментальных исследований. Поэтому научные исследования, связанные с разработкой ракетно-ядерной тематики, обрели в глазах руководства страны особую значимость. Их развитие стало «главной заботой» государства.

В организации работ по крупнейшим программам военно-промышленного комплекса советское руководство использовало принципы современного программно-целевого подхода. Высший орган государственной власти формулировал общенациональную цель: в кратчайшие сроки создать ракетно-ядерный щит страны. Далее разворачивалась система конкретных взаимоувязанных задач, достижение которых осуществлялось посредством реализации частных мероприятий. Для выполнения указанных мероприятий привлекались необходимые организации независимо от их ведомственной принадлежности. Им целевым назначением выделялись ресурсы. Ход работы жестко контролировался на уровне высших руководителей государства. По промежуточным результатам уточ-

нялись конкретные задачи и намечались дополнительные меры по их решению.

В первые послевоенные годы в СССР были сформированы три комитета особого назначения, получившие название Спецкомитеты, подведомственные Политбюро ЦК ВКП(б) и, прежде всего, И.В. Сталину. Спецкомитет № 1, возникший в августе 1945 г., ведал созданием ядерного оружия [24. Оп. 2. Д. 533. Л. 80–84]. Второй, действовавший с весны 1946 г., занимался ракетной техникой [23. Оп. 127. Д. 1296. Л. 23]; третий, созданный летом 1946 г., – радиолокацией и системами противоракетной обороны [23. Оп. 124. Д. 241. Л. 11–15]. Все они действовали в режиме секретности, нарушение которого каралось законом.

Для непосредственного руководства научно-исследовательскими и другими организациями и предприятиями по реализации атомного проекта было создано Первое главное управление при СНК СССР. При Специальном комитете были организованы Технический совет [5. Д. 1/45. Л. 3–6] и Инженерно-технический совет [2], а также Бюро № 2 для организации разведывательной работы по атомной проблеме.

Специальным комитетам подчинялись министерства и ведомства, научные и проектные организации, тысячи учёных, инженеров, рабочих и военнослужащих. Спецкомитеты стали беспрецедентными в истории науки и техники объединениями по творческой мощи и возможностям ее реализации. Государственный аппарат облакал выводы учёных в директивные постановления, обязательные для быстрого осуществления. Путь от замысла до воплощения был невероятно коротким.

Для максимального ускорения создания первой советской атомной бомбы И.В. Сталин принял решение скопировать уже известный американский вариант устройства. Аналогичная ситуация сложилась и при разработке первой советской баллистической ракеты дальнего действия, которая была сконструирована по образцу немецкой Фау-2, хотя одновременно создавались уже более совершенные отечественные образцы. Копией американского самолета Б-29 стал советский дальний бомбардировщик Ту-4. По мнению некоторых учёных (спорному), заимствование иностранных образцов нанесло ущерб научному и научно-техническому прогрессу СССР и существенно удорожило производство первых образцов. И.В. Сталин был прагматиком и считал: воспроизвести то, что сделано другими, проще, чем неизведанными путями создавать свое. Он полагал, что создание точной копии – уже свидетельство уровня и качества работы учёных и тех коллективов, которые заняты укреп-

лением обороноспособности СССР. Сталин спешил получить искомый результат, действующий образец. Ради этого можно было не жалеть народные средства и использовать «трофейных» учёных, инженеров, рабочих.

Архивные документы дали возможность установить, что инициаторами советского атомного проекта в предвоенные годы выступили крупнейшие советские ученые академики В.И. Вернадский, П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, В.Г. Хлопин. К ним примыкала целая плеяда учёных молодого поколения, которые в будущем составили ядро руководителей атомного проекта СССР (И.В. Курчатов, Я.Б. Зельдович, П.А. Александров, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флеров и многие другие).

Главной проблемой советского атомного проекта было почти полное отсутствие запасов металлического урана и недостаточное количество разведанных природных месторождений урана. Для реализации атомного проекта требовались усилия в масштабе всего государства и огромные затраты, т. е. проблему следовало вывести на государственный уровень с участием руководителей страны, что и было осуществлено.

28 сентября 1942 г. И.В. Сталин подписал распоряжение о возобновлении в СССР работ по урановой программе с перечнем конкретных мероприятий. Проект первого распоряжения, согласно документам, подготовили и обосновали С.В. Кафтанов, А.Ф. Иоффе и В.М. Молотов [4. Оп. 1. Д. 95. Л. 99–101].

Советский атомный проект стартовал на государственном уровне осенью 1942 г., в труднейший для СССР момент, поэтому первоначально задача решалась малыми научными силами и без масштабных затрат. После того как атомное оружие стало грозной реальностью, произошло резкое наращивание усилий в масштабе государства, в том числе и перестройка работы учёных ВПК. Стратегической задачей учёных оборонного комплекса стало возможно более быстрое создание ядерного оружия и ликвидация атомной монополии США. Самым коротким и простым способом решения этой задачи стало создание плутониевой бомбы – аналога американского «Толстяка». На долю ленинградских учёных Радиевого института выпала труднейшая задача: разработка технологии выделения плутония из облученного урана. Несмотря на почти полное отсутствие плутония и трудности, связанные с воспроизводством условий реального процесса выделения на лабораторном и полупромышленном уровне, поставленная задача была успешно решена в предельно сжатые сроки. Это свидетельствует о высочайшем научном уровне радиохимиков, химиков-технологов и про-

ектантов научных школ Радиевого института, Государственного института прикладной химии, ГСПИ-11.

В 7.00 29 августа 1949 г. на полигоне было проведено испытание первого отечественного ядерного заряда под обозначением РДС-1. Испытание прошло успешно, мощность взрыва составила 22 кт [15, с. 11]. Конструкция заряда РДС-1 основывалась на американском проекте бомбы «Толстяк», который представлял собой изделие массой 4500 кг, диаметром 127 см, длиной 325 см (включая стабилизатор). Основой бомбы был плутониевый шар массой 6,2 кг.

Дальнейшие усилия советских учёных-разработчиков были направлены на повышение экономичности (уменьшение расхода делящихся материалов) и мощности зарядов при одновременном снижении их габаритов и массы. Сегодня хорошо известно, какими путями происходило совершенствование американских ядерных боеприпасов. Совершенствование отечественных атомных зарядов было аналогичным [21, с. 80–90]:

- увеличение мощности обычной химической взрывчатки с целью более эффективного обжата ядерного делящегося материала;
- совершенствование системы подрыва химического взрывчатого вещества с целью обжата без нарушения сферической симметрии;
- замена внутреннего «инициатора» из полония и бериллия на внешний источник нейтронов;
- введение воздушной полости между плутониевым шаром и толкателем с отражателем нейтронов;
- создание внутренней полости в ядерном делящемся веществе для более эффективного «схлопывания внутрь»;
- использование комбинации плутония-239 и урана-235, что позволило снизить массу плутония;
- нагнетание газообразного дейтерия и трития внутрь сферической полости заряда для «термоядерного усиления».

Боеприпас полностью отечественной конструкции РДС-2 с усовершенствованной фокусирующей системой был испытан 24 сентября 1951 г. Его мощность была удвоена по сравнению с РДС-1 при заметном снижении габаритов и массы [18, с. 187]. Менее чем через месяц был испытан заряд РДС-3 на основе уран-плутониевой конструкции. Мощность взрыва составила 41,2 кт [20. Оп.1. Д. 85]. 23 августа 1953 г. был испытан заряд РДС-4 (известный под именем «Татьяна»). Габариты и масса заряда были уменьшены по сравнению с РДС-3 соответственно на одну треть и в три раза, мощность заряда составила 30 кт [18, с. 196].

В СССР идея создания термоядерного оружия была впервые сформулирована в 1946 г. в отчете «Использование ядерной энергии легких элементов», написанном И.И. Гуревичем, Я.Б. Зельдовичем, И.Я. Померанчуком и Ю.Б. Харитоном [14, с.171–175]. Суть предложений сводилась к использованию атомного взрыва в качестве детонатора для обеспечения термоядерной реакции в дейтерии.

С 1948 г. в СССР параллельно развивались два направления – «труба» и «слойка», причем «слойке» в силу технологичности отдавалось предпочтение [5. Д. 85/53. Л. 203]. Формальное решение о разворачивании полномасштабных работ по созданию отечественного термоядерного оружия было принято 26 февраля 1951 г., а 12 августа 1953 г. – произведено испытание первого советского термоядерного заряда РДС-6с, конструкция которого основывалась на идеях А.Д. Сахарова и В.Л. Гинзбурга [3. Оп. 47. Д. 49. Л. 175, 176]. Испытанный в СССР термоядерный заряд был готов к применению в качестве транспортабельной бомбы. Этот заряд имел те же габариты, но несколько большую массу по сравнению с РДС-1, однако в 20 раз превышал ее по мощности (мощность взрыва 12 августа составила около 400 кт). Вклад собственно термоядерных реакций в полную величину мощности приближался к 15–20 %. Этот эксперимент был выдающимся приоритетным достижением советских учёных, в первую очередь достижением физиков-теоретиков под руководством И.Е. Тамма [28]. На тот момент в США ничего подобного еще не было создано. Американский взрыв 1952 г. использовал термоядерное горючее в сжиженном состоянии при температуре, близкой к абсолютному нулю, что не позволяло производить компактные транспортабельные (термоядерные) заряды.

Дальнейшие поиски сконцентрировались вокруг идеи об использовании энергии атомного взрыва для обеспечения наибольшей плотности термоядерного горючего. Ближайший сотрудник А.Д. Сахарова свидетельствовал: «Третья идея рождалась весной 1954 г. Началось с того, что А.Д. Сахаров собрал теоретиков и изложил свою идею о высоком коэффициенте отражения импульсивного излучения от стенок из тяжелого материала» [13, с. 222]. Это означало, что Сахаров предположил: вспышка атомного взрыва успевает достаточное время воздействовать на термоядерную бомбу, чтобы доставить энергию для обжата термоядерного заряда. В отчете о работе теоретического сектора 1 КБ-11 от 6 августа 1954 г. сказано, что «теоретические исследования по АО (атомному обжатию) проводятся совместно с сотрудниками сектора 2» (Зельдовича). Названы и две основные темы: «Выход излучения из атомной

бомбы, производящей обжатие основного (термоядерного) объекта», и «Превращение энергии излучения в энергию, обжимающую основной объект» [12, с. 1095–1104].

На научно-техническом совете под председательством И.В. Курчатова, состоявшемся 24 декабря 1954 г., было решено провести испытание нового термоядерного заряда, названного РДС-37, в 1955 г. В конце июня 1955 г. новую термоядерную разработку одобрила комиссия под председательством И.Е. Тамма.

Испытание РДС-37 прошло 22 ноября 1955 г. на Семипалатинском полигоне. Впервые в мире водородная бомба была сброшена с самолета (Ту-16). Мощность взрыва составила 1,7 Мт, причем за счет замены части урановых компонентов второй ступени на свинцовые мощность взрыва была уменьшена вдвое по сравнению с расчетной мощностью боеприпаса, составлявшей 3 Мт [26, с. 64]. Уже в первом испытании создателям советского термоядерного устройства удалось добиться достаточно хорошей степени контроля за мощностью. Американцам для достижения приемлемого контроля за мощностью понадобилась серия из шести взрывов. Первое доставляемое устройство, основанное на идее Улама-Теллера, было испытано в США 20 мая 1956 г.

От успешной реализации «третьей идеи» в испытаниях 22 ноября 1955 г. до создания серийных образцов термоядерного оружия был пройден нелегкий путь конструирования, сопровождавшегося соревнованием КБ-11 и Научно-исследовательского института № 1011 (Челябинск-70), который был образован совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 апреля 1955 г. Директором НИИ-1011 стал Д.Е. Васильев, научным руководителем и главным конструктором – К.И. Щелкин. Именно в Челябинске – 70 разработчиками Е.И. Забабахиным, Ю.А. Романовым и Л.П. Феоктистовым была создана конструкция термоядерной бомбы, внесенная позднее в устройство водородного заряда с существенным усовершенствованием, которое было отработано в 1958 г. и предопределило современный облик отечественного водородного оружия [28].

По оценке Ю.Б. Харитона, «разработка советского термоядерного оружия в результате самостоятельного научно-технического творчества А.Д. Сахарова, Я.Б. Зельдовича и возглавлявшегося ими коллектива явилась, пожалуй, самой яркой страницей в истории советского атомного проекта. Обладание этим оружием как Советским Союзом, так и Соединенными Штатами Америки сделало невозможной войну между сверхдержавами» [28].

Появление ядерного оружия потребовало создания для него надежных средств доставки. Ни один из имевших в 1945 г. носителей не мог преодолеть расстояние 8–10 тыс. км, неся при этом груз значительной массы и размеров, каковым являлся ядерный заряд. Великие державы при этом избрали одинаковый путь – создание летательных аппаратов всех возможных типов для дальнейшего отбора. В Советском Союзе были развернуты работы по созданию:

- стратегического бомбардировщика;
- межконтинентальной баллистической ракеты;
- межконтинентальной крылатой ракеты.

Еще в ходе Великой Отечественной войны советское руководство поставило вопрос о создании собственных тяжелых бомбардировщиков – носителей атомного оружия, способных «дотянуть» до целей на территории потенциальных противников. В середине 1945 г. работы по новому самолету застопорились, поскольку промышленность оказалась не в состоянии дать необходимый комплект современного навигационного оборудования, прицелов, приводов и вооружения. Выход из создавшегося положения предложил В.М. Мясичев в письме наркому авиапромышленности А.Н. Шахурину, где было предложено копировать американский В-29 и рекомендовалось использовать отечественные моторы АШ-72 и авиационные пушки Б-20 вместо американских пулеметов [25. Оп. 1. Д. 1499. Л. 17–19].

Решение о копировании американского бомбардировщика и выпуске его под обозначением Б-4 (бомбардировщик четырехмоторный) было принято ГКО под председательством И.В. Сталина 6 июня 1945 г. Приказом по наркомату авиапромышленности создание и запуск в производство советского аналога В-29 было поручено ОКБ А.Н. Туполева. Один из американских самолетов был полностью разобран. Каждый отдельный агрегат изучала отдельная бригада конструкторов и технологов. Детали взвешивали, снимали все размеры, фотографировали, делали техническое описание и спектральный анализ материала.

Выяснилось, что большинство конструкционных материалов и технических решений В-29 отличаются от освоенных в отечественном самолетостроении, новой для СССР была и технология производства [24. Оп. 1. Д. 425. Л. 114]. Всем работам по Б-4 был предоставлен приоритет на высшем уровне. Приказ НКАП четко оговаривал: «Все заказы по самолету Б-4 считать важнейшими и обеспечивать выполнение их вне всякой очереди» [25. Оп. 1. Д. 1315. Л. 78].

Полномерный макет будущего самолета изготовили в ОКБ Туполева в середине 1946 г., а 19 мая 1947 г. в воздух взлетел первый Б-4. Осенью 1947 г. самолет получил обозначение Ту-4, тогда же было начато серийное производство. Всего до 1952 г. было построено 847 самолетов [24. Оп.1. Д. 425. Л. 127]. Ту-4 позволил поднять дальнюю авиацию на новый качественный уровень и создать по-настоящему стратегические военно-воздушные силы. С появлением у Советского Союза ядерного оружия часть бомбардировщиков Ту-4 была переоборудована в носители ядерного оружия Ту-4А.

В 1948 г. Советский Союз стоял на пороге создания атомного оружия, поэтому требовался новый стратегический бомбардировщик, способный достичь целей на территории США и вернуться обратно. В КБ А.Н. Туполева и в других конструкторских бюро и институтах велись работы по поиску перспективных схем для конструирования тяжелых межконтинентальных бомбардировщиков. К концу 1940-х гг. В.М. Мясищеву удалось сформировать облик стратегического самолета с ТРД, способного после некоторого увеличения экономичности существующих двигателей нести мощное бомбовое вооружение на межконтинентальную дальность.

Согласно постановлению Совета Министров СССР № 949–469 от 24.03.1951 г. вновь организованное ОКБ-23 МАП во главе с главным конструктором В.М. Мясищевым должно было спроектировать и построить скоростной дальний бомбардировщик с четырьмя двигателями Люлька тягой по 5000 кг или четырьмя двигателями Микулина тягой по 8000 кг и предъявить самолет на летные испытания в декабре 1952 г. и на Государственные испытания – в мае 1953 г. [25. Д. 2229. Оп. 1. Л. 56–59].

Создание тяжелого бомбардировщика представляло сложнейшую техническую задачу. Переход от поршневых самолетов с взлетной массой около 40–50 т и скоростями полета 500–600 км/ч на реактивную технику с массами 150–200 т и околозвуковыми скоростями представлял собой качественный скачок. Самолет должен был сочетать межконтинентальную дальность полета и большую высоту со скоростью реактивного истребителя. Для таких режимов полета в начале 50-х гг. еще отсутствовали исчерпывающие данные, например, по аэродинамике и прочности. Для обеспечения выполнения технических требований по самолету ОКБ-23 в тесном взаимодействии с ЦАГИ были проведены специальные исследования. К исследовательской работе был также привлечен широкий круг научных организаций, среди которых ЛИИ, ЦИАМ, ВИАМ, НИАТ, НИСО, НИИ-2 и ряд специализированных ОКБ-ОКБ-25, ОКБ-134 и др. [25. Д. 2466. Оп. 1. Л. 15–17].

В ноябре 1952 г. была закончена постройка нового бомбардировщика, получившего обозначение М-4, и он был переведен на заводские испытания. 20 января 1953 г. М-4 впервые поднялся в воздух. В ходе испытаний была достигнута максимальная скорость 947 км/ч – рекордная для самолетов такого класса – и практический потолок высот – 12500 м. 15 апреля 1954 г. бомбардировщик был официально представлен на государственные испытания, которые начались 4 мая 1954 г. Таким образом, хотя техническое проектирование самолета В.М. Мясищева началось на два года позже, чем аналогичного американского самолета Боинг В-52, М-4 поднялся в воздух с опозданием лишь в девять месяцев после первого полета американской машины, а серийный выпуск реактивных стратегических бомбардировщиков в СССР и США начался практически одновременно [9, с. 12–13].

Поскольку не было полной уверенности в том, что В.М. Мясищеву удастся создать самолет требуемой дальности, руководство ВВС и И.В. Сталин приняли решение параллельно с реактивным бомбардировщиком строить и менее скоростной самолет с ТВД. 11 июля 1951 г. было принято постановление СМ СССР по стратегическому бомбардировщику с ТВД, получившему обозначение «Изделие 095».

Первый полет самолета «95» состоялся 12 ноября 1952 г. Серийные Ту-95, выпуск которых начался в 1955 г. в г. Куйбышеве, отличались от опытного образца фюзеляжем, удлиненным на 2 м, имели максимальную взлетную массу 172000 кг и практическую дальность 12100 км. Вскоре после начала серийного выпуска Ту-95 началась постройка Ту-95 М с более мощными двигателями НК-12 М (4х15000 л.с.) Эти машины, имевшие максимальную взлетную массу 182000 кг, обладали скоростью 920 км/ч, практической дальностью 13200 км и технической дальностью 16750 км [25. Оп. 1. Д. 2734. Л. 146].

Благодаря самоотверженной работе коллективов ОКБ В.М. Мясищева и А.Н. Туполева, были созданы самолеты, сопоставимые по характеристикам с лучшими зарубежными образцами. Появление русских межконтинентальных бомбардировщиков вызвало сильный международный резонанс: в США впервые заговорили о техническом отставании от России в области авиации.

Толчком для развертывания в СССР широкомасштабных работ по созданию баллистических ракет дальнего действия стало боевое применение Германией ракет Фау-2. Неуязвимость баллистических ракет для существовавших средств противовоздушной обороны позволяла надеяться, что по мере улучшения боевых характеристик

ракетное вооружение сможет стать эффективным стратегическим оружием.

В 1946 г. был создан специальный ракетный главк под руководством Л.В. Смирнова. В других министерствах тоже создавались НИИ, связанные с ракетной проблемой. С этого времени ракетная техника выходит в лидеры оборонной промышленности и экономики в целом. Лучшие умы будут заняты ею, ибо ракеты станут определять «судьбу войны и мира, а в конечном счете судьбу жизни на нашей планете» [11, с. 364]. В послевоенные годы советская ракетная техника уверенно выходит на передовые позиции.

В связи с развернувшимися после войны работами по созданию мощных ракетно-космических систем по инициативе С.П. Королева в 1946 г. был учрежден Совет главных конструкторов космической техники. В его состав вышли главные конструкторы по двигательным установкам, по системам управления, радиотехническим средствам, стартовому комплексу: С.П. Королев, В.П. Бармин, В.П. Глушко, В.И. Кузнецов, Н.А. Пилюгин, М.С. Рязанский. Совет главных конструкторов разрабатывал планы создания ракетно-космической техники, координировал работу министерств и ведомств, научно-исследовательских, конструкторских и производственных коллективов по их реализации [17, с. 43].

Проведенные в Советском Союзе испытания ракет Фау-2 выявили ряд эксплуатационных и конструкторских недостатков, устранение которых было возможно только с изменением конструкции ракеты. Однако, по мнению И.В. Сталина, иностранная военная техника должна была воспроизводиться точно, без всяких улучшений и изменений. Поэтому первая отечественная баллистическая ракета Р-1 по существу была копией ракеты Фау-2. Исключение составляли только те материалы, которых не было в отечественном производстве. В этом случае применялись близкие по свойствам аналоги [27, с. 214]. Р-1 создавалась в соответствии с постановлением правительства от 14 апреля 1948 г. и изготовлялась полностью самостоятельно: на советских производственных мощностях с использованием отечественных материалов и технологий.

Постановлением правительства от 25 ноября 1950 г. ракетный комплекс, получивший индекс 8А11, с ракетой Р-1 был принят на вооружение. Ракета Р-1 оснащалась зарядом обычного ВВ массой 785 кг и при максимальной дальности стрельбы 270 км обеспечивала точность попадания 5 км по дальности и 4 км в боковом направлении [22, с. 31–33].

Уже в 1946 г. параллельно с освоением Фау-2 и разработкой Р-1 начались работы по созданию комплекса Р-2, обладавшего зна-

чительно улучшенными характеристиками. На ракете Р-2 была впервые применена отделяемая головная часть и несущий бак горючего. Модернизация двигателя РД-100 позволила увеличить тягу до 37 тс при удельном импульсе тяги 210 кгс с/кг на уровне земли. Новый двигатель РД-101 имел уменьшенную в 1,4 раза массу, более современные пневмогидравлическую и электрическую схемы, парогенератор с твердым катализатором вместо жидкого [8. Оп. 1. № 783].

Максимальные отклонения головной части по дальности и направлению составили 8х4 км. Отказаться от аэродинамических стабилизаторов не позволяли недостаточная надежность системы управления и опасения, что отработка устойчивого полета аэродинамически неустойчивой ракеты может создать трудности и затормозить создание новой ракеты. Одним из новшеств, введенных в ракету Р-2, были алюминиевые сплавы, которые позволили существенно уменьшить относительную массу конструкции [8. Оп. 1. № 786].

В рамках исполнения темы Н-1 уже в ноябре 1951 г. был разработан эскизный проект экспериментальной ракеты Р-3А. В ходе этой работы выяснилось, что создание одноступенчатой ракеты с дальностью полета 3000 км технически возможно, но нецелесообразно. Более рациональным способом увеличения дальности ракет является разработка двухступенчатых ракет, с помощью которых можно достичь межконтинентальной дальности. В результате было решено вместо экспериментальной ракеты Р-3А, создание которой должно было стать этапом отработки Р-3, разработать боевую ракету Р-5 с дальностью полета 1200 км при стартовой массе 28 т и головной частью массой около 1,5 т [6. Д. 86. Л.181–182].

Проект ракеты Р-5 был подготовлен к октябрю 1951 г. В конструкции ракеты Р-5 несущими были сделаны бак горючего и бак окислителя. Двигатель РД-103 по сравнению с предыдущими вариантами претерпел существенные изменения: он был форсирован до тяги 55 тс на земле. Были модернизированы система и автоматика запуска, управление двигателем, введено регулирование тяги двигателя в полете [19, с. 456]. Комбинированная система управления – автономная по дальности и радиотехническая система коррекции в боковом направлении – обеспечивала точность до 1,5 км по дальности и 1,25 км в боковом направлении. Летные испытания ракеты Р-5, получившей индекс 8А62, начались 15 марта 1953 г. и продолжались в три этапа до февраля 1955 г. [22, с. 46]. К концу летно-конструкторской отработки Р-5 появилась возможность оснащения ракеты ядерным боезарядом. Испытания этого комплекса, получив-

шего обозначения Р-5М, начались в январе 1955 г. и завершились в феврале 1956 г. За этот период, состоявший из двух этапов, было выпущено 32 ракеты. Боезаряд ракеты Р-5М был создан на базе РДС-6. 2 февраля 1956 г. в СССР произведен первый экспериментальный пуск баллистической ракеты Р-5М, оснащенной ядерной боеголовкой, который завершился атомным взрывом (операция «Байкал»). Стартовав со специальной площадки № 4Н полигона Капустин Яр и преодолев расстояние 1200 км, ракета благополучно достигла цели в районе озера Балхаш. После срабатывания ударного взрывателя там произошел атомный взрыв мощностью 80 кт (испытания проводились с атомной головкой пониженной мощности) [22, с. 47]. Ракетный комплекс Р-5М был принят на вооружение 21 июня 1956 г.

В работах по теме Н-2, которые проводились в НИИ-88, была доказана возможность создания компактных баллистических ракет с высококипящим окислителем – смесью азотной кислоты с оксидами азота (АК-20) и горючим ТГ-02 (топливо ГИПХ), или керосином. Была предложена ракета Р-11 с дальностью, соответствующей Р-1, но с массой почти втрое меньшей при одинаковой полезной нагрузке [6. Л. 180–181]. Р-11 имела стартовую массу 5,4 т, дальность 270 км и была снабжена вытеснительной системой подачи топлива на основе жидкого аккумулятора давления. Летные испытания экспериментального варианта Р-11 проводились с апреля 1953 по февраль 1955 г., причем в качестве горючего был использован керосин Т-1. 13 июля 1956 г. ракета, получившая индекс 8А61, была принята на вооружение. На ее базе разработана модификация этой ракеты – Р-11М с максимальной дальностью полета 150 км, но с тяжелой ядерной головной частью. Эта ракета также была принята на вооружение (в апреле 1958 г.).

Если ракета Р-1 считалась аналогом немецкой Фау-2, а Р-2 – модернизацией той же Фау-2, то в конструкцию ракеты Р-5 и двигателя РД-103 были внесены столь существенные изменения, что и ракету, и двигатель, по оценкам специалистов, уже можно считать отечественными разработками.

Советская ракетная программа получила в 1945–1955 гг. быстрое развитие благодаря целому ряду благоприятных факторов:

- в предвоенные годы была создана достаточно мощная отечественная научная и производственная база, позволяющая резко нарастить темпы работ;
- к началу 1950-х гг. ракетные программы получили приоритетное развитие, так как И.В. Сталин начал отдавать предпочтение ракете как средству доставки ядерных боеприпасов;

- Советский Союз умело использовал полученные в результате победы над Германией научные результаты, образцы ракетной техники и немецких специалистов для ускорения собственных работ;

- в середине 1940-х гг. в СССР выросла целая плеяда блестящих учёных – организаторов крупных составных частей ракетной программы, образовавших Совет Главных конструкторов – уникальное по творческой мощи объединение специалистов-ракетчиков;

- межконтинентальные баллистические ракеты в производстве и эксплуатации оказались дешевле стратегических бомбардировщиков, при этом обладали большей боеготовностью и меньшей уязвимостью;

- приоритет в создании ракет на жидком топливе способствовал быстрому решению поставленных задач, так как их технология существенно проще при сопоставимых характеристиках по энергетике с ракетами на смесевом твердом топливе;

- быстрому прогрессу в ракетостроении способствовали достижения в создании ракетных двигателей ОКБ-456 во главе с В.П. Глушко и разработка ракетных топлив Ленинградским ГИПХ под руководством В.С. Шпака.

Ещё в середине 1950-х гг. стало понятно, что практически неуязвимыми стартовыми площадками для баллистических ракет являются подводные лодки с подводным стартом ракет. Создание такой техники представляет собой сложнейшую научно-техническую задачу, которую в полном объеме удалось решить только в 1960-е гг. К полномасштабному решению задачи создания атомных подводных лодок, вооруженных баллистическими ядерными ракетами с подводным стартом, в СССР двигались поэтапно, начиная с 1950-х гг. Первоначально был разработан подводный ракетоносец с надводным ракетным стартом, затем – подводная лодка с атомным двигателем, позднее научились запускать ракеты из-под воды и создали подводный атомный ракетоносный флот.

Результаты подтвердили не только возможность боевого использования баллистических ракет с подводных лодок, но и позволили сформировать ряд требований к последующему поколению морского ракетного оружия, главным среди которых стал подводный старт ракет. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров о проведении работ по исследованию возможности старта баллистической ракеты из-под воды были приняты уже 3 февраля 1955 г. Решение задачи поручалось ОКБ-10 НИИ-88 (главный конструктор Е.В. Чарнко) и ЦКБ-16 (главный конструктор Н.Н. Исанин). За основу была взята модернизированная ракета Р-11ФМ, которая получила шифр С-4.7 [7. Л. 37–45]. Задача оказалась чрезвычайно сложной, и

лишь пройдя через трудности и неудачи, 10 сентября 1960 г. впервые в Советском Союзе с подводной лодки Б-67 удалось осуществить успешный прицельный пуск ракеты С-4.7 по боевому полю с глубины 30 м при скорости движения лодки 3,2 узла [16, с. 1029].

Анализ рассекреченных документов и характеристик ПЛ с единым двигателем, в том числе и атомных ПЛ, подтверждает: внедрение атомной энергетики привело к революционному скачку в скорости, продолжительности и дальности непрерывного подводного плавания. Благодаря атомной энергетике появилась возможность оснастить атомные подводные лодки электрическими системами регенерации воздуха, размагничивающими устройствами, высокоэффективными системами кондиционирования воздуха, перейти на более надежные и малогабаритные электроэнергетические системы переменного тока и т. д.

Таким образом, в 50-х гг. в СССР начала формироваться триада стратегических ядерных сил, которые составили основу обороноспособности страны: авиационные бомбардировочные системы, межконтинентальные баллистические ракеты и атомные подводные лодки с баллистическими или крылатыми ракетами (последние появились у СССР в начале 60-х гг.). На первых порах государственное предпочтение отдавалось в нашей стране (и в США) стратегической бомбардировочной авиации. Однако к середине 50-х гг. на первый план стали выходить ракетные программы, которые и составили основу стратегических ядерных сил Советского Союза.

Список литературы

1. Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестн. Рос. акад. наук. – 1998. – Т. 68. – № 1. – С. 5-6.
2. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. Коллекция постановлений и распоряжений СНК СССР за 1946 г.
3. АП РФ. Ф. 3
4. АП РФ. Ф.22.
5. АП РФ. Ф. 93.
6. Архив Ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С.П. Королева (АРКК «Энергия»). Д. 86.
7. АРКК «Энергия». Д. 96.
8. Архив центрального научно-исследовательского института машиностроения (АЦНИИ). Ф. 9.
9. Брук А.А. Иллюстрированная энциклопедия самолетов ОКБ В.М. Мясищева./ А.А. Брук, К.Г. Удалов, С.Г Смирнов и др. – Т. 2. Ч. 2. – М.: Авико Пресс, 2001.
10. Геркен Г. Братство бомбы. Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения. – М.: АСТ Астрель, 2008.
11. Голованов Я.К. Королев: Факты и мифы. – М.: Наука, 1994.

12. Гончаров Г.А. Основные события истории создания водородной бомбы в СССР и США // Успехи физических наук. – 1996. – Т. 166. – № 10.
13. Горелик Г. Андрей Сахаров: Наука и свобода. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000.
14. Гуревич И.И., Зельдович Я.Б., Померанчук И.Я. и др. Использование ядерной энергии легких элементов // Успехи физических наук. – 1997. – Т. 161. – № 5.
15. Испытания ядерного оружия и ядерные взрывы в мирных целях СССР. 1949–1990. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1996.
16. Коробов В.К. Подводный крейсер стратегического назначения // Вестн. Рос. акад. наук. – 1996. – Т. 66. – № 11.
17. Мишин В.П., Раушенбах Б.В. О творческом наследии академика С.П. Королева // Творческое наследие академика Сергея Павловича Королева: избр. тр. и док. – М.: Наука, 1980.
18. Негин Е.А., Куличков Г.Д. и др. Советский атомный проект. – Нижний Новгород – Арзамас-16: «Нижний Новгород», 1995.
19. Однажды и навсегда... Документы и люди о создателе ракетных двигателей и космических систем академике Валентине Петровиче Глушко / под ред. В.Ф. Рахманина. – М.: Машиностроение, 1998.
20. Отдел фондов научно-технической документации Всерос. науч.-исслед. ин-та эксперимент. физики (ОФНТД ВНИИЭФ). Ф. 2.
21. Пестов С.В. Бомба: Три ада XX века: в 2 т. – Т. 2: Термояд. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.–С. 80–90.
22. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им. С.П. Королева. 1946–1996 гг. – Изд. РКК «Энергия», 1996. – С. 31–33.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
24. РГАСПИ. Ф. 644.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 8044.
26. Стратегическое ядерное вооружение России / под ред. П.Л. Подвига. – М.: ИздАТ, 1995.
27. Уткин В.Ф., Мозжорин Ю.А. Ракетное и космическое вооружение // Сов. военная мощь от Сталина до Горбачева. – М.: Военный парад, 1999.
28. Харитон Ю.Б., Адамский В.Б., Смирнов Ю.Н. О создании советской водородной (термоядерной) бомбы // Успехи физических наук. – 1996. – Т. 166. – № 2.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 93/94(47)«1993»

*М. Б. Аллакулыев**

Причины конституционного кризиса 1993 г. в исторической литературе

В статье дается краткая характеристика эволюции взглядов на конституционный процесс в исторической литературе, раскрываются причины противостояния двух ветвей власти в октябре 1993 г. через кризис советской системы, через проблемы переходного периода, с методологических позиций теорий конституционных кризисов и материальной концепции.

The article gives a brief description of the evolution of views on the constitutional process in the historiographical literature, revealing the causes of confrontation between two branches of government in October 1993 through the crisis of the Soviet system through the transition problems with the methodological position of theories of constitutional crises and financial concepts.

Ключевые слова: конституционный процесс 1990–1993 гг., кризис советской системы, проблемы переходного периода, теории конституционных кризисов, материальная концепция.

Key words: constitutional process of 1990–1993, crisis of the Soviet system, transitional issues, theory of constitutional crises, material concept.

Эпоха Б.Н. Ельцина закончилась недавно по историческим меркам. Тема конституционного кризиса 1993 г. в России не только остается актуальной, но и активно обсуждаемой в отечественной исторической литературе. Именно это событие по праву можно считать кульминационным в новейшей истории, определившим дальнейший путь конституционного строительства российской государственности.

Говоря о периодизации историографии рассматриваемой темы, мы предлагаем свой вариант, выделяя постсоветский (1990-е гг. – 2003 г.) и современный (начиная с 2004 г. до настоящего времени) периоды. Такое разграничение можно объяснить завершением к на-

* Аллакулыев Мурат Баратович, аспирант кафедры истории России, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

чалу 2000 г. эпохи Б.Н. Ельцина и вступлением в должность нового Президента РФ.

Характеризуя историческую литературу первого периода, следует отметить, что в ней делаются попытки объединить советский и постсоветский этапы, объяснить конституционный кризис через кризис советской системы и широкие полномочия Советов, через проблемы переходного периода. Проводятся попытки методологического обоснования с позиций отдельно взятых теорий конституционных кризисов [4, 25–27; 1; 3; 6–8; 11–12; 17; 45; 49; 13; 15–16; 18–19; 36; 14; 22; 24; 28–29; 2; 21; 32–35; 37–42; 46–47].

Для второго периода характерно рассмотрение кризиса с позиции либеральной революции, открытие неизвестных ранее фактов участия иностранных государств, а также материальная концепция объяснения произошедших событий [5; 9–10; 20; 23; 30–31; 43–44; 48].

Разработка проблемы ведется в форме отдельных научно-публицистических статей, «круглых столов», дискуссий, в которых дается анализ не только исторических, но и историко-юридических аспектов [1; 8; 17] изучаемой темы.

Особняком стоит мемуарная литература, которая написана непосредственно участниками тех событий. Для объективного анализа мемуаров рекомендуется делить их на две группы: пропрезидентскую, доказывающую необходимость утверждения президентской республики с сильной властью Президента [3; 6–7; 11–12; 45; 49] и просоветскую, обосновывавшую целесообразность для России парламентско-советского пути развития [2; 33–35; 37; 46]. Большой информативностью обладают сборники документов, которые содержат аналитический анализ и обзоры прессы, архивных документов, законодательства [21; 38–39]. Весьма интересной, на наш взгляд выглядит полухудожественная литература, где авторы наряду с историческими фактами дают свою интерпретацию событий [5; 20].

Среди исторической литературы первого периода можно выделить несколько групп авторов, акцентировавших внимание на отдельном аспекте изучаемой проблемы. Существуют различные подходы к природе конституционного кризиса в России. Ряд авторов видит корень противоречий становления российской государственности в самой системе Советов, для которой была характерна нерасчлененность законодательной и исполнительной функций власти. Еще в 1992 г. участники «круглого стола», признавая в будущем возможность кризиса власти из-за совмещения Советами функций представительной и исполнительной власти, тем не менее отвергали идею их роспуска, веря на тот момент в возможность их

созидательной роли [32, с. 23–24]. Стоит заметить, что с прекращением существования Советского Союза совмещение власти в одних руках не исчезло, сохранив острое противостояние. В исторической литературе, авторы которой продолжают видеть причины кризиса власти в системе Советов, на исходе десятилетия уже категорически отрицалась сама возможность их существования как органа власти. Начало будущему противоречию было положено во время перестройки, когда Советы приобрели новое значение. Созданный прецедент института президента и принятая Верховным Советом РСФСР декларация о суверенитете РСФСР придали мощный толчок политической суверенизации в союзных республиках. Таким образом, можно наблюдать, как придание нового политического веса системе Советов, а также введение поста президента способствовали сначала распаду Советского Союза, а затем противостоянию этих политических институтов между собой в 1993 г. [4; 25; 26, с. 131–132; 27, с. 514–517].

Тема Советов рассматривается также в монографиях В.В. Согрина, в частности конституционный кризис 1993 г. – с точки зрения поражения либерально-демократической революции (1989–1991 гг.) и перехода на элитарно-термидорианский этап ее развития (1992–1997 гг.). Таким образом, в октябре 1993 г. была ликвидирована последняя основа советского социалистического строя, система Советов, действия которых ничем не отличались от контрреволюции ГКЧП в августе 1991 г. и были направлены на реставрацию СССР [40, с. 145–146; 41, с. 6, 14; 42, с. 14].

Отдельного внимания заслуживает монография В. Пастухова, причина кризиса в которой раскрывается через механизм построения новой российской государственности на обломках старой советской системы. Выделяются четыре этапа этого построения: с весны 1990 по август 1991 г., с августа по декабрь 1991 г., декабрь 1991 по апрель 1992 г., апрель 1992 по декабрь 1993 г. Автор доказывает, что адаптация к новым условиям приводила к искажениям смысла нововведений. Под фасадом разделения властей развернулась борьба между разными властными структурами и политическими группировками за политическое господство. Отныне конституция не выступала самоцелью, она стала средством в политической борьбе за перераспределение власти между различными группировками [24, с. 93].

Л.Ф. Шевцова объясняет кризис власти революционной ролью, которую сыграл сам глава государства на постсоветском этапе построения государственности через его монархические черты лично-

сти и видение власти как единой и неделимой, что помешало выйти из царистской и советской парадигмы власти [47, с. 23–25].

Продолжение интерпретации процесса конституционного кризиса и его причин как перехода от авторитарной политической системы к демократической дает А.Н. Медушевский. Автор приводит целый ряд теорий конституционных кризисов, пытаясь объяснить его причины в России. Это нормативистская концепция конституционных кризисов Кельзена, теория институциональной интерпретации, социологическая концепция М. Вебера, идея конституционных циклов в России П.Н. Милюкова. Большое внимание А.Н. Медушевский обращает на то, что особенностью российского общества является сочетание в нем аморфного общества и сильного государства, что таит в себе большой конфликтный потенциал. Инструментом выхода из кризиса, по мнению автора, всегда будет оставаться государство, осознающее свою историческую миссию социальных преобразований. Таким образом, для России характерна неизбежность периодичности конституционных конфликтов и два состояния: стабильность, переходящая в застой, и дестабилизация, связанная с вакуумом власти. Действующая Конституция РФ предстает в работах А.Н. Медушевского как фундаментальный нормативный акт, принятый на переходный период. Отсутствие развитого гражданского общества и демократической политической традиции исключает линейный характер процесса становления правового государства. Этот факт обрекает общество на циклический характер развития, выражающийся в периодической смене демократического режима на авторитарный. Таким образом, для российского общества характерен традиционный выбор между анархией и антиконституционным режимом в различных его модификациях [18, с. 13; 19, с. 68–70].

По истечении десятилетия конституционный кризис стал рассматриваться рядом авторов с историко-юридических позиций как политическая революция, нарушающая юридические, политические, нравственные и иные нормы. Главной причиной антагонизма двух ветвей власти, по мнению этой группы исследователей, являются издержки разделения властей, несостоятельность и неэффективность элиты, выражающаяся в неспособности трансформировать процессы мирным путем. Антагонизму двух ветвей власти способствовала переходная российская система и Конституция РФ 1978 г., которую «латали» на каждом Съезде народных депутатов РФ [1; 8; с. 3–4; 17, с. 13].

Следующая группа авторов выделяет отдельный аспект, который, по их мнению, послужил причиной конституционного кризиса в

России. Так, Г. Мальцев, А. Экимов и В. Ефимов видят причину конфликта в отсутствии сочетания самостоятельности и единства ветвей власти, нечетком разделении их полномочий [16, с. 34]. Б. Пугачев, В. Кузнечевский объясняют его отсутствием дееспособной власти [28, с. 1; 29; 14]. В.В. Невинский усматривает причину антагонизма в «прислужнической» роли Конституции РФ 1978 г., которая обеспечивала монополию партии КПСС во всех сферах общественной жизни [22, с. 66].

В «просоветских» мемуарных источниках авторы выделяют целый комплекс противоречий, послуживших причиной кризиса в 1993 г. В первом ряду стоят разнонаправленные интересы крупных социальных групп, стремление к самовластию и другие черты личности Б.Н. Ельцина, которые на ранних этапах его выдвижения старались не замечать в силу принципа «революционной целесообразности». В резкой форме проявилось разное видение реформирования общественной жизни в России и общая противоречивость российской реформации. Это был переходный период, когда прежние нормы вступали в коллизию с духом опережающих нововведений. По мнению авторов, сказалось отсутствие целостного конституционного поля, на деле получалось, что акты законодательной власти еще не создали целостной законченной системы, а указное право президента уже произвольно перекраивало ломкое правовое пространство. В результате многочисленных поправок Конституция 1978 г. стала противоречить сама себе. В ней содержались принципы двух конституционных систем. Таким образом, возник очаг напряженности между советской властью (Съездом депутатов) и новыми институтами исполнительной власти, которые заявили свои претензии на исключительные полномочия, имея для этого все финансовые и материальные рычаги. Была и геополитическая подоплека кризиса власти в октябре 1993 г. Подписание Беловежских соглашений, распад Советского Союза, образование СНГ, превращение России в сырьевую державу, по мнению авторов, давало весомые козыри тем, кто усматривал в новой конституции нежелательное закрепление беловежской линии. Незрелая политическая культура, самоуверенность и властолюбие должностных лиц еще больше усугубили процесс [2, с. 276–284; 33–35; 37, с. 183–184; 46, с. 261].

Рассматривая интерпретацию конституционного конфликта в «пропрезидентских» мемуарных источниках, следует выделить следующие причины, которыми объясняют произошедшие события их непосредственные участники. По словам Б.Н. Ельцина, противоречие властных отношений было заложено в конституционной дву-

смысленности, которая явилась результатом августовской революции 1991 г. и политического раскола. Автор объясняет кризис власти запоздалостью реформы государственного строя. Во время успешного проведения экономических реформ совсем забыли о политических, тем самым расшатывали устои Конституции РФ. Причина конфликта была еще и в кадровой политике, которую проводил президент в годы установления новой российской государственности. Отношения между Б.Н. Ельциным и Р.И. Хасбулатовым начали портиться, когда в правительство вошли Г.Э. Бурбулис и Е.Т. Гайдар. Сам Р.И. Хасбулатов хотел стать сначала вице-президентом, а позже премьером, но в обоих случаях ему было отказано. По мнению «пропрезидентских» мемуаристов, именно эти кадровые перестановки и определили негативное и очень агрессивное отношение спикера Верховного Совета РФ к будущим реформам. Причину бед видели в амбициях спикера парламента, который был «копьянен» властью. Немалую роль в усугублении противостояния сыграло окружение президента, которое определяло кадровую политику. Незавершенность начатого ранее демонтажа КПСС, которым объясняется около 90 % последующей борьбы и политических рисков, также оказало влияние на усугубление ситуации. Политическая борьба стала крайне персонифицирована, практически велась только между сторонниками Б.Н. Ельцина и Р.И. Хасбулатова. От победы кого-то одного в условиях растущей пассивности масс зависела судьба самой политической системы [3, с. 276; 6–7, с. 284–289; 11, с. 155; 12, с. 141–143; 45, с. 213; 49].

Отличной от мемуаров является историческая литература, закрепляющая президентскую республику и имеющая право называться «пропрезидентской». По мнению авторов, противостояние осени 1993 г. было естественным, так как нельзя было выйти из коммунизма, оставаясь в системе созданного коммунистическим режимом закона. Советский Союз был государством нового типа, где Советы от парламента четко отличались. Они не признавали разделения властей, сами могли совмещать все три ветви власти, олицетворяя собой диктатуру. Таким образом, указ президента и ликвидация Советов была закономерным и естественным шагом на пути к построению настоящего демократического государства [9; 48].

Рассматривая историческую литературу с позиций регионального аспекта, следует отметить следующие причины конституционного кризиса: наряду с экономическими интересами, переделом собственности и сфер влияния важнейшим фактором становились личные амбиции лидеров либеральной революции. В результате политической деятельности исполнительной власти, поддержки за-

падных стран произошло постепенное выталкивание оппозиции за рамки конституционности в зону насильственных действий. Реальная власть, по словам авторов, не принадлежала Советам, это было скорее прикрытием тех, кто ее действительно имел. В 1993 г. в России не было объективных причин для вооруженного противостояния президента и Верховного Совета РФ. Сотрудничество в рамках разделения властей между администрациями и Советами было жизненно необходимо. По мнению авторов, возможно, формальной стороной противостояния явилось отсутствие соответствующей Конституции РФ, которая закрепила бы либо президентскую, либо парламентскую форму правления. Таким образом, российский спор об основах государственно-политического строя и форме управления в большей степени был личным спором Б.Н. Ельцина и Р.И. Хасбулатова. В массе своей народ не хотел гражданской войны и кровопролития. Людям было важнее выживать, а не воевать на баррикадах [13; 15, с. 134–135, с. 158–165, с. 171; 36, с. 52].

Авторы исторической литературы описывают происходящие события в полухудожественной форме. Эту литературу можно также поделить на «пропрезидентскую» и «просоветскую». Первая группа авторов считает причиной конституционного кризиса окружение Б.Н. Ельцина, которое следило за тем, чтобы никто не приобрел слишком большого влияния на президента [20, с. 175], вторая группа – приватизацию государственной собственности. С этого момента начинается борьба нового класса олигархов с прежней номенклатурной властью, которая мешала спокойно поделить государственную собственность между собой. Это были благоволивший к олигархам Кремль и стоящий на стороне номенклатуры парламент [5].

Историки, проанализировав аналитические данные прессы, нормативные акты, архивные документы, причину конституционного кризиса видят в выборе пути развития России. Б.Н. Ельцин и Р.И. Хасбулатов являлись «случайными» персонажами, выброшенными в силу общественного разлома на авансцену отечественной истории. Политика Б.Н. Ельцина воплощала традиционный для России дух радикализма, а политика Р.И. Хасбулатова и А.В. Руцкого – консервативно-охранительный дух. Таким образом, произошло возвращение к традиционному для России противостоянию двух сил: западников (либерально-демократической) и почвенников (традиционалистски-государственной). По мнению авторов, механическое перенесение с западной почвы на Российскую принцип либерализма, игнорирующее неповторимость российской специфики, привело к тотальному государственному, национальному кризису [21; 38, с. 727–728; 39].

В исторической литературе второго периода, открывающей неизвестные ранее факты участия иностранных государств, авторы показывают, для каких целей западным странам нужна была победа Б.Н. Ельцина в противостоянии двух ветвей власти в октябре 1993 г. с точки зрения материальной концепции. Провозглашенная перестройка в Советском Союзе, а позже, после его распада, противостояние двух ветвей власти в РФ и проводимая радикально-демократическая политика были удачно использованы западными странами, желавшими наконец-то заполучить контроль над российскими сырьевыми ресурсами. Отсюда – логическое объяснение поддержки президентом США расстрела Дома Советов в октябре 1993 г. Добиться желаемого результата Западу удалось, используя два разрушительных метода: американский доллар и «обрушение» цены на нефть. Доказательством вышесказанному служит работа автора, сотрудника специальной комиссии Госдумы по расследованию событий осени 1993 г. В качестве примера приводятся данные заместителя командующего ВДВ по воздушно-десантной подготовке В.А. Сорокина, где идет речь о ведении огня по российским военным со здания американского посольства с целью вызвать соответствующий эффект. Причину противостояния автор усматривает в широких полномочиях Верховного Совета РФ и его намерениях дать через Конституционный суд РФ правовую оценку Беловежским соглашениям. Все это предопределило антиконституционный переворот, к которому Б.Н. Ельцина после победы на референдуме подталкивало его ближайшее окружение [10; 23; 30–31, с. 156–157, с. 163–164; 43–44].

Очевидно, что изучение данной проблематики еще будет продолжаться в будущем. Пик разработки этого сюжета исторического материала пришелся на 2000–2004 гг. в связи с отставкой Б.Н. Ельцина и началом нового этапа государственного строительства. На протяжении десяти лет происходила эволюция взглядов на конституционный процесс в отечественной литературе. Сначала его динамику пытались объяснить влиянием системы Советов и двойственной природой самого политического режима. Позже сформировался подход, объяснявший конституционный процесс с методологических позиций переходом от авторитарного к демократическому режиму власти. Одновременно с этим появлялась литература, в которой через историко-юридическую интерпретацию доказывалась незавершенность конституционного процесса в России. К 2004 г. появилось значительное количество мемуаров, сборников документов с аналитическим анализом прессы и нормативных актов.

На основе рассмотренной литературы мы пришли к выводу, что причина противостояния двух ветвей власти в октябре 1993 г. включала целый комплекс противоречий. Это поистине был переломный период в отечественной истории, время больших надежд и сильных разочарований. Ключ к разгадке конституционного кризиса власти, на наш взгляд, надо искать в переходном этапе построения российской государственности. Это и стало причиной конфликта российских политических структур. Сам характер исторического момента вобрал в себя все перечисленные противоречия: нерасчлененность законодательной и исполнительной власти, систему Советов, переход от авторитарного режима к демократии, догоняющий тип модернизации и т.д. – все это черты переходного периода, в котором оказалась Россия в начале 90-х гг. прошлого века.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституция России: сложный юбилей // Рос. Федерация сегодня. – 2003. – № 22. – С. 10–12.
2. Воронин Ю.М. Стреноженная Россия: Политико-экономический портрет ельцинизма. – М.: Республика, 2003.
3. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. – М.: Вагриус, 1997.
4. Горбачев М.С. Перестройка, 25 лет спустя // Рос. газета. – 12 марта. – 2010. – URL: www.gorby.ru (дата обращения: 30.09.2010).
5. Гранатова А.А. Клан Ельциных. – М.: Алгоритм, 2008.
6. Ельцин Б.Н. Записки Президента. – М.: Огонек, 1994.
7. Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – Ростов н/Д, 1991. – URL: <http://www.yeltsin.ru> (дата обращения: 30.09.2010).
8. Зорькин В. Россия и ее Конституция // Журн. рос. права, – 2003. – № 11. – С. 3–10.
9. История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель: АСТ, 2009.
10. Калашников М. Разграбление павшей империи // Третий проект. Погружение: книга-расследование. – М.: АСТ: Астрель, 2006.
11. Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. – М.: Интербук, 1997.
12. Костиков В. Роман с президентом. Записки пресс-секретаря. – М.: Вагриус, 1997.
13. Кузин С.Н., Шокин С.Д. От СССР к Российской Федерации. 1985–1995 гг. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1995.
14. Кузнецhevский В. Окружение президента взрывает политическую обстановку // Рос. газета. – 1992. – № 238. – С. 1–3.
15. Лисицын А.И., Миклин А.Р. Либеральная революция в России. Изнанка. – М.: Эксмо, 2009.
16. Мальцев Г., Экимов А., Ефимов В. Новый российский парламент: надежда на будущее // Рос. Федерация. – 1993. – № 1.
17. Мартышин О.В. Конституция Российской Федерации 1993 г. как памятник эпохи // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 13–17.

18. Медушевский А.Н. Конституционный кризис в обществах переходного типа // *Вопр. философии.* – 1999. – № 12. – С. 3–22.
19. Медушевский А.Н. Российская конституция в мировом политическом процессе: к десятилетию Конституции РФ 1993 г. // *Мир России.* – 2003. – № 3. – С. 62–104.
20. Млечин Л.М. Борис Ельцин. Послесловие. – М.: ЗАО Центр-полиграф, 2007.
21. Москва. Осень-93: хроника противостояния. – М.: Республика, 1995.
22. Невинский В.В. Конституция Российской Федерации: испытание мировым опытом // *Журн. рос. права.* – 2003. – № 11. – С. 65–80.
23. Паршев А. Полная профнепригодность // *Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь.* – М.: АСТ: Астрель, 2006. – С. 143–191.
24. Пастухов В. Становление российской государственности и конституционный процесс: политологический аспект // *Государство и право.* – 1993. – № 2. – С. 89–97.
25. Пихоя Р.Г. Конституционно-политический кризис в России 1993 г.: хроника событий и комментариев историка // *Отечественная история.* – 2002. – № 4. – С. 64–79.
26. Пихоя Р.Г. Конституционно-политический кризис в России 1993 г.: хроника событий и комментариев историка // *Отечественная история.* – 2002. – № 5. – С. 113–133.
27. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
28. Пугачев Б. Нужны не референдумы, а дееспособная власть // *Рос. газета.* – 1993. – № 70. – С. 1–2.
29. Пугачев Б. Правительство Ельцина-Гайдара: тупик социально-экономической политики // *Рос. газета.* – 1993. – № 68. – С. 1–2.
30. Рогозин Д.О. Тайна «Черного октября» // *Враг народа.* – М.: Алгоритм, 2008. – URL: www.1993.sovnarkom.ru (дата обращения: 30.09.2010).
31. Рогозин Д.О. Ястребы мира: дневник русского посла. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010.
32. Российский парламентаризм: преддемократическая ситуация // *Народный депутат.* – 1992. – №18. – С. 23–24.
33. Румянцев О.Г. Выводы из практики конституционных реформ 1990-х гг. // *Основы конституционного строя России.* – URL: www.rumiantsev.ru/book/1/ (дата обращения: 30.09.2010).
34. Румянцев О.Г. Конституционное поле не место для борьбы // *Рос. газета.* – 1993. – № 152. – С. 1–3.
35. Румянцев О.Г. Новая Конституция для России. Подходы и принципы // *Народный депутат.* – 1990. – № 15. – С. 80–91.
36. Рутковский М.А., Слепцов Е.Я. Ярославская область на переломе эпох (1985–1998). – Ярославль, 1999.
37. Руцкой А. Обретение веры. – М., 1995.
38. Современная политическая история России (1985–1998 годы). – Т. 1. Хроника и аналитика. – М., 1999.
39. Современная политическая история России (1985–1998 годы). – Т. 2. Лица России. – М., 1999.
40. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. – М.: Весь мир, 2001.

41. Согрин В.В. Революция и термидор к исторической типологии общественно-политического процесса в России 90-х годов // *Вопр. философии.* – 1998. – № 1. – С. 3–17.
42. Согрин В.В. 1985–1995: Реалии и утопии новой России // *Отечественная история.* – 1995. – № 2. – С. 3–17.
43. Стариков Н. Кризис: как это делается. – СПб.: Питер, 2010.
44. Стариков Н. Шерше ля нефть. Почему наш стабилизационный фонд находится там? – СПб.: Питер, 2010.
45. Филатов С.А. Совершенно несекретно. – М.: Вагриус, 2000.
46. Хасбулатов Р.И. Великая Российская трагедия. – Т. 1. – М.: ТОО «СИМС», 1994.
47. Шевцова Л.Ф. От России Ельцина к России Путина: эволюция выборной монархии // *Современная Европа.* – 2000. – № 4. – С. 20–33.
48. Шилов С. Борис Ельцин и Джордж Вашингтон. // *Независимая газета.* – 2000. – 1 февр. – URL: www.ng.ru/ideas/2000-02-01/8_b_j.html (дата обращения: 30.09.2010).
49. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. – М.: Вагриус, 2001.

ЭТНОЛОГИЯ

УДК 93/94(571.54) «1993/2007»

*Д. Д. Нимаев**

Объединительные процессы в Бурятии: предпосылки, движущие силы и тенденции развития

В статье дана характеристика происходивших в постсоветский период в регионе Восточной Сибири этнокультурных и этнодемографических процессов на материалах Агинского и Усть-Ордынского бурятских автономных округов. Сделано заключение, что на этом историческом этапе в жизни округов произошли коренные изменения.

In the article we give the characteristic of ethnocultural and ethnodemographic processes in Eastern Siberia during the Post-Soviet period on materials on Aginsky and Ust-Ordynsky Buryat autonomous regions. The conclusion is made that at this historical stage in the life of districts there were basic changes.

Ключевые слова: Бурятия, государственно-административное устройство, динамика численности, автономные округа, субъект Федерации, Федеральный договор.

Key words: Buryatiya, state-administrative device, dynamics of number, autonomous regions, the subject of Federation, the Federal contract.

В настоящей статье предпринята попытка выявить предпосылки, движущие силы и тенденции дальнейшего развития объединительных процессов, происходивших на протяжении последних лет в регионе Восточной Сибири. Точнее говоря, речь идет об объединении Усть-Ордынского бурятского автономного округа (далее УОБАО) с Иркутской областью, Агинского бурятского автономного округа (АБАО) с Читинской областью.

Вначале приведем немного статистики для обозначения общей географо-демографической картины по бурятским округам.

АБАО. Дата образования – 26 сентября 1937 г. Территория – 19,6 тыс. кв. км. Численность населения на 01.01.2007 – 75,1 тыс. чел. (табл. 1).

* **Нимаев Даба Дамбаевич**, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Таблица 1

Динамика численности бурят по АБАО

	1959		1979		1989		2002	
	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %
Читинская область	40,0	3,9	56,5	4,6	66,6	4,9	70,5	6,1
АБАО	23,4	47,7	34,9	52,0	42,3	54,9	45,1	62,5

В целом за рассматриваемый период отмечен значительный прирост бурятского населения как в округе, так и в Читинской области в целом (с 1959 по 2002 г. – 92,7 и 76,3 % соответственно).

Всего в списке окружного статуправления на 2002 г. указаны представители 61 национальности.

УОБАО. Дата образования – 26 сентября 1937 г. Территория – 22,4 тыс. кв. км. Численность населения (2002 г.) – 135 тыс. чел. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика бурят численности по УОБАО

	1959		1979		1989		2002	
	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %	Общая численность бурят, тыс. чел.	Доля бурят по отношению ко всему населению, %
Иркутская область	70,5	3,6	71,1	8	77,3	2,7	80,6	3,1
УОБАО	44,9	33,8	45,4	34,5	49,0	36,3	53,6	39,6

Всего в списке окружного статуправления УОБАО на 2002 г. указаны представители около 80 национальностей.

Согласно переписи населения 2002 г. в округе наметился очередной отток населения. При этом произошло сокращение численности практически всех национальностей, кроме бурят. Вообще, в динамике численности населения УОБАО за последние десятилетия трудно уловить какую-то закономерность. Итак, по переписи 1959 г. – 133,1 тыс. чел., 1970 г. – 146,4 тыс. чел., 1979 г. – 132,2 тыс. чел., 1989 г. – 135,9 тыс. чел., 2002 г. – 135,0 тыс. чел.

За рассматриваемый период, насколько можно судить по приведенным фактам, наблюдался поступательный рост численности бурятского населения в округе (с 1959 по 2002 г. – 19,4 %).

С принятием новой Конституции РФ в 1993 г. начались существенные изменения в государственно-административном устройстве. Резко увеличилось количество субъектов РФ (до 89, в том числе 10 автономных округов). Эти преобразования создали благоприятные условия для социально-экономического и этнического развития бывших автономных округов и областей, прежде находившихся в подчинении местных областных и краевых структур, а теперь получивших равные с ними политические и юридические права. Отныне бывшие округа как полноправные субъекты участвуют в политической жизни Федерации напрямую, избирают и назначают своих представителей в органы федеральной власти, заключают федеральный договор, межпарламентские и межправительственные соглашения, договоры на обучение выпускников своих школ в московских и других центральных вузах и т. д.

Вопрос состоял в том, как новообъявленные субъекты сумеют распорядиться предоставленной самостоятельностью. Особенно преуспели в этом агинцы. В 1996 г. АБАО, по данным экономического журнала «Эксперт», занимал предпоследнее, 88, место в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов России, а в 2005 г. занимал уже 64 место. В 2,7 раза увеличился валовый продукт, среднедушевой доход увеличился с 900 до 6 500 руб.

Конечно, и Агинскому округу в свое время не удалось избежать сильнейших негативных последствий пореформенного периода. Так, главное богатство и гордость округа, почти миллионное поголовье тонкорунных овец, сократилось до 300 тыс. голов. Однако удалось добиться того, что с начала 2000-х гг. поголовье основных видов – овец, КРС, лошадей – стабильно увеличивается в среднем на 6–7 % ежегодно, что является одним из высших отраслевых показателей по РФ. По оценкам специалистов, преобладающее большинство коллективных сельхозпредприятий сегодня уже рентабельно.

Ярким итогом большой и целенаправленной работы, которая все эти годы проводилась в сфере животноводства, стало недавнее утверждение Министерством сельского хозяйства и продовольствия новой породы овец – «Агинской». Событие это достойно более подробного освещения. Порода выведена в колхозе «Родина» (с. Зуткулей) Дульдургинского района под руководством профессора Московской государственной ветеринарной академии им. Скрябина Н.О. Цырендондокова, уроженца данного села. Новая порода выведена путем сложного скрещивания местной забайкальской породы с баранами кучугурской грубошерстной и казахской полугрубошерстной пород. В настоящее время в хозяйстве насчитывается 12 тыс. полугрубошерстных овец. Животные пастбищные, подвижные, выносливые, легко преодолевают значительные переходы, неприхотливы, отличаются крепкой конституцией тела.

Мощное развитие в округе получила региональная система государственной финансовой поддержки личного подворья сельского населения. Важность такой инициативы станет более очевидной, если учесть, что в личных хозяйствах сосредоточено примерно 80 % всего поголовья КРС.

Последние годы стали также периодом стремительного обновления и развития инфраструктуры округа. По оценке руководителя Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству РФ С. Круглина, округ является одним из тех регионов России, которые по своей инициативе участвуют в большинстве федеральных программ по строительству и ЖКХ. Так, в 2006 г. было запланировано 25 объектов, которые успешно сданы (плавательный бассейн, окружная поликлиника, четыре школы, медицинская амбулатория в с. Кусочи, Дом культуры в с. Таптанай и др.).

Важным событием в истории всего региона стало досрочно завершенное реконструирование автодороги Агинское – Дульдурга (90 км). При этом доля финансирования из окружного бюджета составила не менее половины от общей суммы капиталовложения (более 200 млн. руб.). Знаменательно, что в народе эта дорога уже получила свое название – БАМ – Большая Агинская магистраль. Далее, завершена реконструкция другой важной автодороги Агинское – Нижний Цасучей, ввод которой позволил снизить грузопоток по федеральной трассе Чита – Забайкальск.

В округе успешно осуществляется проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», по которому с внесением соответствующих корректив был принят местный закон об окружной целевой программе «Жилище» на 2004–2010 гг. В ее рамках была

еще принята подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей», одной из основных задач которой является представление молодым семьям (до 30 лет) субсидий на приобретение жилья.

Не менее интенсивными темпами ведется капитальное строительство в сфере социально-культурного быта. Украшением и визитной карточкой Аги стал физкультурно-оздоровительный центр «Баатар», окружной краеведческий музей, Свято-Никольский православный храм. Предметом особой гордости является туристический комплекс «Алханай». 15 мая 1999 г. было принято постановление правительства РФ «О создании в Агинском Бурятском автономном округе национального парка Алханай под ведомством Федеральной службы лесного хозяйства России». Принятие в 2005 г. целевой окружной программы «Развитие парка "Алханай" в 2005–2008 гг.» придало новый осязаемый импульс жизнедеятельности комплекса. Общая площадь парка составляет 138,2 тыс. га, на территории действует заповедный режим. Одновременно в туркомплексе созданы комфортные условия для отдыха людей, число которых в последние годы за сезон составляет более 30 тыс. чел.

Важным событием в общественной жизни не только округа, но и региона в целом стало открытие в 2003 г. в пос. Агинское собственного издательского дома «Агын үнэн» («Агинская правда»), что дало возможность более свободного и расширенного издания книг, брошюр, учебных пособий на бурятском и русском языках.

Три раза в неделю выходит окружная газета «Агинская правда» (тираж 7000 экз.), 16-полосный еженедельник «Толон» (Луч света) на бурятском языке (тираж 3500 экз.). С 2005 г. один раз в месяц выходит поселковая газета «Агинчане» (1000 экз.), в Могойтуйском районе издаётся раз в неделю газета «Местное время» (2500 экз.), в Дульдургинском районе – газета «Ленинец». Имеются в округе собственные студии радио-телевещания. Кроме того, один раз в неделю ведется передача «Сагай амисхал» («Дыхание времени») на бурятском языке по Читинскому областному телевидению. В округе работает несколько филиалов вузов из гг. Читы и Улан-Удэ, имеются собственные педколледж, медколледж (с 2004 г.) с ориентацией учебного курса на нетрадиционную медицину, с начала 1990-х гг. функционирует Буддийская академия.

Сложнее выглядела ситуация в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. Усть-Орда и в 2005 г., как в 1996 г., занимала то же 20-е место в рейтинге [2, с. 93]. К началу 2000-х гг. объем промышленного производства снизился на 74 %. По итогам 2002 г. убыточными были 44,1 % предприятий округа. Более 80 % населения имели доход ниже прожиточного минимума. Все это является, по

мнению большинства обозревателей, результатом бездарной хозяйственно-экономической политики руководства округа за постсоветский период. Вместе с тем, можно вспомнить, что в 1980-х гг. УОБАО производил 35 % мяса, 35 % молока, 40 % зерна, 90 % шерсти Иркутской области, что, в общем-то, не очень согласуется с положением бедного пасынка, сидящего на шее состоятельного отчима.

С начала 2000-х гг. во внутренней политике федерального центра начали проявляться новые тенденции в системе отношений с субъектами Российской Федерации. Новый курс государства, первоначально сформулированный как «Приведение законодательств субъектов РФ в соответствие с федеральным», в действительности оказался претворением в жизнь весьма кардинальных, даже болезненных, преобразований, особенно в сфере национально-государственного строительства. Основным, наиболее важным и остродискуссионным на данном этапе стал вопрос о возможности объединения автономных округов с соответствующими областями / краями.

После нескольких объединительных процессов в других регионах РФ настала очередь и бурятских автономных округов. Однако как только возникли первые реальные симптомы к слиянию бурятских автономных округов, поднялась довольно мощная протестная кампания. 29 декабря 2002 г. состоялся «круглый стол» окружной общественности в пос. Усть-Ордынский с участием представителей ВАРК и Конгресса бурятского народа, на котором было выражено единодушное требование отстоять статус УОБАО. Был организован IV (внеочередной) Всебурятский съезд 13 июня 2003 г. в пос. Усть-Ордынском, делегатами которого были авторитетные деятели: ученые, представители творческой интеллигенции, депутаты из РБ и ОБАО, председатели региональных землячеств из Москвы и Киева и др. Делегаты съезда единодушно и решительно выступили против объединения УОБАО с Иркутской областью, поскольку в тот момент именно этот вопрос стоял на повестке дня. Были также приняты обращения к Президенту и Правительству РФ, членам Совета Федерации и депутатам Госдумы, руководителям Иркутской и Читинской областей, РБ и автономных округов.

В январе 2006 г. состоялся «круглый стол» в Бурятском госуниверситете, где обсуждались те же вопросы.

Тем не менее в апреле 2006 г. состоялся референдум по объединению Усть-Ордынского бурятского автономного округа с Иркутской областью. По Иркутской области «за» проголосовали 89,76 %, по округу – 97,7 % населения.

И сама процедура проведения референдума, и ее окончательные итоги вызвали справедливые нарекания со стороны разных сторонних наблюдателей. Метод давления и посулов (или «кнута и пряника») и на этот раз действовал безотказно. Сказалась также «правовая неграмотность самих экспериментируемых...», которые, как «неразумные макаки..., готовы отдать за сладкозвучные сказки о совместном благоденствии... все свои породные права на родину и этноразвитие» [2, с. 25]. Иначе говоря, в процессе подготовки референдума столкнулись две стороны: с одной – пусть малочисленный, но хорошо организованный, четко знающий свои цели и задачи (выслужиться и набрать баллы перед вышестоящим начальством), и самое главное, еще обладающий в то время соответствующими административными ресурсами управленческий аппарат; с другой – многочисленная масса избирателей, задавленная заботой о хлебе насущном и лишенная возможности и времени строго разобраться в складывающейся ситуации, привыкшая жить в основном по указке вышестоящих инстанций, потому инертная и равнодушная ко всему.

Официальное оформление процесса объединения двух бывших субъектов РФ состоялось 1 января 2007 г.

После объединения в Усть-Ордынском бурятском округе (отныне в названиях бурятских округов будет изъято слово «национальный») ситуация выглядела следующим образом. Структура администрации: глава Б.В. Данилов (с августа 2009 г.), один заместитель, один помощник. Функционируют три отдела: культуры, образования и национального спорта, работающие на основе областных программ. Всего в штате администрации округа 22 человека. Округная дума распущена в январе 2008 г. В законодательном собрании Иркутской области округ представлен четырьмя голосами (из 45).

По определению В.А. Хамутаева, впервые тема «укрупнения субъектов» появилась в Байкальском регионе в 2000 г., когда в читинских СМИ прошло несколько публикаций, в которых авторы размышляли о проблемах управляемости в таком огромном государстве. Тогда впервые в общественное сознание россиян, давно уже признавших «89 равноправных субъектов Федерации», была запущена мысль о чрезмерной их множественности, о целесообразности и даже предрешенности слияния малых дотационных субъектов. Хотя конкретно они не были указаны – автономные округа нацменьшинств – «матрешки» внутри областей, – тем не менее реакция Агинской общественности была незамедлительна и однозначно против «попыток перекройки устоявшейся и уже оправдавшей себя территориальной системы». Состоялось несколько

мероприятий, прошло обсуждение вопроса о статусе, правах, полномочиях, перспективах и планах округа в окружной газете, и вопрос, запущенный на проверку Агинских бурят, был тихо снят: идеологи «губернизации», почувствовав сплоченность и решимость Агинской общественности и власти отстаивать добытые правомочия «равноправного субъекта РФ», не решились тогда на запуск «объединительного процесса»...

...17 января 2003 г. губернатор Читинской области Р.Ф. Гениатуллин на окружном совещании, учитывая настрой читинцев и агинчан, заявил, что ломать сегодня сложившуюся систему взаимоотношений в регионе по меньшей мере бездумно. Так же ясно высказался глава администрации Агинского округа Б.Б. Жамсуев [8, с. 276, 282].

Тем не менее 11 марта 2007 г. состоялся референдум по объединению Читинской области и АБАО и образованию нового субъекта РФ – Забайкальского края. При общей явке голосовавших (88,44 %) в АБАО проголосовали «за» 94 %, по области – 90,3 %.

Предпосылки и причины столь странной, на первый взгляд, метаморфозы настроений как среди руководства области и округа, так и среди населения региона в целом, очевидно, еще предстоит выяснить более обстоятельно. По словам, например, Б. Жамсуева, несколько лет он отказывался от этого ответственного шага, еще несколько лет назад объединительный процесс вызывал ряд вопросов и сомнений, но сегодня, как он считает, когда страна вступила в новый этап своего развития, когда наличие в ее составе слаборазвитых и социально неблагополучных территорий становится опасным и невыгодным, укрупнение регионов стало необходимостью. Формирование сильных и сбалансированных объединенных территорий является необходимым условием для развития экономики страны, роста доходов населения, привлечения инвестиций, для укрепления структурного единства страны [2, с. 151–157; 3].

Как представляется, приведенные здесь слова, вполне логичные на первый взгляд, отнюдь не полностью отражают истинную причину такой резкой перемены в настроениях и действиях руководства округа и области.

Надо отдать должное работникам администрации округа и области, особенно их лидерам – Б. Жамсуеву и Р. Гениатулину, которые провели большую предварительную организационную работу. Так, еще 14 февраля 2007 г. в администрации АБАО губернатор Читинской области Равиль Гениатулин и глава администрации округа Баир Жамсуев подписали Соглашение, определяющее основные положения особого статуса округа в составе Забайкальского края.

Причем, как отмечено, подобное Соглашение, подписанное до референдума по объединению двух субъектов, принимается впервые в истории объединительных процессов в России.

Предметом названного Соглашения явились особенности статуса Агинского Бурятского автономного округа как административно-территориальной единицы в составе нового субъекта, предложенные для включения их в федеральный конституционный закон об образовании нового субъекта РФ, в положение о выборах депутатов законодательного органа нового субъекта РФ первого созыва и в Устав будущего Забайкальского края.

Соглашение, в частности, предусматривало территориальную целостность Агинского округа в составе нового края, сохранение системы организации органов местного самоуправления, повышенное представительство округа в законодательном органе нового субъекта РФ (до 1/3 от численности депутатов, избранных по мажоритарной системе), поскольку на первых его заседаниях будут приняты некоторые основополагающие документы, в том числе Устав края. Глава Администрации округа будет входить в состав высшего исполнительного органа власти нового субъекта в должности заместителя его руководителя. Документ также определяет, что в переходный период образования нового субъекта РФ на территории округа будет обеспечено продолжение реализации в прежних финансовых и организационных рамках среднесрочных и текущих планов социально-экономического развития округа, окружных целевых и иных программ, социальных и других гарантий для различных категорий населения и организаций.

Рабочая группа по подготовке референдума внимательно изучала процессы объединения, прошедшие в других регионах. Отмечалось, что везде в вопросах, которые выносились на референдум, было указано, что автономные территории будут иметь особый статус. Но в действительности окончательного документа, раскрывающего понятие «особый статус», никто не принял. По мнению самих забайкальцев, разработчиков документа, им удалось сформировать общие понятия и принципы особого статуса Агинского округа в составе будущего Забайкальского края, что будет иметь большое значение не только для Забайкалья, но и для объединительных процессов, которые пройдут и в других регионах страны.

В целях конкретизации некоторых положений Соглашения приведем отдельные выдержки из его содержания:

«Агинский Бурятский округ будет иметь свою символику (герб, флаг, гимн), отражающую современное состояние, исторические, национально-культурные особенности и традиции» (ст. 3, п. 5).

«Администрация округа обладает правами юридического лица, имеет печать с изображением герба Российской Федерации, штампы, бланки, печати со своим наименованием» (ст.5, п.6).

Итак, как казалось, свершается историческое, судьбоносное событие в жизни не только округа, но и всего региона. Причем имелись основания считать, что данный объединительный процесс обладает своими выраженными особенностями по сравнению с аналогичными явлениями в других субъектах РФ.

1 января 2008 г. состоялось официальное оформление процесса объединения АБАО с Читинской областью и провозглашение нового субъекта РФ – Забайкальского края. Поэтому интересно было еще раз на месте оценить ситуацию в регионе в новых условиях, и с этой целью нами была предпринята еще одна поездка в Агинский бурятский округ в октябре 2008 г. Реальная ситуация на месте заставила невольно вспомнить известную поговорку о том, что «гладко было на бумаге...». Первой не очень приятной новостью для агинцев стало освобождение от должности главы округа Б. Жамсуева и отправление его в почётную ссылку в Москву. Весна-лето прошли как период безвременья, только в сентябре утвердили в должности нового главы администрации округа, бывшего заместителя Б. Жамсуева. Произошло сокращение штата администрации с 80-ти до 30-ти чел., собственного бюджета как такового у округа уже не будет. Окружная дума распущена. На фоне таких событий создавалось ощущение, что настроение людей стало уже не столь благодушным и оптимистичным, как в 2007 г.

Теперь несколько слов о так называемом «особом статусе» бывших автономных округов в составе новообразованного субъекта. В результате объединительных процессов в Перми, Красноярске, на Камчатке очень скоро выяснилось, что «особый статус» в рамках существующего федерального законодательства просто невозможен, если субъект перестает быть субъектом, то он просто опускается на уровень ниже и становится районом (или несколькими районами). Забайкальцы же, отдавая себе отчет в законодательной неопределенности или неразработанности понятия «особый статус» в РФ, тем не менее попытались выработать свое понятие особого статуса. Что из этого получится, покажет время, хотя, как мы постарались показать, даже первый год совместного существования Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края уже осветил некоторые тенденции его развития в новом статусе.

Итак, политика административной реформы последних лет в достаточной мере осложнила и сделала в какой-то мере трудно предсказуемой этническую ситуацию среди бурят. Тем не менее хо-

чется верить в наличие у Бурятии достаточного потенциала – и материально-технического, и интеллектуального, чтобы с определенным оптимизмом смотреть в будущее нашего этноса. Нужна более четкая и полная координация сил и средств, выбор конкретных и приоритетных направлений деятельности.

Список литературы

1. Агинский округ в цифрах. 2005 год. – Агинское, 2005: Стат. сб. Террит. орган государственной статистики по Агинскому бурятскому автономному округу. – 2005.
2. Бурятские автономии: быть или не быть? // Материалы IV внеочередного Всебурятского съезда (июнь 2003) и «круглого стола», состоявшегося в БГУ в январе 2006 г. – Улан-Удэ, 2007.
3. Итоги. 26 декабря 2006 г. // Приложение к газете «Коммерсант».
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Офиц. изд.: в 14 т. – Т. 1: Численность и размещение населения. – М., 2004.
5. Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Респ. информ.-издат. центр, 1990.
6. Национальный состав населения по Иркутской области, включая Усть-Ордынский БАО: (по итогам Всерос. переписи населения 2002 г.). Стат. сб. – Иркутск, 2004.
7. Усть-Ордынский бурятский автономный округ в цифрах и фактах (1990–2002). Экономика-стат. сб. – Пос. Усть-Ордынский, 2002.
8. Хамутаев В.А. Национальный вопрос в Бурятии 1980–2000 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.
9. Чимитдоржиев Ш.Б. Бурят-монголы: история и современность. – Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2000.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 355.424.6:636.596(47+57) «1874/1917»

*А. В. Товпека**

Практика использования голубиной связи в военном деле и охране границ Российской империи

В статье анализируется роль «живых» закрытых средств связи (к каковым в конце XIX и начале XX в. относилась и военно-голубиная почта) в повышении оперативности, мобильности в организации связи в русской императорской армии, а также в войсках Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи. Почтовые голуби зарекомендовали себя с положительной стороны как в боевой обстановке, так и при охране государственной границы. Достаточно заметить, что военно-голубиная связь использовалась и позже – в советских вооружённых силах (в том числе и в ходе Великой Отечественной войны). В пограничных войсках СССР голуби довольно активно использовались вплоть до середины 60-х гг. XX в.

The article to be published shows a role of the "live" closed communication facility. (At the end of XIX and the beginning of the XXth centuries military-pigeon mail was also considered to be a "live" closed communication facility.) It played an appreciable role in increase of efficiency, mobility in the organisation of communication in Russian imperial army, and also in armies of the Separate Corps of Border Guard of Russian Empire. Carrier pigeons approved themselves both in fighting conditions and at border protection. We should admit that military-pigeon communication was used later in the Soviet Army including the period of the Great Patriotic War. In the Border Guard of the USSR pigeons were frequently used up to the middle of 60th years of the XXth century.

Ключевые слова: станции военной почтово-голубиной связи, отдельный корпус пограничной стражи Российской империи, Русско-японская война 1904–1905 годов, пограничная крепость.

Key words: stations of military pigeon mail communication, the Separate Corps of Border Guard of Russian Empire, the Russian-Japanese war 1904–1905, a boundary fortress.

Если уважаемые читатели внимательно смотрели телесериал «Гибель империи», то им наверняка запомнился эпизод, в котором один из немецких шпионов при помощи почтового голубя пытается

* **Товпека Андрей Васильевич**, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

переправить за границу секретные чертежи. Эффектная придумка автора сценария не так уж и далека от действительности: в начале прошлого века пернатых широко использовали в военных целях, в том числе в охране границы! В каталоге музея Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), составленном генерал-лейтенантом М.П. Чернушевичем и изданном в Петрограде в 1915 г. [13, с. 84–85], обращает на себя внимание снимок, подпись под которым гласит: «Модель голубятни по руководству "Почтовый голубь" А.И. Вестенрика, на 50 пар голубей, уменьшен в 8 раз – работы нижних чинов оружейной мастерской Особого пограничного Керченского отдела, в 1905 году». Кстати, именно такая голубятня имела в 1903–1904 гг. при 23-й Одесской пограничной бригаде на посту Ланжерон для снабжения частей V округа ОКПС военными голубями.

Поразительно, но факт, общепринятый символ мира – голубь оказался единственным из многочисленной стаи пернатых, активно применявшихся человеком в военных целях. Способностью и стремлением голубей искать и находить путь на родину, даже из отдаленных мест и при сложной метеорологической обстановке, люди пользовались исстари. Доставка птицами письменных сообщений (написанных на тонкой бумаге и в трубочке из гусиного пера прикрепляемых к ножке или хвостовому перу голубя) в глубокой древности практиковалось как в коммерческих, так и в военных целях китайцами, египтянами, греками, римлянами, персами, скифами, славянскими племенами (например, римский полководец Юлий Цезарь пользовался почтовыми голубями для доставки донесений в Рим) [10]. Позднее крестonosцами – во время крестовых походов, французами – во время войн с Англией и т. д. Вообще, голубиная почта была самым быстрым и относительно дешевым средством связи, хотя и имела ряд недостатков: голубь, завезенный за сотни километров в район расположения действующей армии, знал только «адрес» своей голубятни. Тем не менее, если нужно было дать знать вышестоящему командованию (или руководству страны) о положении дел на театре военных действий, голубь выпускался и мчался «домой» со скоростью, превышающей в несколько раз скорость конных и, тем более, пеших гонцов [2, с. 41].

У русичей голуби как пернатые связисты также нашли широкое применение. В русском фольклоре имеется много песен и сказочных сюжетов об этой птице [3, с. 54]. Впрочем, применялись голуби и как грозное оружие. В «Повести временных лет» приведён рассказ о том, как в 946 г. княгиня Ольга использовала голубей в военном деле для захвата непокорной крепости. Она потребовала у жителей города, осаждаемого её дружиной: «...дадите ми от двора по 3 голу-

би да по 3 воробья...». Жители, не усмотрев подвоха в требовании княгини, быстро собрали от каждого двора по три голубя и по три воробья и послали Ольге. Княгиня велела раздать их дружине, привязать к каждой птице сухой трут, зажечь его и отпустить крылатых «воинов». И те понесли тлеющую смерть к своим домам. Загорелись голубятни и сараи, а от них и другие деревянные постройки. А поскольку горели все дворы сразу, их невозможно было погасить.

На Руси голубиная связь использовалась во всех видах сторожевой службы. Многочисленные набеги кочевников были настоящим бедствием для Древнерусского государства. Проникая вглубь страны и не встречая на своем пути сколько-нибудь серьезного сопротивления (ведь регулярного войска в то время ещё не было, а для сбора дружин необходимо было время), кочевники грабили и сжигали города и поселения русичей, уводя последних в рабство. Поэтому своевременная и оперативная передача ратной вести о появлении врага на окраине (границе) государства являлась насущной и жизненной необходимостью. Сообщение о набеге степняков тогда носило открытый характер и шло от города к городу вплоть до столицы с помощью огня в ночное время и дыма от зажженных вех и костров в дневное время при помощи пеших и конных гонцов. Не редким явлением для быстрой передачи информации было и использование дрессированных голубей. Поистине незаменимыми связные голуби становились, когда пограничная крепость осаждалась противником, и передать сообщение её защитникам другими средствами связи не представлялось возможным.

Широкое развитие линии голубиной почты получили в наполеоновскую эпоху и после неё, причем оставались долгое время «на военной службе» даже после изобретения телеграфа (оптического, акустического, а во второй половине XIX в. и электрического).

В XIX в. применение голубей в качестве передатчиков почтовых сообщений нашло довольно широкое распространение во многих странах Западной Европы (Германия, Нидерланды, Бельгия, Франция и др.). Так, в Бельгии появился почтово-голубиный спорт, избравший местом своих действий города: Брюссель, Гент, Антверпен и Люттих. Голубиная почта получила практическое применение в торговле, в целях возможно быстрой передачи биржевых известий [9, с. 417].

Решающим значением в деле применения почтовых голубей для военных целей послужили события франко-прусской войны 1870-1871 гг. Если в ходе этой войны во французской армии практически отсутствовало организованное применение полевого телеграфа (в прусской армии уже имелись подвижные походные

(воинские) телеграфные команды), то «употребление французами в эту кампанию совершенно особых средств для сообщения осаждённого Парижа с провинцией и с остальным миром» вызвали большой интерес во многих западноевропейских государствах [6, с. 258]. «Особым средством» наряду с аэростатами как раз и явились почтовые голуби.

Готовясь к осаде Парижа, французское правительство озаботилось об устройстве «сообщения его с провинциями посредством подводных проводников, запрятанных на дне Сены». Но уже вскоре эти проводники были «вскрыты и уничтожены немцами».

Тогда население и гарнизон осаждённой французской столицы для связи с внешним миром стал активно использовать аэростаты, которые отправлялись из Парижа почти каждый день. При этом французами предпринимались многочисленные попытки добиться возможности управлять движением аэростатов, но все их усилия оказались безуспешными. Аэростаты, поднявшись в воздух, летели всегда по направлению ветра. При этом не представлялось никакой возможности не только направить их движение, но даже приблизительно определить место их посадки. При невозможности управлять движением аэростатов нельзя было достигнуть того, чтобы они возвращались в Париж. Поэтому для доставления писем в осаждённый город и «употреблены были голуби» [7, с. 259–260]. С улетающими из Парижа аэростатами отправлялось и довольно значительное количество парижских голубей, которые затем возвращались в столицу Франции с привязанными к ним письмами и депешами.

Сразу после окончания франко-прусской войны многие европейские армии «призвали» почтовых голубей на военную службу. Тем более для этого, как уже говорилось выше, в этих странах уже имелась и соответствующая база, и голубиные кадры, годные «стать в строй». Увы, но Россия наличием пернатых связистов похвастаться не могла. В Российской империи не было ни одного голубинового общества, да и отдельных охотников до почтовых голубей хотя бы из числа тех же владельцев больших землевладельческих поместий (помещиков) было не так уж много.

В 1874 г. по инициативе русского Генерального штаба было создано общество, занимавшееся разведением и содержанием почтовых голубей (впоследствии была организована сеть почтово-голубиных станций). Однако пионеры военно-голубинового дела столкнулись с существенными трудностями в своей деятельности: им не хватало специальной методической и учебной литературы по голубеводству. Впрочем, на тот период и за границей литературой по голубеводству не могли похвастаться многие спортивные общества.

Первым, кто обратил на это пристальное внимание, оказался офицер российской пограничной стражи А.И. Вестенрик. И не только обратил, но в 1877 г. выпустил в Варшаве (на свои средства) книгу «Почтовый голубь», состоявшую из двух частей и двадцати глав, в которой весьма подробно рассмотрел все моменты, связанные с разведением, содержанием и организацией почтово-голубиной связи. Он со знанием дела описал устройство и принадлежности голубятен, а также приобретение, дрессировку голубей и уход за ними (приучение пернатых к новому месту, их чистка, корм и выкормка), подробно остановился на болезнях голубей (их лечении). Также им был издан указ голубиного общества «Колумбия». Книга офицера-пограничника Вестенрика, по сути, явилась первым практическим пособием по отечественному голубеводству.

В своей книге А.И. Вестенрик уделил весьма пристальное внимание и событиям прошедшей франко-прусской кампании. Вот, что он писал в главе 18, называвшейся «Военно-почтовые голубятни»: «Блокада Меца и Парижа доказала, что гарнизоны даже таких укрепленных пунктов могут быть лишены всякой возможности поддерживать сообщения со страной при помощи обыкновенных и даже заранее организованных средств, каковы: лазутчики, подземные телеграфы и т. п... Во время... осады из Парижа было вывезено (на аэростатах – *Прим. авт.*) в провинции 363 голубя, из которых обратно в город прилетело правда только 73, но ими было доставлено в осажденный город несколько сот тысяч депеш». Далее автор делал смелый вывод, который впоследствии полностью подтвердился: «Я не ошибусь, если скажу, что в будущих войнах почта будет играть роль такого же орудия военного искусства, как телеграфы, железные дороги и т. п.» [1, с. 119–120]. Слова эти оказались пророческими.

Военное ведомство России уделило пристальное внимание на развитие военно-голубиной почты. Причём вплоть до Первой мировой войны голубь рассматривался как стратегическое средство связи на дальние расстояния. Так, в среднем дальность голубиной связи со стационарных станций достигала 300–500 км, а с подвижных – 50–150 км. Впечатляли и другие «тактико-технические данные» голубя-связиста: высота полёта – до 300 м, а средняя скорость 60–70 км/час. Срок подготовки голубя занимал от 2 до 3 лет, после чего он мог безотказно оставаться «в строю» ещё не менее пяти лет.

23 февраля 1888 г. приказом № 46 по Военному ведомству Российской империи было утверждено Положение о военно-голубиной почте, которое распространялось и на пограничную стражу. Военно-

голубиная почта утверждалась на военное время для поддержания связи с блокированными пограничными крепостями, а в повседневной пограничной службе голуби использовались для связи нарядов с постами.

Дальнейшее развитие голубиной связи в войсках нашло своё отражение в Инструкции для военно-голубиных станций, утверждённой 14 марта 1901 г. военным министром А.Н. Куропаткиным.

Содержались голуби в специально построенных зданиях (голубятнях). Согласно принятому в дореволюционной России порядку, за все виды военной связи со времён Петра I отвечало Главное инженерное управление (ГИУ). Поэтому в соответствии с положением о военно-голубиной почте голубятни строились согласно чертежам, разработанным специалистами ГИУ.

Голубятни подразделялись на постоянные голубиные станции (крепостные) и полевые (разборные), т. е. стационарные и подвижные. Крепостная военная голубятня размещалась на видном с высоты полёта голубя месте, по возможности безопасном от поражения огнём неприятельской артиллерии. Как правило, постоянные голубиные станции строились на 125 пар голубей, а внутренняя высота голубятни для удобства их отлавливания делалась от 6 до 7 футов (1,8–2,1 м) [5, с. 48–54]. Кстати, не вызывает сомнений, что весьма многие положения Инструкции перекликались с книгой А.И. Вестенрика, написавшем об особенностях военного голубеводства, следующее: «...Слишком обширных голубятен не следует строить, ибо большое скопление голубей производит сырость, зловоние, болезни, шум и не позволяет удобно наблюдать за голубями; в одно отделение следует сажать никак не более 100 штук» [1].

На временно выставляемых постах устраивались полевые разборные голубиные станции. В тех случаях, когда необходимо было организовать военно-почтовую связь на непродолжительное время, в удалённых районах применялись двухколёсные голубиные станции. Для переноски небольшого количества голубей на короткие расстояния использовались корзины, сделанные из прутьев ивы.

Для связи подвижных пограничных нарядов с постами и отрядами пограничных бригад, а также для тренировки голубей в частях ОКПС применялась тренировочно-постовая корзина, которая переносилась за спиной и была рассчитана на двух голубей, каждый из которых помещался в отдельный отсек.

Почтовые голуби выращивались как на местах, так и в питомниках. Из питомников они распределялись и рассылались в корзинах туда, откуда планировалось выпустить крылатых связистов и где

они поступали в ведение местных воинских начальников голубиных станций.

Каждый голубь на голубятне имел отдельный номер, даваемый ему на всю жизнь. Нумерация голубей велась в специальных журналах и была общая для всех голубятен каждой военно-голубиной станции. Она осуществлялась с помощью кольца, которое надевалось птенцу на лапку не позже восьми дней по вылуплению, в чётный год на правую, а в нечётный – на левую. Надетое кольцо несло следующую информацию: год рождения, номер голубя, название станции и государственный герб страны, которой он принадлежит.

Учёт пернатых связистов вёлся строгий. Все голуби, кроме колец, имели такие же клейма и на крыльях с теми же номерами и названиями станций. Для перевозки почты голубем имелась специально изготовленная из алюминия или другого лёгкого материала трубка, запаянная с одного конца и завинчивающаяся (плотно закрывающаяся) с другого. Называлась она *портдепешник*. В него, прикрепляемого к лапке голубя, и вкладывались *голубограммы*. Впрочем, на русских военных голубятнях частенько депеши сворачивали в трубочку, вкладывали в обрезок гусяного или голубиного пера, прошивали с обоих концов *навощёнными шелковниками* и привязывали к одному или двум хвостовым перьям.

Вес депеши не превышал 1 золотника (4,25 гм). В ней проставлялся её номер и номер отправляемого голубя.

С каждой депешей, вложенной в портдепешник, выпускалось то или иное количество голубей – от 1 до 12. Количество одновременно выпускаемых голубей зависело от покрываемого ими расстояния, погодных условий и важности депеш.

В России первые военные голубятни были построены в 1888 г. в крепостях: Варшаве, Новогеоргиевске, Зегрже и Ивангороде [11, с. 123].

В дальнейшем сеть военно-голубиной почты расширялась и к 1910 г. охватила собою следующий район: Варшава, Ивангород, Брест-Литовск, Зегрж, Новогеоргиевск, Осовец, Гродно, Ковно, Ровно, Барановичи и Либава. Кроме того, военно-голубиные станции были в Туркестанском военном округе, на Кавказе и в ряде морских крепостей и портов (Владивосток, Севастополь, Очаков, Одесса и т. д.).

Главное внимание обращалось на устройство военно-голубиных станций для связи русских приграничных крепостей между собой и с г. Лидой.

Подразделялись военные почтово-голубиные станции на 4 класса. К 1-му классу с четырьмя направлениями полёта и с

1000 голубей принадлежала станция в Брест-Литовске, ко 2-му с тремя направлениями полёта и с 750 голубями – станция в Варшаве, к 3-му классу с двумя направлениями полёта и с 500 голубями – станции в Новогеоргиевске, Ивангороде, Осовце и других крепостях. Порт-Артур имел почтово-голубиную станцию с 200 голубями (однако к началу Русско-японской войны количество голубей на этой станции было значительно меньше). В Манчжурии ещё перед Русско-японской войной 1904–1905 гг. находилась сеть военных почтово-голубиных станций (как, например, в Ляояне, Мукдене, Харбине). Между Порт-Артуром и Чифу на расстоянии примерно 150 км действовали голубиная почта и искоровой телеграф [9, с. 418].

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. в Порт-Артуре успешно действовала военно-голубиная станция, которая имела 45 голубей, дрессированных следовать до Леояна, и 31 голубь – через морской залив до Чифу.

22 февраля 1904 г. голуби были вывезены из Порт-Артура в конечные пункты для дрессировки, а прибывшие в Ляоян были переданы в голубятню Заамурского округа пограничной стражи [12, с. 124].

Безусловно, все эти армейские военно-голубиные станции и линии голубиной связи использовались и в интересах службы по пограничному надзору. В то же время чинам пограничной стражи предписывалось свыше не только оказывать всяческую помощь военному ведомству в деле дальнейшего развития военной почтово-голубиной связи, но и «чтобы чины (ОКПС – *Прим. авт.*) обращали особое внимание за тайно водворяемыми через границу голубями с тем, чтобы свободно перелетающие из России за границу (в Германию и Австрию) и обратно голуби по возможности были убиты выстрелами на нашей территории». Задержанных голубей-нарушителей требовалось подвергать «самому тщательному досмотру, и обнаруживаемые при них депеши, а также и перья, если на них окажутся какие-либо знаки или клейма» надлежало передавать в штаб военного округа и лично командиру ОКПС [8, с. 72].

Голубиная почта на фоне существующих тогда средств связи наглядно демонстрировала немалые плюсы. Донесения доставлялись через голову противника, причём скрытно, что обеспечивало секретность передаваемого сообщения. В депеше передавали в штаб схемы, планы, карты районов боевых действий, что невозможно было сделать при помощи телеграфа и радио. Привлекала и простота использования голубей, ведь аппаратура телеграфно-телефонных станций, а также и радиостанций была громоздкой и тяжёлой.

Неудобства голубиной связи заключались в её односторонности, зависимости от состояния погоды и времени суток, отсутствии уверенности у пославшего, что сообщение пришло по назначению (до прилета голубя со станции, на которую послана депеша), необходимости предварительной подготовки (в течение 5–6 ч) голубей на подвижной станции после ее переброски на новое место. Имелись у пернатых связистов другие минусы. Вот что, в частности, говорится по этому поводу в каталоге музея ОКПС в разделе «Военное голубиное дело»: «...Так как опыт показал, что содержание голубиной почты по постам Пограничной Стражи подвержено большим трудностям, главным образом потому, что голуби большей частью бросали постовые голубятни или истреблялись местными коршунами и ястребами. Вследствие чего почта не могла отвечать поставленной задаче, то последовало распоряжение (в 1907–1908 гг.) упразднить голубиную почту и голубятню».

Несмотря на то, что применение голубей не нашло широкого распространения у пограничников, в русской армии к 1914 г. их количество достигло более четырех тысяч.

Пернатые связисты активно и небезуспешно использовались в годы Первой мировой войны армиями противоборствующих сторон. Например, в 1914 г. военно-почтовый голубь севастопольской станции успел предупредить крепость о подходе германского (позднее турецкого) броненосного крейсера «Гебен» к Севастополю. Дежуривший в море русский миноносец, обнаружив крейсер, пытался сообщить об этом в штаб Севастопольского гарнизона по радио, но радиостанция оказалась неисправной. Тогда с борта миноносца моряки отправили донесение с голубем, и он успешно выполнил боевое задание.

К концу Первой мировой войны в армиях союзников России (Франции, Англии и Америки) было около 400 тыс. военно-почтовых голубей, а в германской армии – около 150 тыс. голубей [12, с. 124].

Список литературы

1. Вестенрик А.И. Почтовый голубь. Разведение, содержание и дрессировка почтовых голубей; история голубиной почты. – Варшава, 1877.
2. История войск связи. Средства связи и сигнализации в докапиталистический период. Ч. 1 / Экз. № 1. – Л.: Военная академия связи, 1951.
3. История войск связи. Средства связи и сигнализации в докапиталистический период. Ч. 2 / Экз. № 1. – Л.: Военная академия связи, 1951.
4. История военной связи / под общ. ред. маршала войск связи А.И. Белова. Ч. 1 (становление и развитие военной связи в России). – М.: Военное изд-во, 1983.

5. Почтовое голубеводство. Инструкция для военно-голубиных станций. [Утверждена 14 марта 1901 г. военным министром генералом от инфантерии Куропаткиным]. – СПб., 1901.
6. Рехневский С.С. Телеграфы и применение их к военному делу. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872.
7. Рехневский С.С. Телеграфы и применение их к военному делу. – СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872.
8. Сборник циркуляров по ОКПС с 1894 по 1901 год. Секретно. / Циркуляр № 88 от 26 апр. 1896 г. «О военно-голубиной почте». – СПб.: Тип. при штабе ОКПС.
9. Средства связи на войне. – СПб.: Свет, 1911.
10. Цейтлин В.М. Собака и почтовый голубь как средство связи. – Л., 1932.
11. Цейтлин В.М. Вопросы связи в стратегических операциях. Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. Не подлежит оглашению. – М.: Воен. тип. ГУРККА, 1926.
12. Цейтлин В.М. Вопросы связи в стратегических операциях. – М.: Воен. тип. ГУРККА, 1926.
13. Чернушевич М.П. Каталог музея Отдельного корпуса пограничной стражи. – Петроград: Тип. при штабе ОКПС, 1915.

Моряки-пограничники в боях за Ленинград

В статье рассказывается о героических сражениях и подвигах советских моряков- пограничников 1-го и 2-го отряда морских частей пограничных войск на Балтийском море по обороне Ленинграда во время Великой Отечественной войны.

The article is about heroism of soviet soldiers from the 1-st and 2-nd forces of marine frontier-guard, who struggled on the Baltic Sea to protect Leningrad during Great Domestic war.

Ключевые слова: моряки, военный корабль, катер, Балтийское море, экипаж, отряд, пограничные войска, мины, война, Военно-морской флот.

Key words: seaman, warship, cutter, Baltic sea, crew, detachment, frontier troops, mine, war, navy.

На рассвете 22 июня 1941 г. Германия, нарушив пакт о ненападении, всей военной мощью обрушилась на Советский Союз. Главная военно-политическая цель Германии заключалась в полном разгроме СССР, для чего предполагалось нанести мощный удар по основным силам Красной армии, сосредоточенным в западных районах, уничтожить их и, стремительно продвигаясь вглубь страны, занять в короткие сроки ее важнейшие политические и экономические центры.

Официальные установки требовали «ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать немцам установить господство в Европе» [4, с. 4].

30 июля 1941 г. гитлеровское командование издало директиву № 34 для наступающих войск, в которой обстановка на фронтах оценивалась иначе, нежели в первые недели войны. Основное внимание в директиве уделялось группе армий «Север», которой предписывалось усилить наступление на Ленинград, окружить его, соединившись с финскими войсками, и захватить как можно быстрее северную часть Эстонии, обороняемую войсками 10-го стрелкового корпуса 8-й армии и частями флота.

К началу войны размещение советских войск, предназначенных к отражению фашистской агрессии, не обеспечивало по ряду объек-

* **Тихонов Дмитрий Николаевич**, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

тивных и субъективных причин своевременное сосредоточение и развертывание нашей группировки. Застигнутые врасплох войска, не имевшие четкой директивы от Генерального штаба РККА, не смогли своевременно развернуться на рубежах, предусмотренных планом обороны государственной границы, вступали в бой разрозненно, по частям, неорганизованно и оказались не в состоянии выполнить возложенные на них задачи.

На Ленинград в 1941 г. наступление вела группа немецких армий «Север», в состав которой входили 4-я танковая группа, 16-я и 18-я пехотные армии по флангам [2, с. 117]. Всего в состав немецких войск, наступавших на ленинградском направлении, входило 43 дивизии, в том числе 13 танковых моторизованных.

Почему фашистская Германия придавала такое важное значение захвату Ленинграда?

Театр военных действий северной группы армий «Север» тесно примыкал к северо-западному направлению, куда входили: Карельский перешеек, Восточная часть Финского залива, прибалтийские страны, и в тылу находился Ленинград, который имел не только важное военное, политическое, экономическое, но и стратегическое значение. Через Ленинград проходили железнодорожные коммуникации, соединяющие его с Москвой и глубоким тылом страны, а также имеющие огромное значение для связи всей страны с ее северной и северо-западной частями. Впереди находился аванпост – полуостров Ханко, где располагалась база Балтийского флота, прикрывавшая северный фланг Красной армии в Прибалтике. Отсюда главная цель наступавших немецких войск на северо-западном направлении – это захват Ленинграда. Заняв его, немцы овладели бы мощной промышленностью, в том числе и военной.

Захват Ленинграда привел бы к уничтожению Балтийского флота и дал бы Германии возможность безраздельно властвовать на всей Балтике, соединил бы немецкую и финскую армии и тем самым позволил бы им решать стратегические задачи проникновения в глубокий тыл Советского Союза с таким расчетом, чтобы отрезать его северную часть и лишить связи СССР с его союзниками.

Гитлеровское командование рассматривало операцию по захвату Ленинграда как чисто сухопутную и не привлекло в восточную часть Балтийского моря крупные корабельные силы. Тем не менее моряки Краснознаменного Балтийского флота с первых дней войны вступили в бой. В состав этого флота входило более 300 кораблей и судов, в том числе 2 линейных корабля (устаревших, но модернизированных), 2 крейсера, 2 лидера, 19 эсминцев, 65 подводных лодок. Флот имел на вооружении более 860 самолётов, а на

вооружении береговой обороны находилось около 500 орудий. К началу войны Балтийский флот был единственный, который имел соединение морской пехоты – бригаду. Организация флота была следующей: эскадра, отряд лёгких сил, две бригады подводных лодок, две бригады торпедных катеров, береговой обороны, силы и средства противовоздушной обороны, частей специального и тылового обеспечения. Командовал флотом вице-адмирал Трибуц (с 1943 г. – адмирал). Начальником штаба флота был контр-адмирал Пантелеев.

Одной из проблем, с которой столкнулся флот в предвоенное время и в ходе войны с Финляндией в 1939–1940 гг., была нехватка лёгких сил. Основным путём решения этой проблемы в военное время стала мобилизация, в том числе личного и корабельного состава морских пограничных сил НКВД СССР на Балтике.

С началом боевых действий в соответствии с директивой НКВД СССР № 2121/Б от 27 июня 1941 г. Управление пограничных войск НКВД Ленинградского округа было переформировано в Управление охраны войскового тыла Северного фронта [6. Оп. 12. Д. 210. Л. 172, 223].

К началу Великой Отечественной войны морская составляющая пограничных войск НКВД СССР включала восемь отрядов пограничных судов, три морские школы младшего начсостава, Военно-морское училище погранвойск (Ленинград), другие морские части и подразделения [3, с. 162]. А в составе пограничных войск НКВД Ленинградского округа входило 16 частей: 5, 7, 9, 11, 33, 102, 103-й погранотряды, ОКПП «Выборг», ОМКПП «Ленинград», окружная школа младшего начальствующего состава, 1-й Балтийский отряд погрансудов, 5-я морская школа и Ленинградский морской пограничный порт [2, с. 118].

Охрану морской границы на Балтийском море осуществляли 1-й и 2-й Балтийские отряды пограничных судов. 1-й Балтийский отряд пограничных судов, которым командовал старший лейтенант С.П. Желдаков (начальник штаба старший лейтенант З.Ф. Слепенко, заместитель по политчасти старший политрук Д.И. Павленко), входил в состав Ленинградского пограничного округа и состоял из трех дивизионов: 1-й (командир старший лейтенант А.С. Евстратов, заместитель по политчасти старший политрук К.М. Гавриш) и 2-й (командир капитан-лейтенант В.П. Степаненко, заместитель по политчасти политрук М.С. Перлов) дивизионы базировались в г. Тронгзунде (ныне г. Высоцк), 3-й (командир старший лейтенант А.И. Кирсанов, заместитель по политчасти старший политрук В.К. Молодцов) – в Ораниенбауме (Ломоносов). 2-й Балтийский от-

ряд пограничных судов под командованием капитана 3 ранга А.Н. Перфилова входил в состав Прибалтийского пограничного округа и состоял из трех дивизионов: 1-го (Таллин) под командованием старшего лейтенанта Я.Т. Резниченко, впоследствии вице-адмирала, заместителя начальника пограничных войск СССР, 2-го (Лиепая) под командованием старшего лейтенанта А.Д. Финочки и 3-го (Усть-Нарва) под командованием капитан-лейтенанта М.К. Туркова. Всего в составе двух отрядов морских пограничных судов насчитывалось несколько устаревших сторожевых кораблей, не представлявших большого интереса для флота, и 74 вполне современных (по меркам отечественного флота) сторожевых и лёгких катеров, построенных в последние предвоенные годы, в том числе 19 катеров МО-2; 25 катеров МО – 4; БК – 1; катеров ЗК – 7; легких катеров КМ-2 – 16; КМ-4 – 6 [1, с. 241–286].

23 июня 1941 г. 2-й отряд в полном составе (семь катеров МО-2 и 14 катеров КМ) был передан ОВРу Кронштадтской ВМБ КБФ и принимал активное участие в обороне Ленинграда.

1-й отряд был передан в состав флота несколько позже – 15 сентября 1941 г. Так же как и в случае со 2-м отрядом судовой и личный состав были переданы в распоряжение командира ОВРа КБФ. Из семи катеров ЗК и девяти уцелевших катеров МО был сформирован 2-й дивизион сторожевых катеров, вошедший в состав истребительного отряда охраны водного района главной базы КБФ (ОВР ГБ КБФ).

В период с 23 июня по 15 сентября 1941 г. корабли и катера 1-го БОПС выполняли различные задания командования КБФ: несли дозорную службу, участвовали в конвоях в период перехода кораблей флота из Таллина в Кронштадт, эвакуировали гарнизоны с островов Выборгского и Финского заливов, вели боевые действия на них.

В конце августа 1941 г. начались отход и эвакуация войск Таллинского гарнизона и кораблей флота в Кронштадт и Ленинград. Моряки-пограничники участвовали в обеспечении этого героического перехода.

При эвакуации с о. Гогланд 30 августа 1941 г. в Кронштадт прибыло 112 кораблей, 23 транспорта и вспомогательных судна. На кораблях и транспортах было эвакуировано более 18 тыс. чел. Больше месяца корабли Балтийского флота ходили к Ханко и обратно, выполняя поставленную Верховным Главнокомандованием задачу эвакуировать героический гарнизон. В этих трудных переходах участвовали и моряки-овровцы, в том числе и бывшие пограничники. Об интенсивности боевой работы в это время свидетельствует запись в вахтенном журнале одного из тральщиков

ОВРа: «БТЩ Т-205 за 1941 г. выполнил 70 всевозможных операций. Прошел с тралями 4584 мили. Провел через минные поля 77 кораблей» [5, с. 34]. Пограничники разделили все трудности и опасности со своими новыми боевыми товарищами. При переходах погибли два катера МО-2 и 3 катера МО-4.

Героически сражались с врагом моряки-пограничники ВМБ Ханко, легендарного Красного Гангута, в составе частей военно-морской базы обороняли остров до начала декабря 1941 г. 165 дней и ночей стойко защищали они подступы к Ленинграду. В этих боях погибло 129 солдат 99-го пограничного отряда и личного состава дивизиона пограничных судов [6. Оп. 12, Д. 245. Л. 39]. 2 декабря по приказу ГКО гарнизон был эвакуирован.

Одной из задач, к выполнению которой привлекались моряки-пограничники, являлась постановка минных заграждений на морских коммуникациях врага. Для этой цели использовались шесть переоборудованных «малых охотников» дивизиона Я.Т. Резниченко.

В ночь на 4 июля МО под командованием Я.Т. Резниченко заминировали выходной фарватер порта Хельсинки, несмотря на плотный огонь береговой артиллерии и воздействие авиации противника.

Бывшие морские пограничники несли потери. 30 августа 1941 г. при выполнении боевого задания по артиллерийской поддержке сухопутных войск на Неве погибли бывшие пограничные катера МО ПК-173 и ПК-174. Еще раньше, 21 августа, при высадке десанта в Усть-Тосно был потоплен ПК-317 (командир главный старшина Ф.В. Соснин).

3 сентября 1941 г. два катера под командованием лейтенанта А.Д. Финочко возвращались с боевого задания по снятию гарнизона с о. Рухну на о. Сааремаа. Внезапно катера атаковали вражеские самолеты. На катере, где находились А.Д. Финочко и командование дивизиона, возник пожар, но моряки продолжали бой и в этой чрезвычайно сложной обстановке сумели сбить два самолета. Однако из-за пожара катер терял ход, становился удобной мишенью для врага. Огонь подбирался к топливной цистерне. Раненый Финочко находился на мостике. Когда силы оставили его, он приказал рулевому поднять флажный сигнал «Погибаем, но не сдаемся...». Глухой взрыв разметал катер. Героически погибли командир дивизиона А. Д. Финочко, комиссар А. И. Макаров, начальник штаба К. Н. Варламов и др.

Примером истинного героизма и верного служения Родине стал подвиг катерников ОВРа, бывших пограничников, экипажей МО-207 и МО-303. 25 мая 1943 г. два бывших пограничных катера под ко-

мандованием старшего лейтенанта Н.И. Каплунова и лейтенанта В.Г. Титякова в составе отряда капитан-лейтенанта И.Л. Чернышова вышли в пролив Бьерке-Зунд для дозора. 13 вражеских катеров сделали попытку прорвать нашу дозорную линию, однако встретили решительный отпор. Особо отличился в этом бою старший лейтенант Н.И. Каплунов. Даже смертельно раненый он продолжал руководить подчиненными и не покинул мостик. Понеся ощутимые потери, враг не выдержал и, маскируясь дымовой завесой, ушел под прикрытием своих береговых батарей. Совинформбюро сообщило: «В Финском заливе 13 катеров противника напали на два наших дозорных катера. Советские моряки вступили в бой с численно превосходящими силами врага, потопили два и сильно повредили один катер противника. Остальные вражеские катера поспешно отошли, наши катера вернулись на базу».

Доблесть, самоотверженность и воинское мастерство экипажей МО-207 и МО-303 получили высокую оценку командования КБФ и Верховного Главнокомандования. Капитан-лейтенант И.П. Чернышов первым на Балтике был награжден орденом Александра Невского; орденами Красного Знамени были отмечены лейтенант В.Г. Титяков и старший лейтенант Н.И. Каплунов (посмертно). Флаг, под которым сражался МО-207, вместе с моделью этого катера хранится в Центральном военно-морском музее. Экипаж МО-207 по возвращении в пограничные войска после войны продолжал с честью выполнять свои обязанности. Имя Николая Каплунова навечно занесено в списки экипажа. Оно было присвоено и одному из кораблей Краснознаменного Прибалтийского пограничного округа, а в 1995 г. – новому кораблю 2 ранга Калининградской группы Погранвойск РФ.

Немало героических подвигов совершили морские пограничники и в боях на суше. К осени 1941 г. на защите Ленинграда стояло немало пограничников. В боях активно участвовали 3, 5, 7, 34, 102, 103, 104, 106, 108-й пограничные полки, 99-й погранотряд береговой охраны и два батальона курсантов Петергофского пограничного училища.

На берегах Невы дрались курсанты и командиры Высшего военно-морского пограничного училища. Сформированный из них отряд под командованием ветерана морского пограничного флота капитана 2 ранга Садникова (впоследствии начальник училища, контр-адмирал) по приказу командующего фронтом занял оборону на правом берегу Невы у Ивановских порогов. Перед курсантами стояла задача: во взаимодействии с эсминцами «Строгий» и «Стерегающий» не допустить форсирования реки противником. Моряки-

пограничники много дней и ночей вели тяжелые оборонительные бои, с честью выполнив воинский долг.

На протяжении войны пограничные катера выполняли самые разнообразные задачи и постоянно были на переднем крае боевых действий КБФ. Они охраняли фарватеры, выходы из портов и гаваней, несли службу ближних и дальних дозоров, участвовали в поиске и уничтожении подводных лодок противника, обеспечивали минные постановки кораблям флота и производили их самостоятельно в Выборгском заливе, сопровождали наши подводные лодки и транспорта при переходе по Финскому заливу, вели разведку побережья, уничтожали на берегу огневые точки врага, участвовали в десантных операциях на островах Эзель и Даго, первыми вошли в Таллинскую гавань в 1944 г. с десантом и вооружением на борту.

Особая страница – обеспечение Дороги жизни. Немецко-фашистские войска, пытаясь полностью заблокировать Ленинград, принимали все меры к тому, чтобы не допустить установления какой бы то ни было связи осажденного города с Большой землей. В свою очередь Военный совет Ленинградского фронта делал все возможное для того, чтобы не дать врагу перерезать единственную артерию, связывавшую Ленинград со страной, – ледовую дорогу, проходившую по Ладожскому озеру. Охрана и защита этой дороги осуществлялась морскими и сухопутными пограничными войсками.

Особая роль отводилась пограничным войскам как резерву для создания общевойсковых частей, соединений и оперативных объединений.

Разнообразными и в большинстве своем тяжело выполнимыми были задачи, которые приходилось решать пограничным войскам в годы Великой Отечественной войны. Осуществляя специальные функции по обеспечению государственной безопасности, они были и на передней линии борьбы с фашистами, решали общевойсковые задачи, прикрывали отход регулярных частей Красной армии, также неocenим их вклад в оборону Ленинграда и активное участие в прорыве из окружения. Находясь в составе ВМФ, они на своих плечах вынесли всю тяжесть борьбы с коварным и жестоким врагом, не посрамив чести и преумножив славные боевые традиции стражей морских рубежей Отчизны. На Севере и Балтике, Черном море и Тихом океане они воевали геройски, проявляя мужество и смекалку, самоотверженность и профессиональную выучку, боевое товарищество и готовность к самопожертвованию во имя Победы. Легендарные подвиги моряков-пограничников навсегда останутся в истории войск, являя собой пример служения Отечеству всем последующим поколениям воинов границы.

Список литературы

1. Бережной В.В. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945 гг. – М.: Воениздат, 1988.
2. Гребенев Н.Я., Филиппов Э.М. На северо-западном направлении. – СПб., 2010.
3. Кашулев Ю.А., Семин В.Н. Начало войны // Ветеран границы. – 1996. – № 3.
4. Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944. – СПб., 1994.
5. Огненные фарватеры. – Л.: Лениздат, 1987.
6. Центральный архив Федеральной пограничной службы Российской Федерации (ЦА ФПС РФ). Ф. 225.
7. Широкопад А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг. – Мн.: Харвест, 2002.

*Г. Я. Мурадова**

Женщины-военнослужащие в подразделениях МПВО Ленинграда

В данной статье автор рассматривает роль женщин-военнослужащих в подразделениях местной противовоздушной обороны Ленинграда в период блокады. В работе показан героизм женщин, которые выполняли тяжелую, но важную работу для защиты города от врага.

In this article the author investigate the role of Women soldiers in units of local air defense of Leningrad during the blockade. The work shows the heroism of the women who do the heavy but important work to save his hometown from the enemy.

The work is written on base of materials from Central State Archive of Historical Political Documentation.

Ключевые слова: МПВО Ленинграда, блокада Ленинграда, женщины-военнослужащие, героизм, Великая Отечественная война, войска, оборона, патриотизм, бомбежка, авиация.

Key words: Local Air Defense of Leningrad, the blockade of Leningrad, Women soldiers, heroism, Great Patriotic War, force, the defense, patriotism, bombing, aviation.

Огромную роль в противовоздушной обороне Ленинграда играли женщины и девушки, служившие в подразделениях по обслуживанию ПВО блокированного города. Они почти полностью заменили мужчин в частях аэростатов воздушного заграждения, в подразделениях войск наблюдения, оповещения и связи, в прожекторных частях. Например, в одном полку, оборонявших Ленинград, женщин было 687 чел. [4, с. 321].

Важной частью системы ПВО являлась местная противовоздушная оборона (МПВО) Ленинграда, предназначавшаяся для ликвидации последствий артобстрелов и ударов авиации противника. МПВО Ленинграда на 85–90 %, а иногда и полностью состояла из женского контингента. Служба в данном виде войск являлась ничуть не менее опасной и не менее сложной, чем в боевых подразделениях и требовала от девушек и женщин мобилизации всех сил и знаний во имя спасения родного города. А сделать это было не так-то просто. Многие девушки-бойцы МПВО Ленинграда в своих сообще-

* **Мурадова Гульнара Якубовна**, аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

ниях и воспоминаниях отмечают, как страшно им было дежурить на вышках, но, преодолев страх, они со временем привыкали и вовсе избавлялись от него. Вот, например, что пишет по этому поводу А.С. Семенова, служившая в МПВО Ленинского района: «Моя работа заключалась в том, чтобы дежурить на вышке, которая находилась на доме № 29 по Измайловскому проспекту. Приходилось наблюдать все бомбежки. Первое время было очень страшно, а потом привыкла...» [б. ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 3].

Схожие данные приводит и Л.П. Михайлова, наблюдатель 330 батальона МПВО, дежурившая на крыше дома № 128 по Обводному каналу: «4 ноября 1943 г. я стояла на вышке со своей помощницей. Начался обстрел. Я вижу, что помощница – телефонистка сильно испугалась. Она стояла и тряслась. Снаряды ложились кругом, а она стоит и не может двигаться от страха. Пришлось мне вести наблюдение одной ... Девушка потом привыкла. Оставалась стоять на вышке одна и не тряслась» [б. ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 5].

Подобные примеры встречаются довольно часто в воспоминаниях девушек ПВО, да и других видов войск, защищавших Ленинград. Проанализировав их, закономерным будет сделать вывод, что женщины психологически адаптировались к ужасающим реалиям военного времени. Это заключение подтверждается и тем фактом, что нередко девушки даже в бомбежках и обстрелах находили свои «прелести». «И страшно стоять и вместе с тем очень красиво, когда летели зажигательные бомбы или когда опускались эти осветительные "лампы"» [б. ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 13]. «Кругом все освещено, видны пожары. И красиво и страшно. Жуткая красота такая» [б. ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 15].

В воспоминаниях Л.П. Михайловой можно обнаружить еще один интересный факт. Девушка являлась наблюдателем, но из-за неожиданно возникшей необходимости выполняла роль и наблюдателя, и телефонистки. Таким образом, имеет место факт взаимозаменяемости бойцов МПВО. Последующие примеры подтверждают правоту данного утверждения. Вот что мы находим в тексте воспоминаний наблюдателя 330 батальона МПВО: Н.В. Петрова: «однажды в нашем секторе, расположенном по Лермонтовскому проспекту, проспекту Газа, Обводному каналу и Курляндской улице, начался обстрел. Я работала наблюдателем. Обстрел в этот день был сильным и телефонистку нашу контузило. Пришлось мне одной вести наблюдение, и еще телефонистку заменять» [б. ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 6]. О том же и Н.Н. Савинкова, телефонистка 330 батальона МПВО «Я в батальоне с августа 1942 г. Специ-

альность моя – телефонистка, но приходится также быть и наблюдателем и связистом и дозорным. Когда бывают большие обстрелы, то разбираться не приходится – делаешь то, что надо» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 16].

Очевидно, что дежурство на крышах объектов – это сложная и ответственная работа, требовавшая большой смелости. Девушки, дежурившие на крышах, должны были сообщать данные о происходящем в штаб батальона, а штаб батальона передавал их в штаб района. «Наблюдение вести было сложно. Немцы пускали много ракет. Мы определяли откуда и сообщали в штаб. Работа была напряженной», – вспоминала бывший наблюдатель [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 4].

В случае, если телефонная связь была нарушена, немедленно устраивали живую связь. Самоотверженные девушки до последнего стояли на своем боевом посту, несмотря на грозящую им смертельную опасность. «Надо сказать, что ни один боец не уходил с вышки, какая бы бомбежка или какой бы обстрел не был», – отмечала А.Г. Семенова, боец МПВО Ленинского района [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 5].

В качестве примера героического поведения бойца МПВО можно привести следующий случай, рассказанной А.А. Андреевой, состоявшей в списках местной противовоздушной обороны Дзержинского района: «... на вышке стояла Сергеева. Снаряд попал в здание, где была вышка. Сергееву всю засыпало осколками. Она была ранена, кровь из нее лилась, но она продолжала стоять на посту, еле держась на ногах, пока не пришла смена и не сняла ее» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 7]. После полученных ранений и потери крови Сергеева целый месяц пролежала в больнице.

И еще один из многочисленных примеров самоотверженности девушек, также зафиксированный в воспоминаниях А.А. Андреевой: «В 1943 г. я дежурила на вышке на проспекте Огородникова, д. 11/3. В 10 часов утра начался обстрел района. Снаряды ложились на наш объект... немец бил аж до 10 вечера! Снаряды непрерывно ложились тут и там ... Я стояла и сообщала об этом в штаб. Потом чувствую, что у меня в глазах потемнело, в ушах звон, я ничего не стала видеть, слышать. Я не могла сообразить, что со мной происходит, но все продолжала стоять на своем боевом посту» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 10]. После потери сознания девушкой-бойцом связь была потеряна, и на вышку были посланы бойцы, которые обнаружили ее без сознания. В госпитале А.А. Андреева пришла в себя и узнала, что она была контужена.

Дежурство на вышках было круглосуточным. В начале блокады дежурили по два человека, но потом в силу потерь личного состава войск на вышки выходили по одному [6. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 2].

Бойцам необходимо было выполнять свою боевую задачу, несмотря ни на какие сложности. Бывшие дежурные часто вспоминают, какие они испытывали трудности из-за сложных погодных условий: сильные холода зимой, постоянные дожди весной и осенью [6. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 3].

Еще одним существенным моментом, осложнявшим службу наблюдателей, было то, что вышки были совершенно не оборудованы, особенно на первых этапах войны. Этот факт часто отмечался в отчетах начальников воинских подразделений МПВО Ленинграда и в воспоминаниях самих бойцов, непосредственно дежуривших на крышах: «Пожалуй во время бомбежек было не так страшно, как во время обстрелов. Вышка ведь ничем не защищена. Когда обстреливали было жутковато стоять – вышка была совершенно открытой и совершенно не защищала» [6. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 4].

В отчете начальника МПВО Дзержинского района также обращается внимание на это: «Когда начались бомбежки, то встал ряд конкретных вопросов. Люди на крышах просто сидели и загорали. Никаких указаний в смысле укрытия этих людей не было. Бомбежки показывают, что нужно думать не только о том, чтобы отражать атаки врага, но и о том, чтобы спасти людей» [6. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1270. Л. 2].

Сидевшие на открытых вышках бойцы были к тому же и очень плохо вооружены. Вот, что отмечалось в отчете заместителя директора строительного завода «Судомех» по МПВ: «Укомплектование оружием было плохим. Думаю, что это явилось причиной того, что нас не вызывали на боевой рубеж. Из оружия у нас было всего 30 винтовок и один пулемет (на 700 человек). Причем, винтовки были учебные. Их приходилось еще заваривать» [6. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1271. Л. 7].

Помимо дежурств на крышах, в обязанности бойцов МПВО входило и участие в «дозорах». Этот вид службы был не менее опасным и сложным. Каждый сектор МПВО был разбит на три дозора, т. е. выделены определенные улицы, на которых бойцы вели обходы, имея при себе все необходимое снаряжение. Чтобы понять более конкретно, что из себя представляла разбивка сектора на дозоры, имеет смысл привести пример одного из них. Сектор 330 батальона МПВО включал три дозора: первый – Нарвский проспект и проспект Газа; второй – Обводный канал и Бумажная улица; третий – Сад Первого мая [6. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 13].

На каждом дозоре имелся старший дозорный. С началом обстрела дозорные выходили на обход своего сектора. «Когда идет обстрел района, мы забираем все необходимое, т. е. сумку химической разведки, противогаз, каску, индивидуальные пакеты, ветромер и идем на дозор с таким оснащением», – рассказывала в своем сообщении бывшая дозорная [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 13].

В ходе обхода своего сектора девушки помогали раненым, делали перевязки, оказывали первую помощь. Отсюда же они давали точные указания, куда попал снаряд. Сведения, полученные в ходе дозора, были более конкретными и четкими по сравнению с данными наблюдателей с вышек. «Ведь с вышки можно определить, в какой дом упал снаряд, а тут указывается уже точное место, в какой этаж, какие повреждения, какую нужно оказывать помощь» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 15].

Ведение дозора было очень опасно, так как проходил он во время обстрелов, но это не пугало девушек. «Подходишь к дому, тут раз! – снаряд. Сразу ложишься, потом встаешь, идешь дальше. Смелого пуля боится», – подбадривали себя девушки [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 17].

Бойцы МПВО Ленинграда работали по ликвидации последствий от попадания фугасно-зажигательных и комбинированных бомб, которыми немцы забрасывали город. Был случай, когда боец МПВО, обжигая руки, погасила одна более двух десятков «зажигалок» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 16].

Под свист падающих авиабомб выезжали отряды МПВО, чтобы ликвидировать завалы и извлечь из-под них людей. Слабым девушкам приходилось пробивать по несколько проходов, прислушиваясь к стонам и голосам людей, находящимся под завалами. Часто бойцам приходилось ставить под угрозу собственную жизнь. На проспекте Огородникова дом 18/24 был случай, когда, рискуя своей жизнью, бойцы МПВО Анциферова, Афанасьева и Филипова подставляли под нависшие глыбы свои спины и подпирали их своим телом [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 18].

Пожарные роты МПВО порой имели по 14 выездов в сутки [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 19].

Бойцам медико-санитарной роты МПВО приходилось преодолевать без транспорта большие промежутки пути, неся на руках носилки с ранеными, а иногда и просто самих раненых. Это делалось из-за нехватки бензина. (Характерно, что команды МПВО должны были не только замещать своей физической силой машины, экономя этим топливо, но и работать в две смены по доставке угля для ГЭС [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 16]). Бойцам приходилось отно-

силь в больницы и госпитали дистрофиков, которых было большое количество в городе. Умерших людей отправляли в морг. Разгружали морги, отвозя трупы на кладбища и там хоронили опять же девушки из МПВО.

Помимо всего этого в обязанности женского контингента войск МПВО входила очистка трамвайных путей ото льда, очистка города от нечистот и т. д.

Бойцы местной противовоздушной обороны были задействованы и при строительстве оборонительных сооружений. Интересен следующий факт. Если в ходе строительства этих сооружений бойцы подвергались обстрелу, то прятаться в них им было категорически запрещено, чтобы «немец не раскрыл планы». Поэтому девушкам приходилось искать защиту под деревьями и кустами [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1270. Л. 27].

Свою оценку работы служб МПВО Ленинграда дал помощник начальника штаба по оперативной части 13 батальона Полицейский: «Работа бойца МПВО вообще, а особенно во время ночных бомбардировок, под гул самолетов, разрыв бомб, почти впотымах – работа наитруднейшая и опасная для жизни» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 20]. И в доказательство он приводит случай, произошедший с бойцами МПВО, дежурившими по адресу Красноармейская 6/13. «Что опасность непосредственного поражения грозит бойцам МПВО на каждом шагу, подтверждается следующим фактом. Кроме неразорвавшейся бомбы, попавшей в помещение казармы, второй бомбой были сплюснуты в щели, в которых сидело подразделение в положении «на готове». Эта вторая бомба, подстерегавшая подразделение, упала несколько минут спустя после вывоза взвода из щели. Это была бомба замедленного действия, разорвавшаяся 5–7 минут спустя после падения» [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 342. Л. 21].

На базе участковых команд МПВО районов в Ленинграде было создано 35 отдельных батальонов. Свои команды МПВО были на крупных промышленных предприятиях и заводах Ленинграда. Охарактеризуем структуру таких команд на примере МПВО завода имени Молотова Свердловского района Ленинграда. В команде МПВО данного завода было 260 чел. [б. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 460. Л. 8]. Сюда входили: военизированная вахтерская охрана и пожарная команда. Руководство завода особое внимание уделило противопожарной защите, так как предприятие состояло из большого числа скученных старых зданий с деревянной кровлей. Перечисленные обстоятельства были чрезвычайно опасны в случае попадания зажигательных бомб.

Большой фронт работы приходилось выполнять медико-санитарным командам МПВО заводов. Входившие в них девушки-бойцы, несмотря на собственное истощенное состояние и упадок физических сил, вывозили на санках трупы людей, умерших в течение ночи на территории завода. А их порой к утру набиралось до 12 чел. [б. ф. 4000. Оп. 10. Д. 460. Л. 18].

Таким образом, с заслуженным правом и гордостью можно говорить о том, что отважные ленинградки, вставшие на защиту воздушного пространства своего города, самоотверженно несли службу и не только выдержали все ее тяготы, но и внесли весомый вклад в общую Победу над врагом.

Список литературы

1. Аракелова М.П. Женщины России: опыт истории. – М., 2006.
2. Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. – М., 2002.
3. Мурманцева В.С. Женщины в солдатских шинелях. – М., 1971.
4. Противовоздушная оборона войск. Кн. 2. – М., 1973.
5. Светлишина Н.А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. – М., 1979.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

Местная противовоздушная оборона прифронтовых городов в годы войны, и ее роль в защите населения и объектов от воздушного нападения

В статье характеризуются мероприятия, проводимые силами и средствами местной противовоздушной обороны СССР по защите населения и объектов прифронтовых городов от воздушного нападения авиации противника в годы Великой Отечественной войны. Раскрывается характер деятельности местных органов власти, штабов МПВО, групп самозащиты объектов экономики и жилого сектора в ходе подготовки и ликвидации последствий воздушных налетов авиации противника.

The article deals with viewing the question about measures of the USSR local air defence taking on protecting people and objects in forward-area cities from enemy`s air attacks. Local authorities, local air defence staff, self-protection groups and their activity in preparing industrial objects and dwellings for enemy`s air attacks and eliminating their aftermath are objected in the article.

Ключевые слова: воздушное нападение, местная противовоздушная оборона, защита населения, группа самозащиты, убежище, штаб.

Key words: air-attacks, local air defence, civil protection, self-protection groups, dugout, staff.

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для штабов и формирований местной противовоздушной обороны СССР. В планах гитлеровского командования одной из главных задач военно-воздушных сил Германии являлось нарушение работы нашей промышленности, транспорта и связи, уничтожение советских людей, подавление их воли к сопротивлению. Массированными ударами авиации по крупнейшим административно-политическим и промышленным центрам, в том числе по Москве и Ленинграду, железнодорожным узлам, аэродромам и другим важным в оборонном и экономическом отношении объектам, фашисты рассчитывали дезорганизовать наш тыл. Немецкая авиация в 3,2 раза превосходила авиацию Красной армии по боевым самолетам новых типов [16, с. 252].

* **Гусев Александр Викторович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Защита в чрезвычайных ситуациях», Костромской государственной технологической университет.

Вероломное нападение фашистской авиации не застало местную противоздушную оборону (МПВО) врасплох. Формирования МПВО городов Белоруссии, Украины, Молдавии и Прибалтийских республик в считанные часы были приведены в боевую готовность. Так, по приказу штаба Краснознаменного Балтийского флота г. Таллинн был затемнен в 00 ч 05 мин 22 июня [1, с. 14]. В Киеве и Ленинграде МПВО находилась в боевой готовности к 6 ч 30 мин первого дня войны [2, с. 16]. В постановлении Запорожского обкома КП(б)У от 22 июня 1941 г. указывалось, что «развертывание МПВО г. Запорожья проходит нормально» [7, с. 26].

Своевременно были подготовлены формирования местной ПВО Севастополя, Одессы, Житомира, Каунаса, Вильнюса, Новороссийска, Архангельска, Мурманска и других городов. В частности, для формирований МПВО Севастополя первый день войны стал серьезным испытанием. В ночь на 22 июня штаб МПВО получил сообщение о приближении к городу неприятельских самолетов. В течение трех минут весь город погрузился в темноту. Врагу удалось сбросить на город всего две бомбы, да и те попали на объекты, не имевшие оборонного значения. На результатах такой эффективной деятельности сказалось то, что организация МПВО в Севастополе была поставлена очень серьезно еще задолго до войны. Не реже чем раз в две недели в городе проводились учебные воздушные тревоги. Всюду – в жилых домах и на предприятиях – были созданы группы самозащиты.

В первой половине дня 22 июня 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был принят текст обращения к советскому народу. В нем говорилось: «Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством... Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей». В обращении была выражена непоколебимая уверенность в том, что Красная армия и флот с честью выполнят свой долг перед Родиной. Обращение заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» [15]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» военное положение было объявлено в Архангельской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калининской, Курской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях, Краснодарском крае, Белорусской ССР, Карело-Финской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Украинской ССР, Эстонской ССР, в Крыму и в городах Москва и Ленинград [8, с. 146].

К 18 ч 22 июня все штабы МПВО городов получили указания о введении «Угрожаемого положения», светомаскировки и о переводе участковых команд МПВО на казарменное положение. В целом действия штабов и служб проходили организованно. К наступлению ночи все основные мероприятия по светомаскировке, организации наблюдения за территорией городов и объектов, по приведению в полную боевую готовность командных пунктов были закончены. Местные органы власти приступили к организации формирований МПВО в городах, где до войны развертывание МПВО в полном объеме не предусматривалось. Например, 25 июня 1941 г. исполком Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся образовал областной штаб МПВО, а с июля штабы МПВО были созданы во всех городских районах и городах области [6, с. 85]. Первые дни войны показали, что напряженная подготовительная работа к защите городов от нападения с воздуха дала положительные результаты. МПВО выдержала первый боевой экзамен, стойко встретила бомбовые удары врага. Однако в ее организации и боевой деятельности выявились и некоторые недостатки: не везде был детально разработан порядок предупреждения населения об опасности нападения с воздуха; иногда сигнал «Воздушная тревога» подавался даже при появлении фашистских самолетов-разведчиков, что случалось по несколько раз на день, и это сказывалось на работе предприятий, которая без необходимости прерывалась; в некоторых городах не хватало убежищ, приходилось срочно строить укрытия простейшего типа; сказывалось отсутствие опыта в ведении аварийно-спасательных работ; низкой была оперативность оказания медицинской помощи пострадавшим из-за отсутствия в штабах МПВО подвижных подразделений разведки, в результате чего медленно проводился розыск раненых, следовательно, запаздывала и медицинская помощь [9, с. 65].

Возникали сложности в борьбе с зажигательными бомбами. До войны формирования МПВО городов готовились к тушению крупнокалиберных термитных бомб, которые ожидалось в таком же количестве, как и фугасные. Немцы же применяли главным образом небольшие 400 и 900-граммовые электронно-термитные бомбы. Тушить их научились быстро, однако первоначально пожары от таких бомб принесли немалый ущерб, в частности, в Минске, Смоленске, Мурманске. Потери среди населения, не занятого на производстве, происходили главным образом в результате нарушения правил защиты. В начале войны особенно страдали дети. Оставаясь дома без присмотра, они не уходили по сигналу тревоги в убежище и поэтому иногда погибали от осколков авиабомб или в за-

валах разрушенных зданий. Сложившееся положение требовало срочно принять меры к снижению потерь среди населения, улучшению деятельности МПВО.

Важную роль в мобилизации МПВО на успешное решение задач сыграло постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Согласно постановлению все советские люди должны были овладевать правилами противовоздушной и противохимической обороны (ПВХО), учиться устранять последствия налетов фашистской авиации, уметь оказывать первую помощь пострадавшим. Все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 18 до 50 лет в обязательном порядке привлекались к участию в группах самозащиты МПВО на предприятиях, в учреждениях и жилых домах. Подготовка населения к ПВХО возлагалась на Осоавиахим, руководство по обучению групп самозащиты – на Главное управление МПВО НКВД СССР [11, с. 50].

В городах-пунктах ПВО эту работу организовывали штабы МПВО. Постановление положило начало всеобщей обязательной подготовке населения к ПВХО. Масштаб предстоящей работы был велик. Так, например, только в Поволжье предстояло обучить несколько миллионов человек, подготовить сотни бойцов формирований МПВО. Обучению по нормам комплекса ПВХО подлежали: в ТАССР – 1 445 092, в Куйбышевской области – 1 200 000, в Саратовской области – 880 568, в Пензенской области – 1 256 080, в Сталинградской области – 1 295 580 человек [18, с. 23]. В Тульской области принимались экстренные меры по подготовке населения к ПВХО. В своей книге «Рабочая Тула сражается. (Записки бывшего секретаря райкома партии)» бывший первый секретарь Центрального района города Тулы А.Н. Малыгин писал: «В соответствии с этим постановлением в районе было организовано более 200 групп самозащиты и противопожарных звеньев. Занятия в них проводились по 12-часовой программе. Систематически организовывались беседы и доклады о борьбе с зажигательными бомбами, с пожарами, о противохимической защите» [12, с. 41].

В прифронтовых городах широко развернулось строительство убежищ и укрытий. Формирования МПВО, самоотверженно ликвидируя последствия вражеских налетов, активно участвовали в строительстве укрытий для населения. В результате только в первые месяцы войны к ранее имевшимся прибавилось несколько сот тысяч бомбо- и газобезопасных, щелей и землянок вместимостью до 20 млн человек [3, с. 12]. Под убежища приспособлялись подвалы и другие пригодные для укрытия людей сооружения. К ноябрю

1941 г. проблема укрытия населения в значительной мере была решена. И, безусловно, это во много раз снизило потери.

Многие бойцы МПВО плечом к плечу с воинами Вооруженных сил сражались против фашистских захватчиков. Так, в августе 1941 г. формирования МПВО Запорожья совместно с личным составом 157-го стрелкового полка укрепляли передний край обороны, снабжали фронтовые части боеприпасами, вели разведку боевых позиций противника. Сандружинницы вынесли с поля боя сотни раненых [4, с. 12]. На базе формирований МПВО создавались и успешно действовали партизанские отряды. Таким, например, являлся отряд «Ястребок», состоявший из бойцов МПВО Новоросийска. Командовал им начальник штаба МПВО города Б. Василенко [5, с. 9]. Выполняя задачи по укреплению ближайших подступов к столице, 3-й инженерно-противохимический полк МПВО Москвы в короткий срок установил 20 756 противотанковых и 5 236 противопехотных мин, а также множество всевозможных заграждений.

Меры, принятые руководством СССР по усилению МПВО в первые месяцы войны, оказались своевременными и необходимыми. Особенно это сказалось в период обороны Москвы и Ленинграда. Всего на Москву противнику удалось совершить 141 воздушный налет и сбросить более 1 600 фугасных авиационных бомб и 100 тыс. зажигательных бомб [13, с. 237]. Действуя смело и решительно, бойцы МПВО внесли свой вклад в дело спасения Москвы от разрушения и пожаров. В системе МПВО Ленинграда имелось около 300 тыс. бойцов и командиров, объединенных в различные формирования и находившихся в постоянной готовности.

Необычайной стойкости севастопольцев, выдержавших многомесячную осаду, немало способствовала правильно организованная МПВО города. С первых дней войны город начал практически зарываться в землю. Трудящиеся Севастополя под руководством штаба МПВО вырыли штольни на глубине от 5 до 10 м в горах и на улицах. В некоторых из штолен размещалось до 50, в других до 5 000 чел. В них были проведены свет, вода, оборудована система вентиляции. Под землей были расположены и предприятия, снабжавшие армию и население продовольствием и вооружением. Под землей ремонтировалась военная техника, работали кинотеатры, школы.

В усилении МПВО страны огромную роль сыграли городские комитеты обороны, созданные в крупных городах прифронтовых районов страны на основании постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 22 октября 1941 г. «О городских комитетах обороны». Комитеты объединили под своим руководством всю гражданскую и военную власть. На граждан и учреждения возлага-

лась обязанность беспрекословно выполнять постановления этих чрезвычайных партийно-государственных и военно-хозяйственных органов. Всего с октября 1941 г. до середины 1943 г. в стране действовало более 60 городских комитетов обороны. Комитеты уделяли много внимания подготовке формирований МПВО, строительству убежищ и другим защитным мероприятиям МПВО. В качестве примера можно привести работу комитета обороны Сталинграда (председатель А.С. Чуприянов), созданного 23 октября 1941 г. Комитет неоднократно заслушивал директоров предприятий и начальников МПВО районов о состоянии дел и непосредственно руководил ликвидацией последствий бомбардировок, оказанием помощи пострадавшим. Сталинградский ГКО 4 ноября 1941 г. обсуждал вопрос «Об усилении МПВО г. Сталинграда», а 19 декабря рассмотрел вопрос об обеспеченности населения города средствами защиты (убежищами, укрытиями). В принятом им постановлении была намечена большая программа работ по оборудованию и строительству укрытий для населения. В кратчайшие сроки требовалось закончить постройку укрытий на рынках, площадях, скверах, трамвайных остановках и т. п. В 1941–1942 гг. вопросы МПВО неоднократно решались городскими комитетами обороны Астрахани, Архангельска, Вологды, Воронежа, Мурманска, Муром, Севастополя, Новороссийска, Тамбова и многих других городов [17. Оп. 88. Д. 507. Л. 27].

Из 122 городов-пунктов ПВО Союза ССР в 1941–1942 гг. 93 было захвачено противником. По мере продвижения фронта в глубь территории страны в целях сокращения потерь среди гражданского населения, а также сохранения промышленных предприятий и жилого фонда в новых прифронтовых районах создавалась и укреплялась система местной ПВО. Зона угрожаемого положения определялась с учетом расстояния от линии фронта. К концу первого периода войны мероприятия МПВО проводились уже в 223 городах, переведенных в разряд городов-пунктов ПВО. В новых прифронтовых районах страны в формированиях МПВО происходила замена мужчин женщинами. Из системы МПВО в марте – апреле 1942 г. отзывались военнообязанные мужчины до 45 лет, а их места занимали женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Так, в МПВО столицы взамен убывших на фронт 12 тыс. мужчин прибыли девушки-добровольцы. В Ленинградскую организацию МПВО влилось 16,5 тыс. женщин, в систему МПВО Сталинграда – 7 тыс. женщин. Женщины овладевали трудными профессиями, обучаясь пожарному, подрывному, саперному и другому делу. К весне 1942 г. в частях и формированиях МПВО находилось более 6 млн бойцов и командиров. Кроме того, к концу года было подготовлено по нормам

ПВХО 53 млн рабочих и служащих предприятий и учреждений, учащихся старших классов и студентов [14, с. 8].

Вновь сформированные по месту жительства группы самозащиты поддерживали порядок и организованность во время воздушной тревоги, осуществляли контроль за выполнением гражданами установленных правил поведения и обязанностей по МПВО, обеспечивали своевременное укрытие населения в убежищах, контролировали состояние светомаскировки. Группы самозащиты тушили зажигательные бомбы, оказывали первую медицинскую помощь раненым в очагах поражения и выполняли работы по ликвидации последствий нападения с воздуха. Всего по стране было создано около 80 тыс. групп самозащиты с общим количеством личного состава более 5 млн человек. Начальники групп самозащиты и командиры звеньев проходили обучение в районных школах МПВО по 35-часовой программе. Рядовой состав обучали командиры звеньев и начальники групп самозащиты по 25-часовой программе.

На промышленных предприятиях комплектовались объектовые формирования и аварийно-восстановительные отряды численностью от 150 до 500 чел. каждый. Таких формирований по стране насчитывалось около шести тысяч, общей численностью до 1 млн бойцов [10, с. 35]. Весь личный состав объектовых формирований работал на предприятиях, а после работы находился на казарменном положении, нес дежурство на крышах домов, тушил пожары, спасал раненых и ликвидировал аварии. Для более оперативного решения вопросов защиты рабочих и служащих на промышленных предприятиях в штабах городов была введена должность заместителя начальника штаба по руководству проведением мероприятий МПВО на объектах.

Участковые команды, объектовые формирования и группы самозащиты в основном успешно выполняли свои боевые задачи. Однако с большими очагами поражения им было очень трудно справляться. Для этого требовалась более мобильная, достаточно оснащенная техническими средствами организация. По решению ГКО в июле – августе 1942 г. в 49 городах-пунктах ПВО на базе участковых команд по структуре частей Красной армии было создано 132 отдельных городских батальона (в Москве – 25, в Ленинграде – 35), 22 отдельные роты, 3 роты управления и 26 штабных взводов общей численностью 70 тыс. чел. Эти подразделения стали укомплектовываться кадровым командным составом. Наиболее организованную и достаточно оснащенную в техническом отношении силу представляли кадровые инженерно-противохимические полки МПВО НКВД СССР. Они находились в оперативном подчинении на-

чальников МПВО городов и областей и использовались в наиболее сложных очагах поражения.

Итак, в годы Великой Отечественной войны МПВО превратилась в многомиллионную массовую организацию, которая успешно ликвидировала последствия массированных налетов фашистской авиации и ударов артиллерии. В тесном взаимодействии с частями Красной армии личному составу местной ПВО удалось спасти от разрушения и пожаров крупнейшие административно-политические и промышленные центры СССР, многие и многие тысячи жизней советских граждан.

Список литературы

1. Военные знания.– 1965. – № 5.
2. Военные знания.– 1964. – № 10.
3. Военные знания.– 1972. – № 5.
4. Военные знания.– 1972. – № 5.
5. Военные знания.– 1967. – № 7.
6. В дни суровых испытаний. – Волгоград, 1966.
7. Запорожская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Запорожье, 1959.
8. История Коммунистической партии Советского Союза.– Т. 5. – М., 1970.
9. Колтуков Г.К. Гражданская оборона вчера и сегодня. – М., 1975.
10. Колтуков Г.К. От МПВО – к Гражданской обороне. – М., 1968.
11. Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945). Документы и материалы.– М., 1970.
12. Малыгин А.Н. Рабочая Тула сражается // Записки бывшего секретаря райкома партии.– М., 1974.
13. Москва – фронту.– М., 1966.
14. Оглоблин К.С. Молодежь и гражданская оборона. – М., 1973.
15. Правда.– 1941. – 23 июня.
16. 50 лет Вооруженных сил СССР. – М., 1968.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88.
18. Ченакал Д.Д. Военное небо Поволжья // ПВО Поволжья в годы Великой Отечественной войны. – Саратов, 1986.

УДК 94(47).05

*А. Н. Кардаш**

Реакция народа на Церковную реформу Петра I

В статье рассмотрена публицистика времен Петровских преобразований и отношение к ним русского народа. Были ли реформы ожидаемы народом и приняты им как необходимость, или же народ не принял преобразования.

The purpose of this article is structuring and researching publications during the reforms of Peter the Great which authors was not from representatives of the upper class but directly from the Russian people. Were reforms expected and accepted by the people as a necessity or people did not accept the reform.

Ключевые слова: Петр Великий, Московское царство, Церковная реформа, Григорий Талицкий, Варлаам Левин, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, народ, старообрядцы, Сказание об Антихристе, Поморские ответы, Голиков, Арсений Мациевич, раскол, Георгий Флоровский.

Key words: Peter the Great, Muscovy, reform of the Russian Church, Gregory Talitsky, Varlaam Levin, Stephan Yavorsky, Feofan Prokopovich, people, Old Believers, Tale of the antichrist, Pomorskie answers, Golikov, Arseniy Matsievich, schism, George Florovsky.

Современная историография все еще не пришла и едва ли в ближайшее время сможет прийти к единой оценке событий, происходивших в России в конце XVII – начале XVIII в. и названных Петровскими реформами. Одни оценивают эти реформы как спасение России из азиатской пропасти, другие же характеризуют их как величайшее преступление против русской культуры и самобытности. Споры западников и славянофилов до сих пор не затихают. Но обе стороны едины в том, что Петровские реформы стали переломным моментом в истории русского народа. Это был коренной сдвиг всего русского культурного пласта, глобальное изменение так называемого цивилизационного кода.

А как русский народ встретил Петровские преобразования? Были ли реформы ожидаемы народом и приняты им как необходимость,

* **Кардаш Алексей Николаевич**, аспирант кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет Аэрокосмического приборостроения.

или же страна не приняла преобразований? Ответы на данные вопросы помогут нам лучше разобраться в историческом смысле Петровских реформ.

Народной массе, к которой должно быть причислено большинство горожан, все крестьянство, а также духовенство, были непонятны конечные цели преобразований Петра, в которых русские люди замечали, прежде всего, надругание над родной священной стариной, во имя еретических иноземных обычаев и порядков. В самом Петре очень многое оскорбляло и поражало народ: его пренебрежение к прежнему укладу жизни «благочестивых» царей, его нервная подвижность и энергичная деятельность, его сближение с иностранцами; его собственные поездки за границу, его веротерпимость к «еретиками» и дозволение смешанных браков, его глумление над церковными обрядами, порядком и духовенством, его «всешутейший собор» и «свадьба князя-папы» и т. д. Преобразования Петра и продолжительная Великая Северная война требовали от народа чрезвычайного напряжения сил, и одни только тяготы рекрутского набора, принудительного труда, подушной подати и т. д. могли служить основанием народного протеста. Но этого мало. Законодательство Петра коснулось ближайшим образом и церкви. Перемена летосчисления, запрещение лить большие колокола, разорение часовен, запрещение крестных ходов и т. д. вызывали в народе страшное смещение; стали прямо говорить, что Петр иконоборец. С самого начала XVIII в. Петр ополчился на монашество и его быт, подверг его всевозможным ограничениям и лишил прежнего материального довольства. Неуважение Петра к церкви дошло до того, что он отменил патриаршество, которое, по мнению народа, было учреждено богом на вечные времена. Сам же царь, подвергнув насильному пострижению свою первую жену, женился на лютеранке, восприемником которой при принятии православия был его же сын Алексей Петрович и, таким образом, вышло, что Петр женился на своей внучке по духовному родству, которое русские ценили гораздо больше, чем плотское. Словом, вся окружающая действительность подавала полное основание к недовольству, которое и выразилось в бунтах стрельцов, в тайном ропоте, в открытых упреках в лицо царю, в заговоре на его жизнь, в лубочных картинах, как, например «Как мыши кота погребают», наконец, и в литературных произведениях. Так как весь государственный, общественный и семейный быт старинной Руси носил религиозный отпечаток, то и все петровские новшества рассматривались и оценивались людьми, главным образом, с религиозной точки зрения. Понятно поэтому, что свое отрицательное отношение народ

резюмировал, наконец, во взгляде на Петра как воплощенного антихриста [8, с. 1368–1396].

Первыми проповедниками представленного взгляда были православный человек Григорий Талицкий и раскольник Варлаам Левин [2, с. 3–84]. Во многом их поддерживали и епископ Игнатий Тамбовский, и даже сам местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский [2, с. 5, 32]. Именно поэтому не вызывает удивления, что мысль о том, что Петр – антихрист, «развивали на разные лады и священник, у которого отобрали пчельник и требовали небывалых прежде сборов, и бродячий старец, которого ловила полиция, и крестьянин, которому приходилось не в моч от тягостей нового тягла, и сын боярский, изнуренный службой, и вдова-стрельчиха после колесованного мужа, и нищий, которому не велено было просить милостыню, – все, кого только коснулись новые порядки. Одни распространяли свои мысли через подметные письма, другие прямо лезли на казни, чтобы побороться с антихристовой прелестью, поносили царя на площадях, улицах в церквах» [7, с. 149]. А.В. Карташев по этому поводу пишет: «Противники Церкви раскольники-старообрядцы не молчали и громко в своей рукописной подпольной литературе изображали Петра и все его дело, как дело антихриста» [3, с. 382].

Народное недовольство вообще, как и проповедь о Петре-Антихристе, нашло живой отклик, поддержку и дальнейшее развитие в старообрядчестве, этом наиболее консервативном и наиболее сознательном в религиозном отношении элементе того времени. Старообрядцы не только осмыслили народный протест, но и выразили его в своих сочинениях, пользуясь которыми мы можем восстановить более реально, как приняли русские люди отмену патриаршества и как поняли они внутреннюю сущность той перемены, которая произошла в строе русской церкви вследствие учреждения Петром Духовной коллегии и что, наконец, им не понравилось в Духовном регламенте.

По повелению Петра определением от 23 апреля 1722 г. Св. Синод постановил: «во раскольнические станы, ради разглагольствия и вещания, послать от Синода определенного к раскольным делам иеромонаха Неофита неотложно и дать ему инструкцию по надлежащему». Неофит был послан в Олонецкую провинцию на Петровские заводы. Согласно этому постановлению Неофит, бывший одним из учеников известного нижегородского епископа Питирима, в последних числах сентября 1722 г. прибыл в Петрозаводск и вызвал к себе для собеседования старообрядцев знаменитой Выговской пустыни. Но представители их просили Неофита изложить

письменно, о чем будут вестись собеседования, что он и сделал, написав им 106 вопросов, на которые 28 июня 1723 г. они и представили ему свои ответы в двух экземплярах. Так появились знаменитые «Поморские ответы», ставшие как бы первой символической книгой раскола [5, с. 377–381]. В этом вопроснике среди других разноречий старообрядцев с господствующей Церковью Неофитом был прямо поставлен поморцам следующий вопрос № 52: «Благочестивый государь наш Император Петр Великий, самодержец всероссийский, и Святейший Правительствующий Синод, и все православные христиане, верно с упованием надежду имеют спасение получить, вы же вменяете ли за православных, или причитаете к некаким еретикам, ко отпадшим от восточной Церкви?» [10, с. 462–463]. Отвечая на этот вопрос, поморцы должны были так же прямо и по существу определить и выяснить свое отношение к царской власти и Св. Синоду. И они не задумались это сделать, чем и любопытен для нас их ответ 52: «Христос Бог во священном Евангелии, научает, глаголя: воздадите убо яже кесарева кесареви: и яже Божия, Богови: Лука, глава 2. Сим спасительным его наказанием и мы, грубые научаемся, яже в богослужение и в богоугождение надлежат, благочестия таинства, церковные уставохранения, спасительного дела, воздавати всемерно Богови: тако и от его вседержавная Божия десницы поставленному... Императору, всемилостивейшему нашему государю, должные чести и покорения, благодарения и всеверная служения, всеусердно воздавати. Сице мы и от апостольскаго священного накащания научаемся, глаголющаго: Бога бойтесь, царя чтите: 1. Петрово, глава 2... и его богоизбранное всепресветлейшее Императорское Величество, честнейшими гласы всеговейно почитать. Мы аще о внесенных от Никона новопредниих сомневаемся, но не сомневаемся о богопоставленном самодержавствии богохранимаго и богопомазаннаго самодержца... Мы его государскаго благочестия не истязуем, но Господа Бога за его милосердное Величество молим... Мы и Святейшаго Правительствующаго Синода не унижаем, но честно почитаем: и архиерейскаго достоинства безчестными словесы не оглаголуем. Аще же о новостех никаких, от никоновых времен в церковь внесенных, сомневаемся и опасаемся, и древлеправославная церковь, святоотеческое содержание, безсомнительно во спасение своих душ содержим: но на их архиерейские высокие чины, мы премалейшии и последнейшии, суда наносити не дерзаем» [10, с. 463–465].

Ответ поморцев, несомненно, несколько уклончив. Пользуясь благоволением Государя, они не хотели его потерять и потому ответили в почтительном тоне. Выговцы вообще держали себя остo-

рожно и избегали конфликтов с предержавшей властью, что можно видеть также из того, какую позицию они заняли в вопросе о молитве за царя [7, с. 345–352]. Однако несомненно, что в своем почтительном отношении к светской и духовной власти поморцы были неискренни.

Во второй половине XVIII в. из секты странников вышло «Собрание от Святого Писания об антихристе». В этом старообрядческом литературном произведении Петр I объявляется личным лжехристосом-антихристом, мучителем православных христиан, распространителем своей новой жидовской веры, узаконившим новолетие Янусовское (т. е. январское). Из произведения читаем: «А в 1721 г. принял на себя титул патриаршескую. И ста главой церкви российския, восхитив на себя не точию царскую власть, но и святительскую и Божию, бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава надо всеми, противник Христов, антихрист». Подобных характеристик Петра достаточно много. В одном говорится, что Петр самолично убил Патриарха патриаршим жезлом и «вшед в грановитую палату, вынул свой булатный меч и ударив по столу оным булатным мечом, аз вам царь, Патриарх, Бог вам – трижды возглашал». Последняя карикатура основана на достаточно достоверном предании. Голиков в его «Деяниях» передает, что будто бы группа членов Синода в присутствии самого Петра на одном из заседаний подала прошение о назначении Патриарха. По словам графа Бестужева, Петр, ударя себя в грудь, сказал «Вот вам Патриарх», по словам барона Черкасова, «обнажив свой кортик и ударя плашмя по столу, скачал с великим гневом: "вот вам Патриарх!"».

Реальность такой сцены (только не в Синоде) весьма вероятна. Голиков продолжает: «К сему прибавлю и я слышанное мною от одного почтеннейшего старца, что отмена Патриарха была весьма многим и из светских крайне чувствительна, ибо они не иначе, как с воздыханием о сем вспоминали, а в первые годы даже бунты и заговоры на сие начинали». В последующие царствования мы услышим еще ряд оппозиционных иерархических голосов. Открытое официальное заявление о благовременности уничтожения Синода вместе с отменой унижительной присяги для его членов сделали в 1742 г. при восшествии на престол Елизаветы два члена Синода: известный митрополит Ростовский Арсений Мациевич и Новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич. Трагическая судьба Арсения при Екатерине II надолго заставила иерархию прикусить языки по этому вопросу. И до XIX в. открытой критики синодального строя в печатном виде нельзя было и ожидать.

В сочинениях о том, что Петр есть Антихрист, раскольники пошли еще дальше и точнее квалифицировали сущность тех отношений, в какие встали между собой государь и духовная иерархия со времени замены независимого патриаршества Св. Синодом. Самое раннее раскольническое сочинение о Петре как воплощенном Антихристе неизвестного автора, может быть Косьмы Андреева, относится к 1710 г., и появилось на Керженце, среди последователей этого расколоучителя. Но выраженное им учение находило себе распространение и в других местах [7, с. 150–162]. Однако особенное развитие оно получило в секте странников, основанной беглым солдатом Евеимием [9, с. 19–26]. Из среды этой секты и вышло, правда уже в конце XVIII в., «Собрание от святого писания о Антихристе». Здесь наряду с общими рассуждениями о пришествии Антихриста в лице Петра говорилось, что «в 1721 году приял на себя титулу Патриаршескую, именовася Отец Отечества, яко же свидетельствует книжка "Царство мертвых" (лист 115), и Глава Церкви Российския, и бысть самовластен, не имея никого в равенстве себе, восхитив на себя не точию Царскую власть, но и Святительскую и Божию, бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава надо всеми, противник Христов, Антихрист». В другом месте того же «Собрания» читаем: «и устави Сенат и Синод, и сам бысть над ними главою и судиею главнейшим, и тако нача той глаголемый Бог, паче меры возвышатися». Там же, наконец, в подтверждение того, что Петр действительно похитил себе святительскую власть, автор ссылается прямо на Духовный регламент. Он пишет: «И тако той лжехристос, восхитив на себя Царскую и Святительскую власть, и вступи на высочайшую степень Патриаршескую, яко свидетельствует о том изданная им книга "Регламент Духовный", лист 3, в 9ти пунктах: како и для чего уничтожи Патриаршество, дабы ему единому властвовать, не имея равна себе, но, вместо того, устави Синод и Снедрию, содержащую в себе правления духовных дел, имея в себе 12 членов, 4 ассесора, 2 президента, 2 вице-президента, и утверди их седьмоклятвенною присягою (действительно, слово "клянусь", "клятва" употреблено в "Присяге членов Духовной Коллегии" семь раз [1, с. 8–11]), дабы кроме его единого, ни каких дел не творити, но имели бы его единого превысочайшею главою и судиею всея Церкви».

Наконец, еще одно из сочинений секты Странников, приписывая Петру целый ряд деяний, доказывающих, с их точки зрения, что он Антихрист, говорит, между прочим, что он «похитил духовную власть и представительство в ней... сяде разсуждати духовная, на месте отставленного им патриарха, да не претит ему вводити язы-

ческие обычаи и назвася главою» [6, с. 110]. По поводу выписанных слов автор в примечании говорит: «Не говоря уже о том, что и здесь масса исторических несообразностей, нельзя не заметить, что Странники в лице "Тюменского странника" позволяют себе утверждать, что после того, как Петр I, обривши бороду, приехал в Москву и за это получил от патриарха название «Заморского кота», то «избрав время, убил его (патриарха) патриаршим жезлом», сам же «вшед в грановитую палату, вынув свой булатный меч и ударив по столу оным булатным мечем: аз вам царь, патриарх, Бог вам – трижды возглашал» [4, с. 21].

Как видно из приведенных отрывков раскольнических сочинений старообрядцы поняли сущность церковной реформы Петра, а в частности, учреждение Духовной коллегии и содержание Духовного регламента, совершенно так же, как поняли их и иноверные им иностранцы, усмотрев в происшедшей на их глазах перемене церковного строя и быта, а также и отношений русского государя к церковной иерархии явление глубокого принципиального значения. Замена патриаршества Духовной коллегией далеко не показалась русскому народу лишь заменой единоличного правления, более совершенным коллегиальным. Они отлично разбирались в том, что 9 «вин» первой части Духовного регламента бьют гораздо дальше, а именно устанавливают юридическую зависимость Духовной коллегии, а с нею и всей иерархии, от монарха [1, с. 30]. От народа не ускользнул и совершенно особый характер «седмоклятвенной присяги», в которой иерархи, вопреки заповеди Евангелий должны были клясться именем Божиим [1, с. 85–154], и, между прочим, в том, что «с клятвою исповедуют Крайняго Судию Духовной сей Коллегии быти самого всероссийскаго Монарха, Государя нашего всемилостевейшаго». Вся совокупность этих данных позволяла народу прямо утверждать, что Петр объявил себя «единого превысочайшею главою и судиею всея Церкви», стал «самовластным пастырем», и сделал это не по праву, а путем нарушения Божьего установления, похитив титул и власть патриаршую. Очень важно отметить, что старообрядцы, более других близкие по духу Московской Руси, совсем не видели естественного преемства в характере власти и отношений Петра к Церкви и иерархии с его предками царями Московскими. Напротив, в образе действий Петра они усматривали коренную перемену, не умея определить ее точнее в юридических понятиях.

Вполне можно сделать вывод, что в народной массе реформа Петра не была принята. Георгий Флоровский по этому поводу пишет: «Нужно различать замысел и исполнение. Петровская Реформа в целом не удалась. "Духовный Регламент" есть только

программа реформы. Именно программа, не итог. И не вся программа была исполнена, не вся оказалась исполнима. Сбылось сразу и больше, и меньше, чем что было задумано...».

«Реформация» осталась внешним насилием, – она заставила церковное тело сжаться, но не нашла симпатического отзвука в глубинах церковного сознания. Феофан был насильником, но не стал вождем. Петровская реформа проходила совсем не без протестов. Нужно было немало мужества, чтобы свой протест и даже свое мнение высказать своему самому ближнему, – в этот век розысков и доносов. И еще больше мужества и смелости было нужно, чтобы положить свой протест на бумагу. Вот почему историку протест и недовольство слышится скорее, как некий невнятный, хотя и бурный шорох беспокойной стихии, нежели как словесное обличение. Однако это недовольство питалось вовсе не только слепым пристрастием к старине, но и действительной ревностью о вере. И ведь многие вполне принимали политическую реформу Петра и готовы были идти с ним, но не могли и не хотели принять его Реформацию. Таков был, прежде всего, Стефан Яворский, – он с равной искренностью восхищался в своих «предиках» или «казаниях» славными подвигами и викториями Петра и обличал незакономерные или несправедливые вторжения мирских властей в церковные дела, как и нарушение самим царем церковных уставов. Именно поэтому Петр и терпел от него дерзкие слова. Стефан был до конца уверен в своем праве и должности обличать и печаловаться. Он не мог забыть, что «он поставлен благодатью Божией», а не только «от державного Монарха», не мог почувствовать себя только государевым приказчиком или служилым человеком. Во всяком случае, не из пристрастия к чуждой для него Московской старине, и «папезским» образцам Стефан противился и спорил с самим Петром и с Феофаном. Он не стоял за старину, он был за Реформу. Но он был за Церковь и против «Реформации». И Стефан был не один.

Духовенство в России с Петровской эпохи становится «запуганным сословием». Отчасти оно опускается или оттесняется в социальные низы. А на верхах устанавливается двусмысленное молчание. Лучшие замыкаются внутри себя, – уходят во «внутреннюю пустыню» своего сердца, ибо во внешнюю пустыню в XVIII в. уходить не дозволялось. Эта запуганная скованность «духовного чина» стала одним из самых главных итогов Петровской реформы. И в дальнейшем Русское церковное сознание долгое время развивается под этим двойным торможением – административным приказом и внутренним испугом.

Список литературы

1. Верховский П. В. Учреждение Духовной Коллегии и Духовный Регламент. Т. 2. – Ростов н/Д, 1916.
2. Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия. – СПб., 1861.
3. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. – Минск, 2004.
4. Мельников Ф.Е. Блуждающее богословие. – Барнаул, 2002. Первое издание в 1911 г. Рукопись в библиотеке Титова, 2006.
5. Макарий митрополит Московский, История русского раскола. 3-е изд. – СПб., 1889, О посылке Неофита и происхождении "Поморских ответов".
6. Пятницкий И.К. Секта Странников и её значение в старообрядчестве. 2-е изд. – СПб., 1912.
7. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. – СПб., 1909.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен.
9. Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. В. I. – СПб., 1912.
10. Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита в издании Старообрядческой типографии Симакова в Уральске 1911 г. Об этом издании см. В.Г. Дружинина "Подлинная рукопись Поморских Ответов и её издание". Изв. Отд. рус. яз. и словесности И.А.Н. Т. XVII. 1912. Кн. 1. – СПб., 1912.

*И. А. Старичкова**

**Проблема финансирования школьного образования
в Тихвинском провинциальном уезде Новгородской губернии
(середина XIX – начало XX вв.)**

В статье рассматриваются вопросы финансирования учреждений системы школьного образования Тихвинского провинциального уезда Новгородской губернии в период с середины XIX в. по 1917 г. Выделяются основные источники финансирования, дается краткая историческая справка о каждом из них, произведен анализ средств, поступавших на нужды образования.

The article reviews questions of School education's funding of Tichvinskiy provincial district of Novgorod province from the middle of the XIX-th century to 1917. The main funding sources are assigned, their short historical reference is done, the media agencefor education process is made.

Ключевые слова: земство, Министерство народного просвещения, Синод, Епархиальный училищный совет, «кружечный сбор», Братство Св. Софии, Общество взаимопомощи учащим и учившим, Школьно-строительный фонд имени Петра Великого, плата за обучение, частные пожертвования, сельские крестьянские общества, гимназия, реальное училище, церковно-приходская школа, частная школа.

Key words: zemstvo, The Department of Public Education, Synod, the council of diocese, church charge, The St. Sophia Community, The company for students and teachers' relief, School construction fund of Peter The Great, educatijn pay, private donation, country company of peasants, gimnasium, college, parish shool, private school.

Школы, функционировавшие в Тихвинском провинциальном уезде Новгородской губернии в дореволюционный период, финансировались из различных источников.

Все народные школы в Новгородской губернии (а следовательно, и в Тихвинском уезде) по источникам их содержания можно подразделить на шесть типов: Образцовые училища Министерства народного просвещения, «содержимые или исключительно на правительственные средства или на совместные средства правительства, земства и сельских обществ»; земские школы (в том числе и второразрядные) финансировались из совместных средств губернского и уездных земств); городские школы содержались за счет го-

* **Старичкова Ирина Александровна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

родов и правительства, часто с пособием от уездных земств; церковно-приходские школы, финансирование которых осуществлялось прихожанами с привлечением пособия от духовного ведомства; частные школы, средства на которые отпускались частными лицами и учреждениями [3, с. 35] и школы грамотности (домашние школы или подвижные) [15, с. 80–82], содержавшиеся до 1884 г. исключительно на средства сельских крестьянских обществ, затем на средства епархии [14. Оп. 3Л. 7]. Но поскольку у Новгородского Епархиального училищного совета и его Тихвинского уездного отделения, как правило, не имелось средств на провинциальные школы, они оказывались обделены финансированием [11, с. 1].

Для обеспечения церковно-приходских школ и школ грамоты, духовных училищ большим подспорьем являлся «кружечный сбор» по церквам уезда «на церковное школьное дело». Данный целевой сбор в качестве пожертвований прихожан «обыкновенно поступал в Братство Св. Софии (в Новгороде), которое как этот сбор, так и значительную часть взносов своих членов передавало в епархиальный училищный совет уезда» [12. Оп. 3. Д. 1258. Л. 15]. Кроме того, средства на их содержание выделялись и из Новгородской епархии Русской православной церкви.

Плата за обучение, взимаемая с родителей учащихся, являлась ещё одним источником содержания начальных училищ, но не всех. Так, например, из 33 земских начальных народных училищ Тихвинского уезда, действовавших в 1884–1885 уч. г., 15 учебных заведений не вводили плату за обучение [14. Оп. 3. Д. 1247. Л. 129 об. - 195]. В других же школах: грамоты, церковно-приходских, министерских и оставшихся земских она колебалась от 60 коп. в год [2. Оп. 3. Д. 1258. Л. 52 об.-53] до 30 коп. в месяц [2. Л. 143 об.-144, 189 об.]. Таким образом, её размер не являлся строго фиксированным, равным для всех учебных заведений. Причем плата в низших учебных заведениях уезда отличалась от платы, вносимой родителями в подобные учреждения города. В Тихвинском городском мужском и Тихвинском женском приходских училищах стоимость обучения составляла 1 руб. в год с ученика [14. Оп. 3. Д. 1247. Л. 194-194 об.]. Городское образование считалось более престижным и качественным, поэтому более высокооплачиваемым.

Главными налогоплательщиками, формировавшими бюджет земства, являлись крестьяне (они выплачивали по 18 коп. с десятины своего надела). И, кроме того, в некоторых волостях Тихвинского уезда крестьяне несли дополнительные расходы на содержание школ, внося вклад от 2-х до 10 коп. с души всех домохозяев на нужды школы [14. Л. 130–131].

Однако расходы на народное образование составляли необязательную часть сметы как уездных, так и губернского земств. Например, в смете Тихвинского земства на 1866 г. строка расходов на народное образование не встречается, на 1867 г. на этот счет было запланировано истратить 2 тыс. руб., но они так и остались почти не израсходованными, поэтому в следующем, 1868 г., ассигновок на этот предмет снова не предполагалось. В 1869 г. смета земских расходов на народное образование составила 500 руб. [1, с. 18].

Вместе с тем с конца XIX в. земство начинает уделять этой сфере значительное внимание. Изучение данных расходов Тихвинского земства, извлеченных из уездных смет по народному образованию на 1897, 1909, 1914 гг. показывает, что больше всего средств им было потрачено именно на содержание начальных земских школ и изредка оно стремилось оказывать помощь пособиями Министерским образцовым училищам [7, с. 99–100]. Сравнивая затраты на народное образование в разных уездах Новгородской губернии, можно отметить, что наивысший процент увеличения расходов на нужды школ приходился на Старорусский и Тихвинский уезды, «... в которых школьное дело поставлено наименее удовлетворительно» [14. Оп. 3. Д. 1247. Л. 42 об.].

Следует также отметить, что средства как от Министерства, так и от земств могли быть сначала включены в сметы, а затем не войти в них.

С начала XX в., чувствуя весомую роль земства в образовательной системе и стремясь оттеснить его от руководства школьным делом на местах Министерство народного просвещения начало предпринимать попытки формирования новых принципов организации и финансирования учебных заведений. С этой целью правительство обещало материальную поддержку всем: и ведомственным организациям, и частным обществам, однако не располагало достаточными ресурсами [6, с. 47]. Государственная политика преследовала цель не столько управления и финансирования школы, сколько управления обществом через школу. Но попытки огосударствления зачастую были не удачными.

Одной из таких попыток государства принять активное участие в деле организации всеобщего народного образования явилось создание в 1909 г. при Министерстве народного просвещения «Школьно-строительного фонда имени преобразователя России императора Петра Великого». Этот фонд «...предназначался для выдачи...ссуд на постройку и покупку новых и расширение существующих зданий начальных училищ названного ведомства...». Ссуды выдавались на срок не более двадцати лет в размере не свыше че-

тырёх – пятых строительной стоимости школьных зданий, кроме того, заёмщик обязан был выплачивать помимо суммы погашения ссуды ещё и проценты в размере «трёх годовых», а если задерживал выплату, то вынужден был уплачивать пени [18, с. 427–428]. Предложенный вариант, конечно, не мог решить проблему обеспечения населения достаточным числом низших учебных заведений.

Если говорить подробнее о финансировании средних учебных заведений, например, прогимназий, гимназий, реальных училищ, то согласно нормативно-правовым документам они содержались за счет правительства или на счёт обществ, сословий и частных лиц, однако открывались лишь по распоряжению министра народного просвещения [19, с. 302]. Вместе с тем главным источником финансирования Тихвинской прогимназии (позднее – гимназии) и других учреждений этого типа, относящихся к Санкт-Петербургскому учебному округу, являлась плата за обучение, которую «все ученики... обязаны (были) вносить пополугодно вперед, в течение двух первых месяцев каждого полугодия». Причем цифры, приведенные в отчёте МНП, свидетельствуют о постоянном увеличении сумм оплаты. В 1873 г. сумма сборов с учащихся гимназий и прогимназий по Санкт-Петербургскому учебному округу, куда входили учреждения образования и Тихвинского уезда, составляла 25 669 руб., а в 1903 г. она заметно возросла до 191 518 руб. [8, с. 118–119].

Согласно уставу Министерства народного просвещения лица, не внесшие платы в установленные сроки, считались выбывшими из заведения, но по внесении её могли быть вновь приняты. От платы за ученье, по определению местного педагогического совета, освобождались заслужившие по своему поведению и прилежанию дети совершенно недостаточных родителей: причем чтобы общее число освобождаемых от платы за ученье составляло в отношении ко всему числу учащихся не более 10 % [8, с. 304].

Как правило, от платы за обучение в средних учебных заведениях города освобождались дети учителей и других «интеллигентных работников» уезда. Так, например, крестьянский сын, уроженец д. Валя Тихвинского уезда Владимир Вальский (1902 г.р.), мать которого работала сельской учительницей, «учился в реальном училище на казенный счёт» [4, с. 8]. Также бесплатно обучался в этом же заведении в 1914–1915 г. и сын фельдшера Шугозерской больницы Добромыслова [16, с. 315].

Обязательным условием для получения пособия была «известность просителя». Так, акушерка Поварова, стремившаяся дать образование своему ребенку, получила в 1913 г. отказ: «за неизвестностью личности просительницы». Схожая формулировка

отрицательного ответа («...отказать в ходатайстве ввиду того, что проситель не местный уроженец и личность его не известна») была предназначена и для гимназиста Николая Юксовского [16, с. 313].

Плата за обучение составляла в Тихвинской прогимназии в 1875 г. 8 руб., а с учащихся, изучавших иностранные языки, – 15 руб. [10, с. 12]. К началу XX в. инфляционные процессы повлекли за собой вздорожание образовательных услуг. В начале столетия плата обучения составляла от 40 до 50 руб. в год, а к 1915 г. 65–70 руб. [10, с. 30]. В Тихвинском реальном училище в 1913–1914 гг. стоимость обучения равнялась 50 руб. В других училищах губернии этого типа она колебалась от 30 до 60 руб. [17. Оп. 1. Д. 1368. Л. 9].

Если учесть, что годовая заработная плата высококвалифицированных рабочих, приказчиков составляла в то время в год 200–350 руб. [9], то понятно, что обучение ребенка могли позволить себе только обеспеченные люди. Хотя и последним приходилось порой туговато – семьи-то были многодетными. При этом 50 руб. в конце XIX в. – это цена двух лошадей или четырех коров, приобретению которых крестьянин наверняка отдавал предпочтение, нежели образованию своих детей. В связи с этим в большинстве средних учебных заведений (в том числе и реальных училищах) Новгородской губернии учились дети городского сословия, обеспеченного сельского населения, дети дворян, чиновников и незначительное количество детей духовенства, а также крестьянских детей [17. Оп. 1. Д. 1368. Л. 6].

Помимо родительской платы за обучение детей, определенную роль в финансировании средних учебных заведений региона играли скромные субсидии, поступавшие от Тихвинской городской управы. Правда, поступали они далеко не в срок, а то и вовсе прекращали поступать. К 1911 г. недоимка города составила 7 тыс. руб. [17. Л. 17], и это несмотря на то, что «...в 1892 году, по ходатайству городской думы, Министром народного просвещения уменьшено было пособие города с 1500 до 1200 рублей, с тем, чтобы субсидия вносились аккуратно и безнедоимочно» [17. Л. 14].

Также расходы на образование в средних учебных заведениях обещало нести и Тихвинское земство. Например, гимназии было обещано пособие в 750 руб. Причем эта ассигновка по правилам должна была стать обязательной для смет и отменить это постановление можно было только с особого разрешения правительства по достаточно веским основаниям [1, с. 20]. Неизвестно, что явилось таковыми, поскольку на начало XX в. в кассе учреждения не имелось даже 5 руб. [10, с. 19]. В сметах расходов местного земства в изучаемый нами период напротив графы «на средние учебные за-

ведения» стоит прочерк, что свидетельствует о не выделении средств на их нужды.

Согласно отчетным документам Министерства народного просвещения, только по Санкт-Петербургскому учебному округу цифры выделяемых сумм от государственного казначейства на содержание гимназий и прогимназий были, во-первых, гораздо выше расходов земств и других обозначенных источников; во-вторых, за 30 лет расходы выросли почти в четыре раза (с 20 396 руб. в 1873 г. до 80 654 руб. в 1903 г. [8, с. 118–119]). Кроме того, главной причиной медленного накопления материальных средств для развития учебных заведений Министерство называло «слабость общественной инициативы, непривычку организовать общепольное дело...» [8, с. 19].

Среди источников поступления средств на содержание учебных заведений уезда можно назвать также помощь отдельных меценатов уезда, попечительных советов учреждений [8, с. 16], Обществ взаимопомощи учащим и учившим. Последнее действовало в г. Новгороде с 1893 г., в него входили пожизненные члены из всех уездов Новгородской губернии (5 сентября 1895 г. их было 494 чел.), в том числе и 10 представителей из Тихвинского уезда. Речь идет о Сергее Григорьевиче Бередникове, Михаиле Николаевиче Буткевиче и восьми уездных учителях [13, с. 1–3]. Главными задачами данного общества являлись назначение денежных пособий и ссуд и «приискание» других видов материальной помощи. С 1903 г. было открыто Тихвинское уездное отделение этого общества. Раз в месяц члены общества рассматривали различные прошення, связанные с развитием образования в уезде. Схема работы отделения предусматривала, что в «тех случаях, когда уездное отделение по состоянию средств не может удовлетворить просьбу о пособии, то оно по уставу... просит о назначении такового главное общество». Но известно, что «Новгородское губернское общество взаимопомощи по многим причинам не развивало своей деятельности до максимальных размеров доступных его силам». Ведь эти организации существовали за счёт членских взносов, которые часто вносились попечителями не вовремя [5, с. 39].

Основная масса средств, отпускаемых на школы из разных, перечисленных выше источников, сосредотачивалась в уездном училищном совете, от которого зависело и распоряжение ими. Организация же взимания, хранения и отчетности по этим суммам возлагались на уездные земские управы [14. Оп. 3. Д. 1247. Л. 54].

Приведённые факты в целом дают наглядное представление об условиях, в которых проходило становление школьного образования в Тихвинском уезде. Рассматривая вопрос финансирования образовательных учреждений уезда, можно отметить, что, несмотря

на высокую степень поддержки со стороны общества и земств, вызванную пониманием необходимости образования населения, в этой области наблюдалась постоянная нехватка средств, что, прежде всего, было связано с недостаточно активной и малоэффективной политикой государства по поддержке образования в России во второй половине XIX – начале XX в.

Список литературы

1. Бередников, С.Г. Краткий очерк деятельности Тихвинского земства Новгородской губернии к 25-ти летию земства. – СПб., 1889.
2. Ведомость о средствах содержания школ грамоты на 1896–1897 уч. год // Гос. архив Новгор. обл. (ГАНО). Ф. 98.
3. Вестник Новгородского Земства (ВНЗ). – 1900. – №14.
4. Вестник. – 2000. – №6. Тихвин.
5. ВНЗ. – 1904. – №11.
6. Вопросы истории. – 1998. – № 8.
7. Выписка из уездных смет расходов на уездные земские повинности на 1909 г. // Сб. постановлений Земских собр. Новгор. губернии за 1908 г. – Т. 1. – Новгород, 1908.
8. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения 1858–1905 гг. / Издание департамента народного просвещения. – СПб., 1905.
9. Кара-Мурза, С.Г. Столыпин – отец русской революции. URL: <http://www.kara-murza.ru/books/stolipin>
10. Лебедевский С.Н. Прошлое и настоящее Тихвинской женской гимназии 1875 – 1915.– Тихвин, 1915.
11. Отчет о состоянии в учебно-воспитательном отношении церковных школ Новгородской епархии за 1913–1914 учебный год. – Новгород, 1915 // Библиотека ГИАНО.
12. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Новгородской епархии за 1896-1897 год. – Новгород, 1897 // ГАНО. Ф. 98.
13. Отчёт общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Новгородской губернии за 1895–1896 год. – Новгород, 1896 // Краеведческий отдел Новгор. обл. научн. универсальной библи. (К.О. НОУНБ).
14. Очерк народного образования в Новгородской губернии за 1884–1885 уч. год. – Новгород, 1887 // ГАНО Ф. 98.
15. Педагогика. – 2000. – № 10.
16. Сборник постановлений Земских собраний Новгородской губернии за 1913 год. Т. 1. – Новгород, 1914 // КФ. библиотеки ГАНО.
17. Сведения о состоянии реальных училищ Новгородской губернии в 1913–1914 учебном году // ГАНО. Ф. 98.
18. Свод уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения 1893 г. // Свод законов Рос. империи: в 16 т. / под ред. Мордухай-Болтовского. – СПб., 1912.
19. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 1864 г. // Хрестоматия по истории школы и педагогики в России / сост. С.Ф. Егоров. – М., 1986.

РКП(б) в системе сельских и волостных органов власти в России (первая половина 1920-х гг.)

В статье рассматривается роль сельских ячеек и волостных комитетов РКП(б) в системе местного управления в годы НЭПа. Характеризуются особенности состава и деятельности местных партийных органов, степень контроля над ними со стороны вышестоящих партийных инстанций. Раскрыты основные проблемы и противоречия в процессе установления партийного контроля над советами в 1921–1925 гг.

The article considers the role of rural cells and volost committees of RCP (B) in the system of local management during the New Economic Policy. Author characterizes features of structure and activity of local party bodies and control over them by higher party instances. The basic problems and contradictions of an establishment of the party control over councils (Soviets) in 1921-1925 are disclosed.

Ключевые слова: РКП(б), Конституция, коммунист, коммунистическая ячейка, волостной партийный комитет, партийный актив, политический контроль, сельский совет, волостной съезд советов, волостной исполнительный комитет, «оживление» советов, избирательная комиссия, сельский сход.

Key words: RCP(B) (The Russian Communist Party of Bolsheviks), the Constitution, the communist, a communistic cell, volost party committee, a party active, the political control, rural Soviets, volost congress of Soviets, volost executive committee, "revival" of Soviets, election committee, a rural gathering.

В отечественной [1, с. 38; 24, с. 20; 23, с. 18–29] и зарубежной [26, с. 146–153, 185–194] историографии устоялось представление о том, что за годы Гражданской войны и «военного коммунизма» в РСФСР сформировалась модель управления, для которой были характерны параллельное развитие советских и партийных структур при доминирующей роли последних, а также усиленная централизация власти. «Была создана хорошо отлаженная бюрократически-централизованная система аппаратных структур, – отмечал в этой связи Е.Г. Гимпельсон. – Характерной особенностью этой системы было то, что ее возглавил аппарат правящей партии, использовавший ее (систему) для реализации своих идеологических постулатов "революционного переустройства общества"» [4, с. 14].

Соответствующим образом рассматривались и 20-е гг.: как период создания и укрепления сельских и волостных ячеек коммунистической партии, усиления партийного руководства над местными

* **Тропов Игорь Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

советах, превращения последних в послушный технический аппарат партийных органов. «В волкомах и укомах РКП(б) неоднократно заслушивались доклады работников уездных советских органов, волостных исполкомов и сельсоветов, налаживалось руководство ими через партийные фракции, улучшался состав советского аппарата. Волостные и сельские советы обрастали секциями и постоянными комиссиями, смелее брались за решение наиболее волновавших крестьян вопросов хозяйственной и общественной жизни, активнее привлекали к своей работе широкий беспартийный актив» [16, с. 271].

Рассмотрим, из каких элементов состояла в 20-е гг. система местного управления, и насколько справедливыми являются утверждения о жестко управляемом характере процессов функционирования местной власти со стороны партийных органов.

Артикуляция данной проблемы выглядела весьма противоречиво даже на уровне официальных, казалось бы, достаточно выверенных и унифицированных положений. Так, в начале 1922 г. накануне открытия XI съезда РКП(б) В.И. Ленин заявлял о необходимости более четко разграничить партийные и советские функции. Требуя «повысить ответственность и самостоятельность совработников и совучреждений, а за партией оставить общее руководство работой...», он решительно возражал против «теперешнего слишком частого, нерегулярного, часто мелкого вмешательства» партийных органов в работу местных советов [10, с. 61]. В резолюции же XII съезда РКП(б) по отчету ЦК (апрель 1923 г.), наоборот, утверждалось: «Партия ни в коем случае не может теперь ограничиваться только общей пропагандой и агитацией. Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т. е. Компартии» [9, с. 683].

Заявления высоких партийных инстанций подхватывались и разъяснялись местными «ответственными работниками». Так, секретарь Вологодского губкома Г.И. Данилов заявлял на губернской партконференции в ноябре 1925 г.: «Наша партия является правительственной партией, возглавляющей Советы, она несет моральную ответственность перед рабоче-крестьянскими массами за правильность и успешность работы Советов» [19, с. 39].

Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция СССР 1924 г., напротив, провозглашали наличие власти в стране в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [6]. В сельской местности низовыми органами власти являлись сельские советы, избираемые непосредственно гражданами каждые три месяца из расчета один депутат на каждую сотню местного населения, а также формируемые из числа депутатов исполнительные комитеты (исполкомы). В

1922 г. в РСФСР насчитывалось около 120 тыс. сельсоветов, в состав которых входило 484 тыс. чел. [8, с. 157]. К 1925 г. число членов сельсоветов возросло до 700 тыс. чел., в каждом сельсовете работало от 11 до 17 чел. [17, с. 30].

Высшей властью в волости являлся, согласно Конституции, съезд советов. Волостной съезд советов созывался особой волостной избирательной комиссией, состоящей из двух представителей волостного исполнительного комитета и одного представителя уездного исполнительного комитета. Состав съезда формировался из числа представителей сельсоветов (один депутат от десяти членов Совета). В перерывах между съездами действовали волостные исполнительные комитеты (волисполкомы, или ВИК). ВИК подчинялся уездному исполнительному комитету, его президиуму и был ответственен перед ними в своих действиях. Равным образом председатель волисполкома был подотчетен и ответственен не перед своими избирателями, а перед президиумом вышестоящего (уездного) исполкома [2, с. 13].

Однако реалии организационной структуры и функционирования сельских и волостных институтов власти в 20-е гг. во многом отличались и от резолюций партийных форумов, и от положений Основного закона страны. Анализ ситуации на местах заставляет усомниться не только в «диктатуре» партии в отношении советов, но – в целом ряде случаев – и в наличии сколько-нибудь серьезного контроля над ними со стороны местных организаций РКП(б) в первой половине 20-х гг.

Местные партийные органы – волостные комитеты партии и сельские ячейки – к началу 20-х гг. получили уже довольно-таки широкое распространение. К концу Гражданской войны на территории РСФСР насчитывалось 14 тыс. волкомов и более 24 тыс. сельских ячеек [15]. X съезд РКП(б) в марте 1921 г. сформулировал задачу усиления коммунистических ячеек как в отношении их численности, так и в особенности «по обогащению содержания их деятельности». В ближайшей перспективе предполагалось, что «ячейки, не ограничиваясь пропагандистско-воспитательной работой, должны превратиться в основные боевые органы хозяйственной работы партии» [9, с. 523].

Выполнение этих и других директив в условиях перехода страны к новой экономической политике в 1921 г. осложнялось целым рядом обстоятельств, связанных с составом и деятельностью местных партийных органов, а также с отношением к ним со стороны крестьян. Переход к нэпу сопровождался, с одной стороны, чисткой партийных рядов от «чуждых», «кулацких» элементов [7]. С другой

стороны, сокращение партийных рядов было вызвано и добровольным решением о выходе из партии части членов РКП(б), не согласных с принципами НЭПа либо руководствовавшихся иными основаниями (среди них чаще всего указывалось на состояние болезни и на «семейные обстоятельства») [13, с. 239–240].

Немало сложностей в организации и деятельности местного партийного аппарата сохранялось и в дальнейшем. Об этом, в частности, говорилось на XII съезде РКП(б), работа которого проходила в Москве в апреле 1923 г. Резолюция «По организационному вопросу» хотя и в крайне идеологизированном виде, указывала на эту проблему следующим образом: «Опасности нэпа для внутреннего состояния РКП не должны недооцениваться. Возможность перерождения известных клеточек партии не исключена...». Будучи правящей партией, отмечалось в резолюции, нельзя «не считаться с тем, что в ее ряды в течение еще нескольких лет будут неизбежно притекать чуждые элементы» [9, с. 726]. На съезде была подтверждена задача улучшения состава коммунистической партии. Ее выполнение виделось политическому руководству в увеличении числа коммунистов из промышленных рабочих, в проведении регулярных «проверок» и «чисток» партийных рядов, в совершенствовании механизмов подбора руководящего состава ответственных работников, шире снабжать провинциальные органы партийной прессой и т. д. [9, с. 726–729].

Яркую картину существовавших на местах проблем оставили, прежде всего, сами современники, среди которых были члены коммунистической партии и беспартийные.

Прежде всего, остро ощущалась нехватка образованных, добросовестных и энергичных людей, способных и готовых работать в сельских ячейках и волостных комитетах. По наблюдениям Я. Яковлева, изучавшего в 1923 г. ряд волостей Курской губернии, оживить местную партийную работу могли бы бывшие красноармейцы. Но в одних случаях они сами не спешили вступать в партию или (если они уже являлись членами РКП(б)) не стремились записываться в ячейку, мотивируя это необходимостью вести хозяйство, в то время как партийная работа «слишком отрывает». В других случаях на пути у партийных активистов вставали всевозможные формальные препятствия: «В нашу николевскую [волостную] ячейку красноармеец деревни Княжой подал заявление; ему секретарь сказал: "Дай поручителей по уставу [партии]", а поручителей "откуда взять?". Он походил, походил и бросил...» [25, с. 74]. О нехватке «подготовленных партийных сил в деревне» прямо заявлялось на октябрьском

(1924 г.) Пленуме ЦК РКП(б) в резолюции «Об очередных задачах работы в деревне», принятой по докладу В.М. Молотова [9, с. 907].

В результате в составе местных партийных органов преобладали люди, либо забросившие по разным причинам крестьянский труд, либо мало внимания уделявшие сельскому хозяйству, материально нуждавшиеся, подвергавшиеся насмешкам односельчан, изредка или вовсе не читавшие газеты, а в большинстве своем – совершенно малограмотные, перегруженные исполнением всевозможных инструкций вышестоящих инстанций, слабо представлявшие себе суть партийной работы, кроме сбора продналога. Такой тип сельского коммуниста весьма слабо подходил для осуществления не только «диктатуры», но даже общеполитического контроля над местными советами.

Запущенность личного хозяйства и плохое материальное положение в сочетании с формальной всё же причастностью к власти подталкивали часть сельского партактива к злоупотреблениям. Местное население относилось к этому с неприятием и даже с враждебностью. Получалось, говоря словами из письма рядового коммуниста Г.А. Козьмина, что «строго замкнутая каста ответственных» была фактически оторвана «не то что от масс беспартийных, но и от своих партийных низов» [3. Оп. 61. Д 223. Л. 85]. Противоречия и конфликты в низовом партийном звене на почве осязаемого разрыва в положении коммунистических «верхов» и «низов» были дополнительным фактором, затруднявшим деятельность партийных ячеек и комитетов по решению местных социально-экономических и политических проблем.

Ряд исследователей справедливо полагает, что данная ситуация свидетельствовала об отсутствии в рассматриваемый период действенного контроля над местными партийными функционерами со стороны вышестоящих инстанций [11, с. 82]. В свою очередь, отсутствие такого контроля не позволяло добиться действительной унификации структуры и деятельности парткомов и превратить их в надежный инструмент контроля над местными советами. Уполномоченным ОГПУ в своих информационных сводках то и дело приходилось констатировать, что «влияние части волкомов РКП на ВИК и сельсоветы слабое...» [14, с. 225].

Сказанное, конечно, не означает, что тенденций к установлению монополии партийного аппарата на власть не существовало. Напротив, использование административно-командных и репрессивных мер в ходе избирательных кампаний [12, с. 165–179], усиление «персональной связи» («сращивания») руководящих партийных и советских органов путем вхождения секретаря парткома в состав

исполкома соответствующего совета и наоборот [22, с. 68] – всё это было элементами политики, нацеленной на установление «диктатуры партии». Но проблема состояла в том, что местные партийные органы были слабо подготовлены к решению этих задач.

О весьма слабом влиянии партии на сельские и волостные советы свидетельствуют данные о численности коммунистов в этих низовых структурах. Наибольшая доля коммунистов приходилась на волостной советский уровень, наименьшая – на сельский. Конечно, по отдельным регионам России картина могла существенно различаться. Но едва ли вполне заслуживают доверия бодрые рапорты отдельных укомов (например, в Воронежской губернии) о том, что по их директивам в 1922 г. в волисполкомы было избрано 95 % коммунистов [12, с. 167].

В данном случае более показательными являются данные за 1922 г., опубликованные официальными органами НКВД [20, с. 13–20]. В среднем по стране в волисполкомах членов РКП(б) было около 40 %, остальные – беспартийные. Общая численность делегатов волостных съездов по РСФСР составляла свыше 418 тыс. чел. Подавляющее большинство из них опять же составляли беспартийные крестьяне, коммунистов было лишь 11,7 %. Еще меньшим – не более 7–8 % – было в 1922 г. представительство членов партии в сельсоветах [12, с. 168; 21, с. 121].

В некоторых публикациях справедливо отмечается тот факт, что стремление местных партийных работников войти в состав советов было тесно связано не с доктринальными установками, а, прежде всего, с их материальными интересами, т. е. со стремлением «получить жалование» на советской работе и «дополнительные возможности манипулировать населением» [11, с. 72; 12, с. 167].

При слабости местных партийных органов и при их склонности руководствоваться собственными материальными выгодами, а не правительственными директивами, руководство РКП(б) и Советского государства оказывалось в начальный период нэпа перед реальной угрозой полной утраты контроля и над местными парткоммами, и над советами. Ситуация во многом осложнялась сохранявшимися трудностями в развитии нэповской экономики, прежде всего, кризисным состоянием сельского хозяйства. Серьезной проблемой на пути установления политического контроля со стороны большевиков над советами являлся традиционализм крестьянского сознания и поведения. Крестьянам была близка и понятна общинная форма организации управления, к остальным формам организации власти сверху донизу они были настроены сравнительно индифферентно. Так, при обследовании сельсоветов Старо-Быховской волости Мо-

гилевского уезда (Гомельская губ.) выяснилось, что «в деревнях всеми делами управляет общее собрание граждан, а сельсоветы являются больше передаточными инстанциями для разных циркуляров и распоряжений, а также курьерами по созыву собраний» [18. 1923. № 4–5, с. 70]. Указания на то, что общие собрания крестьян (сходы) стоят выше сельсоветов, встречаются и в более поздних публикациях [18. 1924. № 5, с. 16].

Провозглашенная осенью 1924 г. политика «Лицом к деревне!», выразившаяся в том числе в попытках «оживления» советов, привлечения к их деятельности беспартийного актива, отказе от прямого нажима на крестьян, была неоднозначно воспринята членами РКП(б) и беспартийными на местах. Парторганизации зачастую не понимали смысла уступок и заигрывания с крестьянством, не имели ни опыта, ни желания вести трудную да и непривычную для многих политическую работу, связанную с учетом интересов различных групп рядовых избирателей.

Кроме того, быстро выяснилось, что «оживление» советов вело к известному «оживлению» и самого населения. Несмотря на то, что значительная часть крестьян оставалась пассивной, все же увеличилось число заявлений с просьбами от «лишенцев» о восстановлении в избирательных правах, усилились протесты против навязываемых «сверху» кандидатов, а в случае сохранения такой практики крестьяне реагировали временами весьма бурно и попросту отказывались от участия в голосовании.

В итоге политика «оживления» советов не принесла ощутимых результатов для коммунистов. Более того, их численность в советах к 1925 г. даже ощутимо сократилась по сравнению с 1924 г.: в сельсоветах Воронежской губернии с 9,9 до 3,4 %; в Тамбовской – с 10 до 4,9 % и т. д. [12, с. 171]. Среди местных партийных работников росли растерянность и недовольство. На Московской конференции РКП(б) (1925 г.) И.В. Сталин поспешил успокоить партноменклатуру, заявив, что «политический нэп» – это «увлечение» [5. № 5, с. 2]. Сигнал «сверху» был быстро услышан, и уже с лета 1926 г. под предлогом роста «буржуазных элементов» вновь было увеличено число граждан, лишенных избирательных прав и предприняты другие административные меры по обеспечению политического контроля партии над советами.

Рассмотрение политической ситуации в селах и волостях в первой половине 20-х гг. позволяет заключить, что, несмотря на возросшую численность партийных ячеек и вопреки требованиям руководства РКП(б), добиться усиления контроля партии над советами не удавалось. Факторами, затруднявшими решение этой зада-

чи, было отсутствие реального контроля над местными партийными силами со стороны центральных органов РКП(б) и противоречивость идущих «сверху» установок, сочетавших требования превратить советы в проводников «диктатуры пролетариата» с требованиями «оживить» советскую работу на базе отказа от прямого администрирования.

Список литературы

1. Агапцов С.А. Взаимоотношения государственных органов и правящей партии как предмет дискуссий в первые годы советской власти // Политические дискуссии в 20-е годы. М., 1992.
2. Волисполкомы и сельсоветы по данным обследования ЦКК РКП(б) и НКРКИ / под ред. замнаркома НКРКИ СССР С.Е. Чуцкаева и наркома НКВД РСФСР А.Г. Белобородова. – М.: Изд-во НКРКИ, 1924.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235.
4. Гимпельсон Е.Г. Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны // Материалы Всерос. конф. 22 дек. 1997 г. – М.: РГГУ, 1998.
5. Известия ЦК РКП(б). 1925.
6. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. – М., 1957.
7. Ко всем партийным организациям. Об очистке партии // Правда. – 1921. – 27 июля.
8. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М., 1986.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 7-е изд. Ч. I. 1898–1925. – М.: Госполитиздат, 1953.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45.
11. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. – М.: РОССПЭН, 2002.
12. Никулин В.В. РКП(б)-ВКП(б) и Советы. Избирательные кампании в черноземной деревне в период нэпа (1921–1929 гг.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. науч. ст. Вып. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1998.
13. Новгородская земля в эпоху социальных потрясений. 1918–1930 гг.: сб. документов: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. С.В. Яров. – СПб.: Нестор-История, 2006.
14. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е годы (по материалам нижегородских архивов): в 3 т. Т. 1. 1917 – сер. 30-х гг. / сост. А.А. Кулаков и др. – М.: ИРИ РАН, 2002.
15. Олех Г.Л. Чиновничество РКП(б) в начале 1920-х гг. По материалам сибирских архивов. – URL: // <http://www.zaimka.ru/power/olekh4.shtml> (обращение от 15 ноября 2010 г.)
16. Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. II. Ноябрь 1917–1945. – Л.: Лениздат, 1968.
17. Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат. – М.-Л.: Госиздат, 1926.
18. Советская волость.
19. Советы Вологодской области, 1917–1987: Документы и материалы / сост. Р.С. Мительникова и др. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1988.

20. Советы, съезды Советов и исполкомы (Материалы к изучению советской системы управления). – М.: Изд-во НКВД, 1924.
21. Цакунов С.В. В лабиринте доктрины (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы). – М., 1994.
22. Черный В. Вопросы партийного руководства // Большевик. – 1925. – № 7.
23. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. – СПб.: Европейский Дом, 2007.
24. Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика. Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997.
25. Яковлев Я. Деревня как она есть. Очерки Никольской волости. – 4-е изд. – М.; Л.: Госиздат, 1925.
26. von Laue Th. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of Russian Revolution, 1900 1930. Philadelphia, 1964.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(450).093.3

*А. В. Гостенков**

Триполитанская война

В статье рассматривается вопрос влияния итало-турецкой войны на прочность Тройственного союза. В Берлине и Вене войну союзников оценивали по-разному. В действиях Италии кайзер Вильгельм II увидел желание Англии оторвать Италию от союза с Германией. В Вене в возникшей войне начальник генштаба видел шанс нанести удар Италии и укрепить престиж Дунайской империи.

Article considers the question of Italian-Turkish war influence on solidity of the Tripartite alliance. In Berlin and Vienna war of allies was estimated differently. In actions of Italy Kaiser Wilhelm II saw desire of England to tear off Italy from the union with Germany. In Vienna in the arisen war the chief of the Joint Staff saw chance to strike blow of Italy and to strengthen prestige of the Danube Empire.

Ключевые слова: Германия, Австро-Венгрия, Италия, Вильгельм II, Англия, Эренталь, Конрад, Турция, Россия, Тройственный союз, итало-турецкая война, Османская империя.

Key words: Germany, Austro-Hungary, Italy, Wilhelm II, England, Erental, Konrad, Turkey, Russia, the Tripartite alliance, Italian-Turkish war, Ottoman empire.

Ещё до урегулирования второго Марокканского кризиса, но когда уже выяснилось, что Франция окончательно установила протекторат над Марокко, Италия под предлогом восстановления равновесия в Средиземном море и как страна, подписавшая Алхесирасский акт, выдвинула свои притязания на Триполи. Итальянские требования основывались на итало-французских договорённостях 1896–1902 гг., в которых обе страны высказали свою незаинтересованность соответственно в Марокко и Триполи. Подобная же договорённость имелась у Италии с Англией, Россией и партнёром по союзу Австро-Венгрией.

В 1911 г. Королевство Италия праздновало 50-летие своего существования. В стране прошли военные парады, празднества. Но

* **Гостенков Анатолий Васильевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

юбилейные торжества не могли затушевать факт, что внутреннее единство не было достигнуто, страна оставалась промышленно отсталой. Из-за нерешённых проблем не менее 1,6 млн итальянцев покинуло между 1901 и 1911 гг. свою родину.

Внутренние проблемы создавали питательную почву для колониального угара, который в 1911 г. овладел населением в течение нескольких недель. Националистически настроенные интеллектуалы внедрились в сознание населения идею, что лишь обширные колониальные приобретения могут разрешить социальные проблемы. Пресса идею подхватила и конкретизировала Триполитанию и Киренаику, северо-африканские провинции Османской империи создали бы естественное продление Италии в Африке. Успех предприятия мог сплотить население вокруг либеральных реформ Д. Джолитти.

Италия предъявила Турции ультиматум, ограниченный 24 часами, потребовав её согласия на оккупацию Киренаики и Триполитании. Как и следовало ожидать, султан Мехмед V и его младотурецкое правительство отклонили ультиматум, и 29 сентября Италия объявила войну. После занятия итальянцами города Триполи и большей части побережья королевским декретом 4 ноября 1911 г. признавалась аннексия Триполитании и Киренаики.

Италия крайне жестоко обошлась с местным населением. Арабы не приветствовали вторжение и в итальянцах видели новых крестоносцев. Началось господство виселиц. Часто целые группы осужденных вешали на площадях. 2 ноября 1911 г. впервые в истории лейтенант С. Кавотти сбросил с самолета двухкилограммовые бомбы на людей [7, s. 94].

В начавшемся конфликте Германия заняла нейтральную позицию, но этот нейтралитет содействовал Италии. Незадолго до подписания прелиминарного договора Берлин признал итальянские «приобретения»¹. Подобной предупредительностью германские лидеры надеялись прочнее привязать к себе уже давно ненадежного и кокетничавшего с Францией партнёра по Тройственному союзу. Однако и само итальянское правительство уже с апреля 1911 г. проводило зондаж у своих союзников о возможности досрочного возобновления Тройственного союза; сторонниками союза выступали

¹ Во внешнеполитическом ведомстве Германии до начала войны придерживались мнения, что Италия лишь в крайнем случае предпримет наступление на Триполи, поскольку подобное выступление могло привести к серьезным последствиям [13, s. 100]; посол Германии в Константинополе Маршалль заявил своему русскому коллеге Чарыкову, что «германское правительство дает Италии советы умеренности» [2, с. 469, Чарыков – Нератову 26/13 сент. 1911. С. 31].

ли премьер-министр Д. Джолитти и министр иностранных дел С. Джулиано.

Итало-турецкая война обнаружила напряжённость внутри Тройственного союза¹, она касалась не только одного из участников блока, но косвенно затрагивала и другие страны. Германия оказалась сидящей на двух стульях. С одной стороны, партнёр по союзу Италия, с другой – возрастающий экономический интерес в Турции. Для немцев ситуация оказалась неприятной. В течение двух десятилетий Берлин создавал на берегах Босфора плацдарм, Вильгельм считал себя покровителем исламского мира [11].

А Кидерлен-Вехтер опасался упустить психологически удобный момент для продления Тройственного союза. Его австрийский коллега Эренталь вначале не собирался чинить препятствий Италии, напротив. «Я не могу скрывать», – писал он Кидерлен-Вахтеру, «что мне по понятным причинам подходит заинтересованность Италии в Северной Африке». Отвлечение Италии в Африке означало для Австрии большую свободу рук на Балканах. К тому же как в Вене, так и в Берлине считали: своей акцией Италия вызовет противодействие других заинтересованных держав, прежде всего, Франции и Англии, и таким образом стала бы ещё более зависимой от своих союзников [10, № 2809 Меморандум Эренталья от 22.10.1911 г.; 5, 11218 Эренталь – Кидерлен-Вехтеру 10.08.1911; 12, s. 102].

В отношении столкнувшихся сторон мнения в германском руководстве разделились. Канцлер и внешнеполитическое ведомство заняли сторону Италии, кайзер явно симпатизировал Турции. «Если турки в Стамбуле сохраняют нервы и выстоят, арабы обеспечат офицерами, оружием и провиантом, итальянцы в конце концов должны отказаться от Триполи из-за недостатка провианта и других военных нужд ... Турки должны лишь спокойно ждать» [5, 10932. Пометка кайзера на полях сообщения посла в Риме Г. Якова канцлеру 29.10.1911, s. 174].

Поддерживаемый послом в Турции Маршаллем Вильгельм II был убежден, что Италия начала войну, подстрекаемая Англией, и таким образом, хотела поссорить Турцию с Тройственным союзом [5, Заметка кайзера на полях сообщения Кидерлен-Вехтера Вильгельму 24.09.1911, s. 50]. Различия внутри германского руководства выразились в конфликте между Кидерлен-Вехтером и Маршаллем. Поводом стала активизация Россией борьбы за открытие проливов. В эти годы стремительно возрастало значение проливов для эконо-

¹ 3 октября 1911 г. И. Редлих записал в своём дневнике о разговоре с Эренталем. Италия, считал министр, ограничится аннексией Триполи. «Для нас очень хорошо, т. к. Италия на многие годы будет там занята» [12, s. 102].

мики России. Русская промышленность проявляла растущий интерес к рынкам Турции и стран Балканского полуострова. Основной поток хлебного экспорта шёл через проливы. Так, в 1911 г. вывоз хлеба составил по сухопутной границе 31777300 пудов, т.е. 6 %, из балтийских портов 96373790 пудов или 17 %, из черноморских портов 448816870 пудов или 77 % [З. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 245. Л. 25].

Русский посол в Константинополе Чарыков считал благоприятным момент выступления Италии для разрешения «векового спора». «...Уже теперь представляется возможным использовать выступление Италии для нового шага по пути соответствующего коренным русским интересам разрешения одного из старейших и значительных вопросов внешней русской политики – вопроса о проливах»¹ [2, с. 51].

Итак, по убеждению Маршалля, осуществление намерения России, в котором он видел «руку Италии», означало бы не только окончание экономически и политически господствующего положения Германии в Османской империи. «Было бы политической катастрофой, – убеждал он канцлера, – которую едва ли какая держава приняла бы без неудачной ранее войны». Он обратился к Бетман-Гольвегу, чтобы тот не поддержал российской инициативы, ибо это дезавуировало всё то, что он говорил 14 лет [5, 10989. Маршалль – Бетман-Гольвегу 4.12.1911]. Канцлер сообщил кайзеру о нервном состоянии посла, столь мрачно оценивавшего немецкое положение в Турции. Вильгельм же считал положение не столь угрожающим благодаря превосходно представляемой Маршаллем восточной политике.

Кайзер заимствовал аргументацию посла, полагая, будто Италией, Россией и Англией была заранее спланирована акция против Турции, но в большей мере направленная против Германии. Мало-помалу происходит усиление Турции, полагал кайзер. Это не нравится Италии и России. Так как усиление происходит в большей степени благодаря Германии, Англии и Франции это тоже не нравится. «...Поэтому, чтобы подорвать нас экономически, удар должен быть нанесён по Стамбулу и нанести его должна Италия, чтобы скомпрометировать нас как союзников в глазах турок» [5, 10993 Б. Гольвег – Вильгельму II 11.12.1911, пометка кайзера на полях]. Император считал, что игнорирование интересов германской промышленности должно быть исключено или «мы должны взяться за

¹ Роль проливов для экономики России видна из следующего: когда в 1912 и 1913 гг. их временно закрыли, экономический ущерб стране исчислялся 30 млн руб. в месяц [1, с. 156–181. Памятная записка вице-директора канцелярии российского министерства иностранных дел Н.А. Базили].

оружие и с мечом в руках добиться, т. е. вооружаться» [5, 10985 Маршалль – МИДу 7.12.1911. Пометка кайзера].

Если в германском руководстве итало-турецкая война вызвала разногласия внешнеполитического характера, то в Австро-Венгрии она привела к внутривнутриполитическому кризису. Одним из результатов этого кризиса стало отстранение от должности начальника генерального штаба Конрада фон Гётцендорфа.

С 1907 г. Конрад выступил с идеей, что Австро-Венгрия должна вести войну против Италии¹. В Италии Конрад видел не столько партнёра по союзу, сколько силу, противодействующую законным интересам Австро-Венгрии и даже стремящуюся оторвать от неё территории. В необходимости упредить итальянский удар Конрад пытался убедить политическое руководство Вены с момента вступления в должность в ноябре 1906 г. В итало-турецкой войне он видел благоприятную возможность окончательно поставить Рим на место. Конрад развил бурную деятельность, засыпав меморандумами Балльплатц; одновременно он инспирировал многочисленные газетные статьи со своими требованиями. Подобная активность беспокоила министра иностранных дел А. Эренталя. В памятной записке Францу Иосифу 22 октября 1911 г. он предупреждал об опасности для государственных интересов страны вмешательство генерала в дела внешней политики² [10, № 2809, s. 466–470]. Записка Эренталя имела последствия. Конрад получил высылку, а когда он во время аудиенции у императора попытался доказать своевременность своих идей, был уволен³. В переданном Францу Иосифу меморандуме начальник генштаба защищал мнение, будто союз с

¹ Уже с 1899 г. Конрад защищал эту точку зрения, с 1903 г. он активно занимался подготовкой этой войны.

² Желание Конрада постоянно поддерживать напряженность, его готовность на военную авантюру вызвала у австро-венгерских дипломатов даже не озабоченность, а растущую тревогу и даже страх за будущее империи. Австрийский посол в Риме К.М.Мерей в частном письме 26 декабря достаточно ясно выразил ситуацию. «Кризис Конрада произвёл здесь неопишное впечатление. Хотя некоторые итальянцы знали, некоторые подозревали австрийцев, но это было слишком. И могут ли итальянцы иметь доверие к австрийцам... Союзники, готовые предательски напасть из-за угла!» [8, s. 71] Мерей полагал, что из-за подобной политики Дунайской монархии нигде не доверяют (даже в Берлине) и что Австро-Венгрия со всеми государствами находится в плохих отношениях. [14, s. 98].

³ Австро-венгерский монарх как и германский кайзер Вильгельм II считал внешнюю политику своим исключительным правом. «Политику делаю я; это моя политика... В этом смысле вёл мой министр иностранных дел мою политику» [6, s. 46]. В 1879 г. Франц Иосиф заявил парламентариям: «Вы постоянно говорите о политике Андраши, вы не забывайте, это моя политика» [6, s. 45].

Италией наносит ущерб империи. Инстинкт самосохранения, состояние слабости соседа, вызванное войной следует использовать для нападения на него. Именно такой войной соперника можно разгромить. При любом другом развитии событий сохранилась бы угроза для империи с тыла. Принятие же его предложения означало бы свободу действий на Балканах и особенно против России, а также возвращении Венеции, регулирование границ в пользу Австро-Венгрии, разрушение итальянского флота, рост престижа монархии [4, s. 279–282].

Престарелый Франц Иосиф не принял рекомендаций Конрада и на время отправил его в отставку¹. Венская печать причину отставки представляла в предпринятых начальником генштаба и получивших огласку военных мерах на границе с Италией, что вредило «преследуемой графом Эренталем мирной политике и грозившей целостности Тройственного союза». Главной же причиной, вызвавшей конфликт между министром иностранных дел и начальником генштаба, считал русский посол в Вене Н. Гирс, это вопрос об усилении войск в Боснии и Герцеговине. «Вероятно, что граф Эренталь и не имел бы ничего против этого, если бы помянутые меры могли остаться скрытыми от иностранных правительств... Граф Эренталь не мог оставаться равнодушным к такому положению вещей, грозившему подорвать всякую веру в искренность его миролюбивых заявлений» [2, № 171. Гирс – Нератову 7 декабря (24 ноября) 1911 г.]. О том, что Эренталь противодействовал Конраду не из любви к миру, свидетельствует его беседа с И. Редлихом 5 декабря 1911 г. Эренталь, уже смертельно больной лейкемией, заявил своему собеседнику, что «политика обоих императоров, Австрии и Германии, не допустить расторжения существующего союза итало-турецкой войной. Это твёрдое намерение обоих монархов. Эту политику проводит Эренталь, и поэтому барон Конрад должен уйти, поскольку его образ действий привёл бы Италию в руки Франции и Англии, которые этого как раз поджидают». При существующем международном положении Австро-Венгрии не следует побуждать к преждевременному выступлению. «Мы должны оставаться в хвосте, чтобы можно было требовать наши собственные интересы на Балканах». Не забыл Эренталь и об интересах союзника. «Что должны сказать немцы, если однажды мы опрокинем всю политическую систему и оставим их восточный фланг. Дело идёт не только о войне с Итали-

¹ Военный атташе Австро-Венгрии в Берлине граф К. Каганек и начальник германского генштаба граф Г. Мольтке считали, что отставка Конрада для союза стала потерей, даже если и не было сомнения в прогерманской позиции Б. Шенуа, назначенного вместо Конрада. [9, s. 309].

ей, но и о нашем положении на Балканах и отношениях с Россией. Наконец не наше отношение к Италии, но антогонизм между Англией и Германией являются доминирующим моментом в международном положении». Эту напряжённость 2–3 года ещё можно удерживать от европейской войны: «за это время мы должны накопить наши силы. Германия ещё хочет углубить Северо-Восточный канал... Но мы усиливаем нашу армию и тратим наши деньги на это, а не на бессмысленные крепости в Южном Тироле» [12, s. 114–115].

Аналогичные соображения о предстоящей схватке европейских держав высказал и недавно назначенный военный министр Австро-Венгрии М. Ауффенберг. Как и отправленный в недолгую отставку Конрад, военный министр поддерживал акцию против Италии. Победоносная война была бы полезной для монархии, ибо открыла бы возможность германизировать Трентино и поставить под контроль освободительное движение в Сербии. Германскому послу в Вене Чиршки Ауффенберг признавал, что войну с Италией локализовать было бы тяжело, но это нисколько не смущало генерала, поскольку у него было «непоколебимое убеждение» что Германия и Австро-Венгрия в борьбе против коалиции Англии, Франции и России вышли бы победителями [5, №11235. Чиршки – Гольвегу 18.11.1911].

Жёсткую позицию по отношению к Италии занимал и наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Как и генералы, эрцгерцог не считал Италию надёжным союзником и выступал за возобновление Союза трёх императоров (Австро-Венгрии, Германии, России) [5, №11244 Доверительное сообщение Чиршки – Бетман-Гольвегу 1.12.1911]¹. Следует отметить, что о начавшихся ещё до возникновения Триполитанской войны и позже продолженных переговорах о продлении Тройственного союза Франц Фердинанд не был осведомлён. Аналогичная ситуация возникла и в начале 1913 г. во время итало-австрийско-германского совещания по флоту, когда эрцгерцога сознательно нейтрализовали, опасаясь серьёзного сопротивления с его стороны в этом вопросе.

Обострявшаяся на Балканах обстановка побуждала Италию и Турцию ускорить заключение мира. 15 октября 1912 г. в Лозанне был подписан прелиминарный мирный договор, по которому Италия отторгала у Турции Триполитанию и Киренаику. Но итало-турецкая война стала лишь прелюдией к грозным событиям на Балканах.

¹ Отставка Конрада мало что изменила в антиитальянской позиции австрийских лидеров, особенно наследника престола. Полгода спустя после отставки Конрада австрийский посол в Риме К.-М. Мерей в частном письме отцу жаловался: «Политика булавочных уколов против Италии справляет теперь настоящую вакханалию. Каждый курьер наводняет меня враждебными и одиозными заданиями» [8, s. 72].

Список литературы

1. Константинополь и проливы. – М., 1925. – Т. I.
2. Международные отношения в эпоху империализма. Т. XVIII. Ч. II.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1044.
4. Conrad. Aus meiner Dienstzeit. Bd. 2
5. Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. – Berlin 1922–1927. Bd. 30 (I - II).
6. Die Habsburgermonarchie im System der Internationalen Beziehungen 1848–1918. Bd. VI. Wien, 1989.
7. Die Zeit № 21. 15. Mai 2003.
8. Fellner F. Vom Dreibund zum Volkerbund. München, 1994.
9. Günther Kronenbitter. «Krieg im Frieden». Die Führung der K. u. k. Armee und die Großmachtpolitik Österreich-Ungarns 1906–1914. München, 2003.
10. Österreich. Ungarns Außenpolitik von bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Bd. 3.
11. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Er-lenbach-Zürich, 1948
12. Redlich. Politische Tagebuch. Bd. I. Graz, 1953.
13. Ropponen R. Italien als Verbündeter. Helsinki, 1986.
14. Tobisch M. Das Deutschlandbild der Diplomatie Österreich. Ungarns von 1908 bis 1914. Frankfurt/ Main. 1994.

Сведения об авторах

Аллакулыев Мурат Баратович – аспирант кафедры истории России, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова: e-mail: murat_al85@mail.ru

Васильев Павел Андреевич – аспирант, Санкт-Петербургский институт истории РАН: e-mail: p.a.vasilyev@gmail.com

Гостенков Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Гусев Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Защита в чрезвычайных ситуациях», Костромской государственный технологический университет: e-mail: gusev.aleksandr@list.ru

Кардаш Алексей Николаевич – аспирант кафедры истории и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет Аэрокосмического приборостроения; e-mail: itropov@ya.ru

Левашко Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: vo-levashko@yandex.ru

Мурадова Гульнара Якубовна – аспирант кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: zizib@mail.ru

Нимаев Даба Дамбаевич – доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; e-mail: itropov@ya.ru

Старичкова Ирина Александровна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина: e-mail: irinkastarhistory@yandex.ru

Скворцов Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, декан факультета фундаментальных основ современных технологий, заведующий кафедрой химии и технологии неорганических веществ, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: iv.sудариков@gmail.com

Твердюкова Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет: e-mail: tvelena@bk.ru

Тихонов Дмитрий Николаевич – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина: e-mail: tihonova1985@mail.ru

Товпека Андрей Васильевич – соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина: e-mail: itropov@ya.ru

Тропов Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения: e-mail: itropov@ya.ru

Фролов Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; e-mail: itropov@ya.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, 10
тел. (812) 479-90-34

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 4
Том 4. История**

Выпускающий редактор *А. А. Титова*
Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*

Подписано в печать 23.12.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 500 экз. Заказ № 589

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а